

crime story №10

Дарья
ДОНЦОВА

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Марина
КРАМЕР

а также:

Валерия Вербинина

Ольга Володарская

Людмила Ситникова

Наталья Солнцева

Ольга Степнова

Виолетта Якунина

Annotation

Специально для вас наши лучшие авторы – Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Марина Крамер – написали свои замечательные детективные рассказы, которые вошли в сборник «Crime story № 10»! Любимые писатели очаруют вас оригинальным сюжетом, легким стилем и тонким юмором. В каждом криминальном рассказе вы найдете сложнейшее расследование со счастливым концом...

Содержание сборника:

Валерия Вербинина «Богиня весны»
Ольга Володарская «Муж к Новому году»
Дарья Донцова «Эскимос с Марса»
Марина Крамер «Источник жизни»
Анна и Сергей Литвиновы «Обострение чувств»
Людмила Ситникова «Гламурные розовые кролики»
Наталья Солнцева «Вино из мандрагоры»
Ольга Степнова «Бухта Дьявола»
Виолетта Якунина «Роковой мужчина»

- [Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Марина Крамер, Валерия Вербинина, Ольга Володарская, Людмила Ситникова, Наталья Солнцева, Ольга Степнова, Виолетта Якунина](#)
    - [Валерия Вербинина](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
    - [Ольга Володарская](#)
      - [ЭПИЛОГ](#)
    - [Дарья Донцова](#)
    - [Марина Крамер](#)
    - [Анна и Сергей Литвиновы](#)
    - [Людмила Ситникова](#)
    - [Наталья Солнцева](#)
    - [Ольга Степнова](#)
      - [Лето, Крым, год спустя...](#)
    - [Виолетта Якунина](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

**Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Марина Крамер,
Валерия Вербинина, Ольга Володарская, Людмила
Ситникова, Наталья Солнцева, Ольга Степнова, Виолетта
Якунина**
Crime story № 10

Валерия Вербинина
Богиня весны

Ах как хороша, как нежна, как упоительна весна – но вдвойне хороша она в прекрасном городе Париже. Вдоль бульваров каштаны распустили зеленые гривы, воздух пронизан золотом, и даже лошади, уносящие в сказочные дали какой-нибудь ладный, словно игрушечный, экипаж, цокают копытами по-особому звонко. Всюду праздник – в беззаботном смехе детей, играющих в догонялки, в глазах кошек, которые щурятся на солнце, лежа на подоконниках, в оживленных лицах хорошеньких женщин. Даже угрюмый Рейно, в чьи обязанности входит поддерживать порядок на улице Риволи, где расположены очень богатые особняки, и тот преподнес мадемуазель Николетт, горничной из дома номер семь, букетик собственноручно сорванных цветов. И плутовка приняла подарок, даром что предметом ее мечтаний был вовсе не этот усатый брюнет с унылой физиономией язвенника, а слесарь Монливе, блондин и весельчак, который не так давно чинил в особняке замок. Но, в конце концов, мало ли что – вдруг слесарь, к примеру, окажется женатым, тогда и унылый полицейский на что-нибудь сгодится. Николетт была так создана, что не строила далеко идущих планов.

Только один человек в этот день оставался совершенно равнодушным к чарам весны и, похоже, даже не радовался ее приходу. Это был старый, седой слуга из малоприметного дома, затесавшегося среди дворцов аристократов и банкирских содержанок. Каждое утро Рейно видел, как слуга выходит на прогулку в сопровождении дряхлой собаки неопределенной породы с длиннющим пятнистым туловищем, смахивающим на колбасу. Лапы у собаки были короткие, как у таксы, в глазах застыла вселенская грусть, а уши свисали до самой земли. По словам Николетт, чем собака уродливей, тем она породистей, и это чудо природы, вероятно, считалось в собачьем царстве чем-то вроде принца крови; хотя Рейно для виду согласился с горничной, он все же не мог избавиться от ощущения, что эта колбаса на кривеньких ножках – не собака, а недоразумение. Вообще, по его мнению, и пес, и слуга были вполне под стать друг другу – оба старые, медлительные, неповоротливые и молчаливые. Вот и сейчас они неторопливо прошли мимо и, как обычно, углубились в парк, примыкавший вплотную к дому номер семь.

Парк был полон трепещущих солнечных лучей, детского смеха и женского говора. Одна или две старушки, сидя на скамейках, что-то с увлечением вязали, прочие женщины делали вид, что присматривают за детьми, но на деле обменивались последними сплетнями – какое платье сшила Берта на помолвку, когда выходит замуж Люсиль и как едва не разорился какой-то Франсуа, но все-таки не разорился, потому что успел получить наследство от тетки Сюзетты. Проходя мимо той, что с увлечением обсуждала с соседкой неведомого Франсуа, слуга вздохнул так громко, что собака с удивлением оглянулась на него. Женщины проводили старика сочувственным взглядом и вновь углубились в беседу об общих знакомых.

А слуга в сопровождении безмолвного пса продолжил свой путь, и чем дальше он уходил от беззаботных парижанок, тем печальнее становились его мысли. Он думал о том, как скверно быть стариком, на которого никто не обращает внимания, а если и обращает, то лишь для того, чтобы сразу же его забыть. Впрочем, так как он питал некоторую склонность к философии, то сразу же утешил себя, что быть старым и больным хуже, чем просто старым, а еще хуже – старым, больным и нищим. Собака трусила возле него, и ее длинные уши мотались из стороны в сторону. Старик поглядел на нее и подумал, что человеку приходится нелегко, а собаке, должно быть, совсем неведомо, хотя этой еще повезло: недаром же ее хозяин – знаменитый ученый Мезондьё, который души в ней не чает. Правда, ученый скуповат и ему, Антуану Валле, назначил гораздо меньше того, что полагается приличному слуге, но Антуан на него не в обиде. В конце концов, в его возрасте уже можно довольствоваться малым, да и хорошее место отыскать не так-то легко.

Пес вопросительно смотрел на своего спутника, слегка виляя хвостом. Антуан очнулся от размышлений и увидел, что они находятся уже у ограды, отделявшей сад дома номер семь от территории парка. Пора было возвращаться. Дом принадлежал какой-то богатой русской, которая жила здесь наездами, – не то княгине, не то княжне, если верить болтушке Николетт. Верный своей философии, Антуан подумал, что хорошо быть богатым русским, особенно если ты не слишком стар. Впрочем, княгиня и в самом деле была молода – слуга пару раз видел ее издали. Он со вздохом поглядел на закрытые окна и повернулся, чтобы уйти, но тут откуда-то из глубины дома донесся мягкий фортепианный аккорд, и слуга замер на месте. Ему показалось, что он знает эту мелодию, но никак не мог вспомнить, кто ее автор.

В следующее мгновение окно во втором этаже распахнулось, из него вылетел какой-то предмет и упал к ногам Антуана, стоявшего за оградой. Фортепиано умолкло, заглушенное взрывом беспечного смеха, а окно закрылось так же быстро, как и отворилось.

Антуан в изумлении покосился на собаку, словно только она могла втолковать ему, что происходит, но,

разумеется, никакого объяснения не получил. По привычке вздохнув, слуга наклонился и подобрал неведомый предмет, оказавшийся мешочком из довольно плотной ткани. Запустив руку внутрь, Антуан вытащил из него несколько колец с крупными камнями и ожерелье, сверкающее яркими рубинами.

Тут философия начисто отказала Антуану, зато включился здравый смысл. И здравый смысл весьма кстати шепнул ему, что ожерелья не бросают куда попало, что ожерелья с настоящими рубинами вообще не бросают, особенно из окон, даже самые эксцентричные и самые что ни на есть богатые русские и что, если вдуматься, все происходящее выглядит довольно-таки подозрительно.

Неизвестно, какие именно выводы сделал Антуан, зато доподлинно известно, что пять минут спустя полицейский Рейно видел, как неповоротливый обычно старик непривычно быстрым шагом возвращается домой, держа одну руку в кармане сюртука. Возле слуги бежал, пыхтя от напряжения, верный пес.

Дзззззыынь!

Давно известно, что неожиданный звонок в дверь производит совершенно разное действие на людей, у которых совесть нечиста, и на тех, которым нечего скрывать. Если первые бледнеют, краснеют и стремятся делать вид, что их нет дома, то вторые пожимают плечами, разводят руками и спрашивают у своей половины (двадцать лет совместной жизни, полгода любви, девятнадцать с половиной взаимного безразличия, трое детей, один от соседа напротив – не считая того, что от дочери консьержки, но об этом жене знать не обязательно, так же как и мужу о соседе).

– Мари! Это, случаем, не твоя маман? А то я вспомнил, что уже давно не уезжал за город проветриться.

– Обойдешься! – с типично парижским шикарным презрением отвечает супруга. – Наверняка это твой папа, который уже спустил все свои деньги в карты и теперь хочет спустить наши! Ты как хочешь, а я считаю, что ему у нас делать нечего! Если хочет отобедать, пусть идет в ресторан!

– Ну, нехорошо как-то, – сомневается супруг, – и потом, он же мой отец, что скажут соседи?

Жене отлично известно, что соседи – к примеру, сосед напротив – ничего не скажут, а если и скажут, никакого значения это иметь не будет. Но страх перед общественным мнением делает свое дело, и она поджимает губы, меж тем как муж велит служанке – неповоротливой, как все служанки, – открыть дверь.

За дверью и в самом деле обнаруживается шестидесятилетний папа, сияющий, как фальшивая монета, с белым цветком в петлице. Папа обнимает сына, пропускает мимо ушей слова невестки о том, что у них ну прямо совсем нечего есть и Аннетта до сих пор не ходила за провизией, и сообщает, что он женится на вдове генерала такого-то, имеющей годовую ренту в десять тысяч полновесных золотых франков.

Сын бледнеет, невестка краснеет, а счастливый жених добавляет, что не смеет больше их беспокоить, и вообще, они с женой сразу же после венчания укатят в Монте-Карло, где будут вдвоем в счастье и согласии просаживать состояние покойного генерала. Но сына с супругой они будут рады у себя видеть, при условии, что те не будут занимать деньги и вообще являться с визитами слишком часто.

...Ах, отчего у Антуана нет супруги и трех законных детей, пусть даже один из них от соседа напротив? Тогда бы он не вздрагивал, услышав проклятый звонок, и не съезжился, делая вид, что его нет дома, в то время как его сердце стучит так громко, что его наверняка слышно на том конце улицы Риволи!

– Полиция! – донесся с той стороны двери начальственный голос. – Немедленно отворите!

И он пошел, шаркая ногами и горбясь, и отворил дверь.

За нею обнаружился складный светловолосый господин с пронзительными глазами, какие и подобает иметь настоящему полицейскому при исполнении служебных обязанностей. Увидев эти серые неприятные глаза, Антуан съезжился еще больше.

– Это дом Фредерика Мезондье? – осведомился молодой полицейский, прямо-таки сжигая слугу взором.

Еле слышным голосом Антуан подтвердил, что это именно так.

– Ваше имя и звание? – безжалостным казенным тоном продолжал полицейский. Как-то незаметно он просочился в дом и теперь наступал на Антуана, который пятился от него к двери гостиной.

– Антуан Валле, – пробормотал старик, угасая. – Я... я слуга. Господин Мезондье сейчас в Египте на раскопках. Он... он ученый.

Господин полицейский соблаговолит слегка притушить свой смертоносный взор.

– Мне известно, кто такой господин Мезондье, – сухо промолвил он. – И разумеется, я в курсе его заслуг перед Францией.

Судя по его интонации, если бы не эти неоспоримые заслуги, господин Мезондье заслуживал по меньшей мере немедленной казни через замуровывание заживо в египетский саркофаг. Однако Антуан сделал попытку улыбнуться.

– Простите, месье, но чему мы обязаны чести...

– Мы? – тотчас же подхватил въедливый тип. – Значит, вы в доме не один?

– Нет, – честно ответил Антуан и показал на пса, который стоял на пороге гостиной, с любопытством глядя на незваного гостя. – Есть еще Сарданапал. – Господин полицейский озадаченно нахмурился, и слуга поспешно пояснил: – Так его назвал господин Мезондье.

И тут случилось невероятное: господин полицейский улыбнулся.

...Он улыбнулся, и Антуан почувствовал, как у него отлегло от сердца.

– Любопытная у вас тут компания, я погляжу, – уронил полицейский. – Кстати, что вам известно о

княжне Орловой?

Это было вовсе не «кстати», и слуга отлично понял, что скрывается за этим вопросом.

– Почти ничего, – ответил он, не погрешив против истины. – Кажется... то есть я почти уверен, что она живет где-то неподалеку.

– Так оно и есть, – подтвердил полицейский. – Княжна Мари Орлова, русская... богатая дама, между прочим... А проживает она в доме номер семь по улице Риволи.

И он вновь предпринял попытку испепелить Антуана своим убийственным взором, но на сей раз старик даже ухом не повел. Ибо самые смертоносные взгляды обладают способностью терять свою силу при слишком частом применении.

– Разумеется, вы ее не знаете, – добавил полицейский.

– Боюсь, – дипломатично ответил старый слуга, – что мы вращаемся в разных кругах.

– Ну да, ну да, – протянул полицейский, и взгляд его сделался еще более колючим. – А об Огюстене Бернаре вам что-нибудь известно?

– О ком? – искренне изумился Антуан.

– Огюстен Бернар – знаменитый вор, – пояснил полицейский. – Несколько раз мы выходили на его след, но нам пока не удается его поймать. Неужели вы не читали о нем в газетах?

– Э... – пробормотал Антуан в замешательстве, – дело в том, что месье Мезондье... не слишком поощряет... Я хочу сказать, современность его интересует меньше, чем...

– Ясно, – вздохнул полицейский. – Так вот, сегодня Огюстен Бернар пытался ограбить княжну Орлову.

– О боже! – воскликнул Антуан и на всякий случай побледнел.

– Но ему это не удалось, – продолжал его собеседник, – потому что ему в этом помешали. Вы!

– Я? – пролепетал старик. – Но как я мог...

– Все очень просто, – отозвался полицейский. – Огюстен Бернар проник в дом – как мы полагаем, под видом слесаря Монливе, которого вызвали чинить замок. Он запомнил расположение комнат, втерся в доверие к горничной Николетт и испортил другой замок. Дальше все просто: его снова вызывают, он отвлекает горничную, крадет драгоценности княжны и выбрасывает их в окно, рассчитывая подобрать их после того, как выйдет из дома. К несчастью, он не заметил человека, который прятался за оградой.

– Я не прятался! – возмутился Антуан. – Я слушал му...

И он умолк, поняв, что выдал себя с головой, с потрохами и прочими органами.

– Дорогой, дорогой господин Валле, – с бесконечно презрительной жалостью промолвил полицейский.

– К чему все это? Вы же видите, я все знаю. Одного моего слова будет достаточно, чтобы вы оказались в тюрьме, откуда вам не выбраться до конца ваших дней. Вы старый человек, и я полагаю, что вы окажетесь умнее. К чему вам эти украшения? Вы не знаете ни скупщиков краденого, ни ювелиров, которые согласятся взять их у вас и не выдадут вас полиции. Отдайте их мне, и мы разойдемся по-хорошему. Потому что, дорогой месье, – добавил он вкрадливо, – мы можем разойтись и по-плохому. Но плохо от этого будет только вам.

Пес, откликающийся на имя Сарданапал, шумно вздохнул и опустил голову. Антуан беспомощно поглядел на него. Что, в самом деле, старик мог сказать этому молодому полицейскому?

– Я хотел вернуть эти украшения, – пробормотал Антуан. – Я вовсе не собирался...

Полицейский нетерпеливо кивнул:

– Разумеется, разумеется. Вы вернете драгоценности мне, а я отдам их хозяйке. Потому что, скажу вам по секрету, сегодня у меня еще много дел. Так где они?

Антуан с тоской поглядел на Сарданапала, как будто именно пес выдал его, и шагнул в гостиную. Полицейский остановился на пороге. Из-под стопки книг, которые были как попало навалены повсюду, старый слуга вытащил мешочек с драгоценностями и нерешительно повернулся к полицейскому.

– Я бы только... – начал Антуан неуверенно. – Не надо говорить, что я их брал, хорошо? Ведь я же ничего... Я только нашел...

Полицейский вздохнул и забрал мешочек из его цепких старческих пальцев, которые никак не хотели отпускать неожиданное сокровище.

– Я и понятия не имел, что их украли... – пролепетал Антуан и угас.

Сарданапал покосился на солнечный луч, падавший сквозь пыльное стекло, и чихнул. Полицейский спрятал драгоценности и сухо улыбнулся.

– Разумеется, вы никак не могли об этом догадаться, – сказал он. – До свидания, месье Валле. И в следующий раз, если под ноги вам упадет неожиданное сокровище, будьте поосторожнее. Мало ли кому оно принадлежит.

Он кивнул совершенно раздавленному Антуану, осторожно переступил через Сарданапала, стоявшего

на пороге и вилявшего хвостом, и двинулся к выходу. Шаркая ногами, слуга проследовал за ним и запер дверь.

Полицейский вышел на улицу, поправил шляпу и приосанился. Дальнейшие его действия, вероятно, слегка озадачили бы Антуана, если бы тому вздумалось следить за незваным гостем. Меж тем тот двинулся не к дому номер семь, где хозяйка украденных украшений второй час оплакивала пропажу, а в совершенно противоположном направлении. Однако точности ради следует заметить, что далеко посетитель Антуана Валле все равно не ушел.

Возле перекрестка с полицейским поравнялся фиакр – невзрачный, обшарпанный, с разбитым фонарем. Экипаж остановился возле тротуара, а затем случилось нечто совершенно неожиданное. Среди бела дня полицейский увидел разом все звезды, но причиной тому была вовсе не аномалия астрономического порядка, а чей-то крепкий кулак, с размаху въехавший ему в челюсть. Дело, впрочем, не ограничилось омерзительным и перечасным закону рукоприкладством, ибо через минуту прохожие могли наблюдать, как какие-то личности весьма подозрительного вида затаскивают в экипаж светловолосого молодого человека, причем последний сопротивляется изо всех сил. Полицейскому, который стал жертвой нападения, почти удалось вырваться, но тут какой-то угрюмый тип схватил его за воротник и швырнул внутрь, после чего захлопнул дверцу. Изнутри некоторое время доносились звуки борьбы, но в конце концов они стихли. Очевидно, банда, схватившая излишне ретивого стража закона, сумела заставить его замолчать, и методы, которыми она действовала, не оставляли никаких сомнений в ее намерениях.

– Так я и знала, – произнес укоризненный женский голос. – Это опять вы!

Полицейский, которого угрюмый тип с размаху бросил на пол, осторожно поднял глаза. Сначала он увидел тувельски темно-розового цвета с бантами в золотую крапинку, затем подол светлого платья, расшитого розовым и сиреневым, потом маленькую ручку, которая сердито стиснула веер слоновой кости. Взор полицейского поднялся выше, еще выше – и наконец достиг лица. Оно принадлежало хорошенькой белокурой молодой даме с карими глазами, которые то ли от солнца, то ли от весеннего воздуха казались в это мгновение почти золотыми. За спиной дамы виднелись очертания фортепьяно. На попире стояли растрепанные ноты. Кроме дамы, в комнате находились еще трое – растерянный дворецкий, полицейский Рейно, тот самый, который столь нелюбезно приволок сюда своего коллегу, и еще одна дама лет двадцати пяти в голубом платье, сидевшая на софе. За дверями кто-то всхлипывал и сморкался.

– Слесарь Монливе, – уронила дама в пространство. – Вы меня поражаете, Валевский! Мне всегда казалось, что ваша специальность – вскрывать замки, но уж никак не чинить их.

Лжеполицейский, он же пан Валевский, подданный российского императора, он же Васнецов, он же Красовский, он же Дюмурье плюс десятка полтора других имен, мрачно покосился на нее.

– Должен признаться, сударыня, я просто сражен, – объявил он на чистейшем русском. – Вы всюду следуете за мной, как верная жена! Куда бы я ни поехал, я непременно натыкаюсь на вас!

– Ну, если я и следую за вами, – парировала белокурая дама, – то уж в верности вы меня точно не заподозрите!

Валевский растерянно моргнул. Ах, ведь не зря же про баронессу Корф говорят, что она за словом в карман не лезет! Но до чего же неприятно, что именно баронесса, в чьих сыщицких талантах он уже не раз имел несчастье убедиться, вновь оказалась на его пути!

– Я не понимаю, Амалия, – беспомощно промолвила дама в голубом. – Ты что же, знакома с этим господином?

– О да, Мари, – сказала Амалия. – Это господин Валевский, авантюрист и проходимец, каких поискать. Кроме того, он польский патриот и большой поклонник Наполеона, в честь сына которого и взял себе имя.^[1] Помимо всего прочего, у господина Валевского есть особый талант – сколько его ни сажали в тюрьму, он всякий раз сбегал оттуда. Господин Валевский! Полагаю, вы уже знакомы с княжной Орловой?

– Совершенно верно, – кротко подтвердил пленник, поднимаясь на ноги и трогая распухшую скулу.

– А я-то думала, что он слесарь, – проговорила княжна удрученно. – А он, оказывается, вместе с Николеттой захотел ограбить меня!

За дверью отозвались громким плачем.

– Николетта тут ни при чем, – хладнокровно возразил Валевский. – Не в моих привычках делиться, знаете ли. И вообще, если бы госпожа баронесса не наведальась к вам с визитом, вы бы никогда меня не нашли.

– Мы с Мари давние знакомые,^[2] – отозвалась Амалия с улыбкой. – Кроме того, я не верю в случайности. Когда в доме происходит ограбление, а незадолго до этого в нем было постороннее лицо, чинившее замки, я сразу же начинаю подозревать его... А когда я увидела неподалеку ваше честное открытое лицо, у меня отпали последние сомнения. Где драгоценности?

– Откуда мне знать? – отозвался ее собеседник. И вслед за тем с непостижимой быстротой ринулся к окну.

Всхлипнуло и развалилось на части стекло, ахнул дворецкий, закричала княжна Орлова, – но Рейно успел в последний момент ухватить супостата за сюртук и втащил его обратно в комнату. Амалия укоризненно покачала головой.

– Обыщите его, – велела она Рейно.

И как ни упирался Валевский, но мешочек с драгоценностями был у него изъят и передан княжне.

– Разрешите, я позабочусь о нем, сударыня? – мягко спросил Рейно. Не то чтобы он страдал излишним служебным рвением – просто ему совсем не нравился этот тип, из-за которого Николетту, честнейшую девушку, заподозрили в воровстве. И Рейно, злопамятный, как все язвенники, решил, что просто так он этого блондину не спустит.

– Разрешаю, – ответила Амалия после паузы. – Только заприте его понадежней. Надолго это, конечно, не поможет, потому что он опять сбежит, но все-таки постарайтесь.

Рейно кивнул и крепче ухватил Валевского за руку, чтобы не дать тому возможности вновь

попытаться прыгнуть в окно или еще куда-нибудь, но внезапно в беседу вмешалась княжна Орлова:

– Амалия!

– В чем дело? – насторожилась баронесса.

– Это не мои украшения! Амалия, это совсем не они! Это не жемчуг, то есть не настоящий жемчуг... и не мое ожерелье с рубинами! Это дешевая бижутерия из большого магазина! Боже мой, Амалия, он обманул нас!

Баронесса обернулась к Валевскому, намереваясь потребовать у него объяснений, но изумление, написанное на лице вора, лучше всяких слов говорило, что он тут ни при чем. Валевский перевел взгляд с расстроенного лица княжны на стеклянные бусы, лежавшие перед ней на столике, и неожиданно разразился беззаботным мальчишеским смехом.

– Чертов старик! – проговорил он в перерывах между приступами хохота. – Такой тихоня с виду и все-таки провел меня! Ну надо же! И ведь кто бы мог подумать, в самом деле!

– Что за старик? – уже сердито спросила Амалия. – И имейте в виду, Валевский, вам придется рассказать мне все!

Дзззыыыиннь! Дзыиннь!

– Наверняка он уже скрылся с драгоценностями, сударыня, – прошептал Рейно. – Если ему удалось обвести вокруг пальца даже такого, как этот Валевский... – Он поморщился, как от боли, и с удвоенной силой вцепился в звонок, который возмущенно взвизгнул и умолк. Сколько ни дергал Рейно, звонок больше не подавал признаков жизни.

Изнутри донесся сердитый собачий лай.

– Кто-то идет, – внезапно сказала Амалия.

Рейно приосанился и стиснул в руке полицейский свисток, чтобы в случае чего звать подкрепление. Свободной рукой он несколько раз стукнул по двери, чтобы поторопить слугу.

– Боже мой, ну что такое, в самом деле... – С этими словами человек, находящийся внутри дома, открыл дверь.

Полицейский озадаченно моргнул. Стоявший на пороге оказался вовсе не Антуаном Валле. Это был господин выше его, шире в плечах, а главное – гораздо моложе, лет сорока или около того. Он заметил Амалию, приосанился и поправил очки.

– Прошу прощения, сударыня, но слуга, как нарочно, куда-то запропастился, так что мне пришлось самому открывать дверь... кхм! С кем имею честь говорить?

– Простите, месье, но кто вы такой? – спросил Рейно, в котором полицейская настороженность взяла верх.

Господин, казалось, сильно изумился.

– Однако! Вы битых полчаса звоните в дверь, не зная, кто вам нужен?

– Нам нужен Антуан Валле, – коротко ответил Рейно.

Господин покосился на его униформу и, судя по всему, решил, что дальнейший разговор будет куда более уместен в помещении. Он пошире отворил дверь и жестом пригласил полицейского и его спутницу войти.

– Прошу, сударыня, и вы, месье... Не знаю, что там натворил Антуан, но искренне надеюсь, что недоразумение скоро разъяснится.

Вслед за Рейно Амалия вошла в гостиную, которая больше походила на библиотеку или чуланчик в каком-нибудь музее – столько в ней было книг, гравюр и различных предметов старины. Посреди гостиной стояли два больших чемодана, возле которых блуждала смешная собака с туловищем, похожим на колбасу.

– Мои извинения, но я только что приехал... буквально с четверть часа тому назад, а Антуана почему-то не оказалось дома. – Господин говорил и одновременно убирал чемоданы, после чего принялся освобождать кресло от стопок книг. – Сарданапал, не мешай!

– Сарданапал? – удивленно переспросила Амалия.

Господин улыбнулся.

– Да, так зовут мою собаку. Я Фредерик Мезондье, – пояснил он. – Хозяин этого дома. Возможно, вам доводилось слышать обо мне. – И он с надеждой покосился на Амалию.

– Баронесса Амалия Корф, – представилась молодая женщина. – Кажется, вы занимались раскопками в Италии?

– О, Италия, Древний Рим – это в прошлом, – отмахнулся Мезондье. – Теперь я живу одним Египтом. Там необъятное поле для исследований, в отличие от Италии, в которой не копался только ленивый. Представьте себе...

– Вы не знаете, где мы можем отыскать Антуана Валле? – напрямик спросил Рейно, которому заранее наскучили археологические тонкости.

– Хотел бы я знать, – пожал плечами ученый. – Я нанял его, чтобы он ухаживал за моей собакой, пока я занимаюсь исследованиями в Египте. Все-таки Сарданапал слишком стар и может не выдержать поездку со мной. – Он сел на диван, и собака тотчас же подошла и преданно улеглась у ног. – А в чем дело, собственно? Неужели Антуан совершил что-то... противозаконное?

– К сожалению, – ответила Амалия. – Он украл драгоценности у моей подруги, княжны Орловой.

Ученый всплеснул руками.

– Быть не может! – вырвалось у него. – Помилуйте, но это же совершенно безобидный старик! Как он мог?..

– И тем не менее он это сделал, – отозвалась Амалия и рассказала, как известный вор Валевский проник

в особняк под видом слесаря, чтобы украсть драгоценности, и выбросил их в окно, рассчитывая позже подобрать. Однако Валеvскому не повезло, потому что драгоценности упали к ногам Антуана, который выгуливал собаку. После чего Антуан подменил их, обвел вокруг пальца знаменитого грабителя, как младенца, и, судя по всему, скрылся в неизвестном направлении.

– Нет, это поразительно, просто поразительно! – вскричал Мезондье. – Простите, сударыня, но я... Мне надо проверить, не прихватил ли он с собой чего-нибудь из моего добра. А ведь с виду такой скромный человек!

Он заметался по комнате, выдвигая и задвигая ящики.

– Так, папирус... средневековый манускрипт... на месте... и шкатулка... Слава богу! Похоже, у меня он ничего не взял.

– Нам нужно узнать об этом Валле как можно больше, – вмешался Рейно. – Как вы его наняли? У вас остались его рекомендации?

– Да, разумеется! – вскинулся ученый. Он подошел к секретеру и стал выдвигать и задвигать ящики. – Прекрасные рекомендации... одна от графа, другая от почтенной вдовы... где же они? – Он в недоумении остановился.

– Что такое? – спросила Амалия.

– Их нет! – сердито воскликнул ученый. – Я же прекрасно помню, они лежали сверху... Кроме того, в этом ящике я хранил несколько золотых монет, которые привез с раскопок... они тоже исчезли.

Рейно вздохнул.

– Значит, он забрал рекомендации, потому что они могли привести к нему, а заодно прихватил и монеты, – попытокнул он. – Вы не помните, от кого были его рекомендации?

– Вы полагаете, меня интересуют такие мелочи? – высокомерно осведомился ученый, поправляя очки. – Я нанял его, потому что он согласился на жалованье, которое я готов был платить. Может быть, оно было не слишком... гм... значительным, но все же... Мои монеты! – Он сокрушенно покачал головой. – Согласен, я платил мало, но разве это повод, чтобы обворовывать меня? – Он сурово поглядел на собаку. – А ты, Сарданапал! Как ты мог позволить, чтобы меня обокрали! Ты должен был задержать его, слышишь?

Сарданапал зевнул и отвернулся.

– Мне придется искать нового слугу, – сердито продолжал Мезондье. – Ох уж эти слуги, вечно они норовят содрать с хозяев побольше, а работать как можно меньше... Мучение, честное слово! – И он поник головой. – Придется осмотреть и остальные комнаты. Мало ли что он мог с собой унести...

– Но вы хоть что-то помните о нем? – настаивала Амалия. – Место, где он родился, или как зовут его жену, или...

– Он не женат, насколько я помню, – отозвался ученый. – А откуда он родом... Сам он вроде бы упоминал, что из Бордо. Хотя, может быть, это была Бретань. Я не запоминаю такие подробности, право! Интересно, а те монеты, которые я нашел в Помпее, он тоже с собой прихватил? Хотя вряд ли они могли его заинтересовать, они серебряные...

Ученый нырнул в шкаф, заставленный бронзовыми фигурками и коробками с какой-то рухлядью. Амалия и Рейно обменялись выразительными взглядами.

– Если нам потребуются ваши показания... – начал Рейно, поднимаясь с места.

– О да, непременно! – подтвердил Мезондье. – Я еще напишу заявление по поводу монет... однако! Я-то думал, Антуан их унес, а они, оказывается, здесь! Получается, он их не брал! Сарданапал, это, наверное, ты ему помешал? Умница!

Он весь сиял от радости. Сарданапал положил голову на лапы и, казалось, задремал.

– Мое почтение, – буркнул Рейно и двинулся к двери, но неловко взмахнул рукой и опрокинул одну из статуэток, которая стояла на комод. Однако прежде, чем фигурка коснулась пола, Амалия каким-то непостижимым образом успела подхватить ее. Подоспевший Мезондье осторожно водрузил статуэтку обратно на комод.

– Извините, профессор, – проговорил полицейский. По правде говоря, он желал как можно скорее убраться из этого странного дома.

– Любопытная статуэтка, – заметила Амалия, кивая на фигурку. – Что это у нее на одежде – цветы?

– Да, – важно подтвердил ученый, поправляя очки. – Это Церера, римская богиня весны.

– Ах, ну да, конечно же, – вежливо промолвила Амалия. – Всего доброго, месье. Если вы что-нибудь услышите об Антуане Валле, прошу вас, дайте нам знать.

Мезондье заверил их, что он ничего в жизни не желает так, как помочь родной полиции найти преступника, который втерся к нему в доверие. И ведь подумать только, у этого Валле был такой скромный вид!

– Ну, внешность часто бывает обманчива, профессор, – ответила Амалия, улыбаясь каким-то своим потайным мыслям. – До свидания, месье Мезондьё.

Сарданапал, приоткрыв глаза, смотрел, как Амалия уходит вместе с Рейно – изящная, стройная, гибкая. Но еще долго в комнате чувствовался тонкий запах ее духов.

– Поезд на Лион отходит через пять минут! Пять минут до отправки поезда на Лион, дамы и господа! Прошу вас занять свои места!

Пять минут...

Он сложил газету, окинул взглядом попутчиков. Ни одного интересного лица. Достал часы из жилетного кармана, взглянул.

Уже три минуты.

Пар, сутолока, локомотив готов тронуться с места, кондуктор ходит вдоль вагонов, озабоченно косясь на вокзальные часы.

– Поезд отправляется! Сударыня, поезд отправляется!

...Пожалуй, больше всего на свете он любил это мгновение – когда состав, кряхтя, отправляется в путь. Сначала вздрагивают вагоны, потом медленно начинает уплывать назад здание вокзала, потом...

Перестук колес, поля, равнины, мосты.

Новые города.

Свобода.

А ведь еще его дедушка и бабушка не знали, что такое железная дорога. «Отличная все-таки вещь этот технический прогресс», – смутно подумал он, разворачивая очередную газету.

Политика. Русский царь заявил... а германский канцлер... а австрийский император...

Скучно.

Он хотел сложить газету – и внезапно услышал возле себя чье-то тяжелое дыхание. Это была не то одышка, не то сопение, которое издавало довольно неповоротливое и крупное – во всяком случае, для особой своего рода – существо. И помимо всего прочего, он отлично знал, кто именно мог так дышать.

Но это совершенно невозможно!

Тем не менее он медленно, очень медленно опустил глаза – и увидел возле своего ботинка черный нос, свисающие до пола уши и пятнистое туловище на странно коротких лапах.

– Добрый день, месье, – сказала Амалия Корф.

После чего села рядом, не отпуская поводок.

– Простите, сударыня, мы знакомы? – пролепетал ее сосед.

Это был молодой брюнет самой обыкновенной, самой неприметной внешности, словно нарочно созданной для того, чтобы ее обладателю было легче затеряться в толпе. Не красавец и не урод, роста не высокого и не низкого, словом, человек, каких при желании можно найти в одном только Париже десятки тысяч, если не сотни.

– Я полагаю, да, месье Бернар, – ответила Амалия. – Вы ведь Огюстен Бернар, не так ли?

Брюнет ничего не сказал, но слегка отодвинулся от нее к окну. Сарданапал шумно вздохнул и улегся у ног Амалии.

– Мне кажется, мы все-таки незнакомы. – Брюнет улыбнулся, одновременно бросив быстрый взгляд в сторону прохода.

– Как Антуана Валле я вряд ли имела честь вас знать, – задумчиво уронила Амалия. – Но зато как Фредерик Мезондье вы успели произвести на меня впечатление. Не стоило вам бросать собаку – в конце концов именно она помогла мне найти вас. Вы отлично умеете запутывать следы, но животное с таким тонким нюхом не обманешь.

– Ах, черт! – пробормотал лжеученый, он же лжеслуга. – Только не надо возводить на меня напраслину, сударыня. Я никого не бросал, я оставил собаке достаточно еды, а завтра вернулся бы болван Мезондье, он бы позаботился о Сарданапале.

– Вы чертовски предусмотрительны, – заметила Амалия. – Так и должно быть, впрочем. И так, как все было? Вы решили присмотреться к особняку моей подруги и с этой целью устроились слугой к ученому, который жил на той же улице?

– В общем, да, – подтвердил Бернар. – Кто станет подозревать неповоротливого старика со старой собакой, даже если он по полчаса торчит возле одного и того же особняка?

– Но пока вы бродили вокруг да около, господин Валевский, известный своим решительным нравом, опередил вас, – усмехнулась Амалия. – Однако и тут вам повезло. Выбрасывая драгоценности из окна, он не заметил вас, что и немудрено. Полагаю, вы все-таки старались, чтобы из особняка вас не заметили.

– Да, в какой-то мере мне повезло, – согласился Бернар. – Однако это везение, как понимаете, создало

для меня некоторые неудобства.

– Почему вы не бежали с драгоценностями сразу же? – спросила Амалия.

Огюстен Бернар пожал плечами:

– Я не мог бросить собаку. Надо было купить ей еды про запас и... И потом, мне в голову пришел отличный фокус. Я не сомневался, что вор явится ко мне гораздо раньше полиции.

– А когда к вам слишком быстро пришла настоящая полиция, вы перегримировались и изобразили рассеянного ученого, – подхватила Амалия. – Чемоданы, которые вы собирали, вы выдали за чемоданы человека, который только что вернулся из путешествия. Ничего не скажу, ловко придумано.

– И все-таки вы обо всем догадались, – усмехнулся Бернар, не переставая зорко следить за Амалией. – Получается, я где-то допустил ошибку?

– Да. К примеру, вы сказали, что платили слуге мало. Однако настоящий скряга никогда не считает, что кому-то недоплачивает. Напротив, он думает, что это в порядке вещей. Затем вы заявили, что только что вернулись из Египта, но для человека, который приехал из жаркой страны, у вас слишком бледная кожа.

– Ах, черт, – пробормотал расстроенный Бернар, – об этом я не успел подумать! Ладно, в следующий раз учту.

– Даже если бы вы это учли заранее, – отозвалась Амалия, – я бы все равно поняла, что вы вовсе не Мезондье.

– Это почему? – насупился вор.

– Из-за Цереры. Вы сказали, что Церера – богиня весны у древних римлян. На самом деле она богиня земледелия. Богиню весны зовут Флора. Как мог такой крупный ученый, как Мезондье, не знать элементарных вещей?

– Сдаюсь, – вздохнул Огюстен. Странно, но почему-то теперь, когда все разъяснилось, он уже не боялся этой красивой, загадочной и, как он только что понял, непростительно умной дамы. – Но у меня есть смягчающее обстоятельство: мне пришлось действовать экспромтом. Пари держу, что Рейно, к примеру, ничего не заподозрил.

– Что говорить о Рейно, если вы даже Валевского сумели провести! Но учтите, он обидчивый малый и наверняка попытается вам отомстить.

– А Бернар? – внезапно спросил мошенник. – Кто вам сказал, что это был именно я? Или вы решили, что никому другому это и в голову прийти не могло?

– О нет, – пренебрежительно отозвалась Амалия. – Не обольщайтесь, сударь, но сама проделка довольно заурядная. Просто Валевский, передавая свой разговор с вами, упомянул, что вы вздрогнули и переменялись в лице, когда он назвал имя Бернара. Он-то не обратил внимания на этот факт, ну а я обратила. Кроме того, по поводу вашего замечательного грима я вспомнила, что Огюстен Бернар когда-то был актером в провинции.

– И не только, – улыбнулся Огюстен. – Я еще и в цирке выступал.

– Ну да, ну да, – кивнула Амалия. – Поэтому вам не составило труда казаться то выше, то ниже. Достаточно было лишь двигаться сгорбясь, как старик, или, наоборот, держаться прямо, расправив плечи. Да и очки, конечно, сильно меняют лицо. А теперь отдайте мне драгоценности.

– У меня их нет. – И вор улыбнулся еще шире.

– Месье Бернар, – сказала Амалия спокойно, – я надеюсь, вы не думаете, что я для того выслеживала вас, чтобы прокатиться в вашем обществе до Лиона. Моя подруга очень дорожит этими вещами, это фамильные драгоценности, которые передаются в ее семье из поколения в поколение. И вы мне их вернете.

– Боюсь, это невозможно, – отозвался Огюстен. – Я же сказал: у меня их нет. Больше нет.

Молодая женщина вздохнула.

– Вы их продали? – без гнева, без раздражения, совершенно будничным тоном спросила она.

– Ну да, – лучась улыбкой, подтвердил Бернар. – Ваш знакомый, этот Валевский, так меня напугал, что мне не найти нужных скупщиков, что я поторопился избавиться от вещичек еще в Париже. Не повезло вам, сударыня. Столько труда – и все напрасно!

– Ну, это вряд ли, – отозвалась Амалия. – Во-первых, я сумела задержать вас и уже дала знать кому надо, так что на первой же станции вас арестуют. А во-вторых, драгоценности у меня.

– То есть как? – спросил ошеломленный Огюстен.

– Ну вы же не думаете, что я четверть часа беседовала тут с вами лишь для того, чтобы помочь вам уяснить ваши промахи? – спросила Амалия, и взор ее полыхнул золотом.

Огюстен некоторое время смотрел на нее, словно не понимая, на каком он свете, затем схватился за внутренний карман – и испустил слабый стон, поняв, что тот пуст.

– Видите ли, – снисходительно пояснила Амалия, – вы не первый вор, с которым я общаюсь, и поневоле

мне пришлось перенять кое-что из вашего профессионального арсенала. А так – ничего особенного, обыкновенная ловкость рук. Кстати, это, случаем, не ваши часы?

И она задорно качнула в воздухе теми самыми часами, которые – Огюстен был готов поклясться – всего несколько минут назад мирно лежали в его жилетном кармане.

Вор тяжело вздохнул и вскинул вверх руки.

– Сдаюсь, – объявил он. – Вы меня переиграли вчистую. Как ловко вы обо всем догадались – просто потрясающе. Нет, в самом деле! Я горжусь, что именно вы поймали меня. Хотя на самом деле...

И в следующее мгновение он вскочил с места и, метнувшись мимо Амалии в проход, с невероятной быстротой бросился прочь.

– Бернар! – крикнула баронесса. – Вам все равно не уйти!

Она хотела подняться, но оказалось, что неповоротливый Сарданапал запутал свой поводок вокруг ее ног. Собака мирно дремала.

– Сарданапал, – сердито проговорила Амалия, распутывая поводок, – знаешь, кто ты такой? Ты предатель!

Пес приоткрыл один глаз и протестующе гавкнул.

– Я понимаю, он о тебе заботился, – горячилась Амалия, возясь с последней петлей, – но он же преступник, пойми! А ты – сообщник преступника!

Сарданапал в ответ только зевнул и устроился поудобнее, всем своим видом выражая снисходительное презрение к этим смешным людям, которые вечно устраивают переполох из-за каких-то пустяков.

Драгоценное время было безнадежно упущено. «Неужели уйдет? Да нет, из поезда некуда деваться... Или он попытается прыгнуть на ходу?»

Амалия выбежала из вагона на открытую площадку для курильщиков, которая моталась из стороны в сторону. В который раз недобрым словом помянув про себя моду, предписывающую женщинам носить такие неудобные и непрактичные наряды, Амалия стала со всеми предосторожностями перебираться на площадку идущего впереди вагона, когда услышала чей-то веселый голос:

– Госпожа баронесса!

Подняв глаза, Амалия увидела поезд, который шел по параллельному пути в обратном направлении. На крыше вагона сидел Огюстен Бернар. Сняв шляпу, он несколько раз взмахнул ею.

– Меня еще никто никогда не поймал! Можете гордиться – вам это почти удалось! Счастливо оставаться!

И – мошеник эдакий! – имел наглость послать Амалии воздушный поцелуй.

Составы разошлись. Лионский поезд засвистел и выбросил облако пара. Он миновал канал, где под мостом плыла медлительная, как Сарданапал, баржа, выехал на простор и прибавил ходу. Мимо бежали луга, поля, деревушки, сирень в цвету, – и над всем этим парила невидимая Флора, богиня весны.

Ольга Володарская

Муж к Новому году

До Нового года оставалось каких-то два дня! Леся не могла в это поверить. Вот вроде бы только осень была: желтели деревья, жухла трава, после дождика пахло грибами, в скверах сжигали опавшие листья. И вот уже все в снегу и мишуре, а по улицам расхаживают Деды Морозы, зазывая горожан на предпраздничные распродажи.

«Вот время летит!» – не без тоски подумала Леся, заворачивая в свой двор. Предпоследний рабочий день вымотал ее до предела, и сейчас хотелось только одного: оказаться в родных стенах и расслабиться. Конечно, зарядиться предпраздничным настроением не мешало бы, да только от кого? Леся уже полгода жила одна, и заряд новых эмоций ей давал только телевизор, но несколько дней назад она его отвезла в ремонт, а забрать надеялась завтра, чтобы Новый год встретить в привычной компании президента, российских поп-звезд и юмористов.

Леся зашла в подъезд, который кто-то из соседей украсил вырезанными из цветной бумаги снежинками и старыми елочными шарами, поднялась на свой второй этаж, шагнула к двери – и не поверила глазам!

Она оказалась приоткрыта, хотя Леся точно помнила, что запирала ее перед тем, как уйти на работу. С тех пор как из-за рассеянности она чуть не сожгла свой дом (забыла выдернуть из розетки утюг, у которого был сломан переключатель, и он загорелся), она тщательно проверяла, обесточены ли электроприборы, перекрыт ли газ и захлопнута ли дверь.

Опасливо помявшись у порога, Леся вошла в квартиру. В прихожей никого не было. В просматриваемой из нее комнате тоже. Это внушало оптимизм. Но еще больше его внушало отсутствие беспорядка – все вещи находились на своих местах. Даже норковая шубка, Лесина гордость, висела на вешалке, радуя глаз. Если б в квартире побывал вор, он бы точно ее украл. Значит, забыла запереть дверь! Всегдашняя рассеянность все же дала о себе знать.

Скинув сапоги и пуховик, Леся прошла в комнату. На журнальном столике, весело сверкая мишурой, стояла небольшая, зато живая новогодняя елочка. Леся щелкнула по выключателю развешанной на ней гирлянды, и по зеленым веткам побежали разноцветные огоньки. С ними сразу стало уютнее и как будто радостнее. Леся выключила верхний свет, села в кресло и задумалась. Что лучше: сначала поужинать или принять ванну, а уж потом сесть за стол? В принципе, это было непринципиально, но по средам (а сегодня была именно она) Леся позволяла себе бутылочку хорошего красного вина (народная мудрость гласила, что среда – это маленькая пятница), и она прикидывала, где будет приятнее ее опустошать: за обеденным столом или в пенных водах.

Решив начать в ванной, а продолжить за ужином, Леся подошла к отделению стенового шкафа, где у нее был бар. Когда она жила с мужем, завязавшим алкоголиком, то опасалась иметь в доме спиртное. Но как только супруг ушел от нее к другой женщине, первое, что сделала Олеся, – накупила всевозможных вин и выставила батареи в стенке. Правда, половину запасов очень быстро уничтожила, поскольку придумать, как еще снимать стресс, не могла...

Леся открыла дверку и заглянула в «бар». От недавнего изобилия осталось каких-то жалких три бутылки. Потянувшись за одной из них, Леся задела шкатулку, в которой хранились лекарства, и она упала набок. Крышка открылась, содержимое шкатулки высыпалось. Пузырьки с пилюлями, баночки с мазями, склянки с йодом и зеленкой, упаковки таблеток – все это брызнуло в разные стороны, но Леся даже не пыталась подхватить хотя бы что-то! А все потому, что из «аптечки» не выпало самое главное: конвертик с перетянутой резиночкой пачкой долларов, вырученных за продажу садового участка, и две сережки с бриллиантами – бабушкино наследство. В сумме деньги и ценности тянули на небольшую квартиру на окраине Москвы. Именно ее Леся хотела подарить сыну в ближайшее время, а именно весной, когда еще немного подкопится. Ее мальчик уехал учиться в столицу и ютился там в общежитии, тогда как в детстве даже оздоровительные лагеря наводили на него ужас...

Не веря глазам, она расшвыряла оставшиеся в шкатулке таблетки, вывалила бинты и пластыри, но конверта так и не обнаружила.

– Украли, – обреченно прошептала Леся. – Украли, черт возьми! – И выкрикнула после недолгой паузы: – Гадыыыы!

Рев, вырвавшийся из Лесиной груди, заглушил даже бой настенных часов. Ни разу за сознательную жизнь ей не приходилось испытывать такого. Лесю никогда не грабили! Ни разочку. Сама, бывало, теряла

кошельки, ключи или зонтики, но чтоб кто-то ей в сумку забрался, или того хуже – в квартиру...

Леся метнулась в прихожую и присмотрелась к замку – не сломан. И на гладкой поверхности ни одной царапины. Похоже, дверь открыли родным ключом.

И тут Лесю осенило! Пять дней назад у нее пропали ключи. Просто-таки испарились из сумки. Она решила, что посеяла их, и не сильно переживала, просто стала пользоваться запасными. И вот спустя несколько дней оказалось, что зря она так наплевательски отнеслась к пропаже ключей. Их выкрали! Причем с явным намерением экспроприировать заначку, ведь шубу и бытовую технику оставили на местах! Да и остальные вещи, например, сервиз из Гжели и несколько картин маслом, купленных давным-давно на Арбате, чего-то стоили...

Не переставая всхлипывать, Леся вернулась в комнату, схватила с полки бутылку и отправилась на кухню – открывать. Сделав это, она нацедила вина в не мытую с утра чашку и залпом выпила.

«Итак, будем размышлять! – сказала себе Леся, проглотив «Каберне». – Ключи у меня всегда лежали в сумке, в потайном кармашке. Знать об этом могли только те люди, которые видели, как я их достаю. Выходит...»

Леся надолго задумалась, налив себе еще вина. Видеть, как она достает из сумки ключи, могли только три человека. Нет, их, естественно, гораздо больше, если вспоминать давних друзей, сына и бывшего мужа, но этих людей она в расчет не брала, как и коллег по работе. Те хотя и бывали у Леси в гостях, но давно – на юбилей к ней приходили, и тогда она им изнутри дверь открывала.

Выходит, трое. Недавние знакомые. Мужчины, которых она принимала у себя. Каждого по разу, но всем трем Леся как дура о своем намерении купить сыну квартиру поведала. И вот получила! Теперь ни чаду жилплощади, ни ей спокойствия! И среденедельный релакс накрылся медным тазом. Не до купаний нынче и не до ужинов, милицию надо вызвать...

«А что толку от милиции? – вдруг подумалось Лесе. – Завтра Новый год. У них подведение годовых итогов и, как у всех, праздники. Не будут они искать воров! По крайней мере по горячим следам. Не до меня им сейчас...»

Ее размышления прервал стук в дверь, и Леся пошла открывать. В столь неурочный час явилась соседка, Катюша Одинокова. Она не только жила с Лесей на одной лестничной клетке, но и работала в одной фирме – обе женщины устроились туда по объявлению, напечатанному в бесплатной газете, разносимой по домам.

– Привет, Леся, – прочиркала Катя, помахав еловой веточкой. На сегодня она брала отгул, поэтому коллегу и соседку на работе не видела. – С наступающим!

Леся только кивнула. Настроения обмениваться поздравлениями у нее не было, наоборот, хотелось остаться одной.

– Смотри, что я купила! – воскликнула Одинокова. – Веточки! Прямо на углу нашего дома продают. Тебе не надо?

– Нет, у меня елка есть, – ответила Леся.

– Ой, а я и забыла... – Катюша втянула носом еловый запах и счастливо выдохнула: – Тогда пока!

И, дробно цокая каблучками, унеслась к себе.

Катя всегда ходила на шпильках – даже в самый страшный гололед. Так же неизменно она красила волосы в белый цвет, а губы в алый, носила колготки в сеточку, платья с декольте и короткие шубки либо леопардовой, либо «вырви глаз» расцветки. Одинокова еще в юности выбрала для себя стиль куклы Барби и строго ему следовала на протяжении полутора десятилетий.

Леся проводила ее до квартиры не очень добрым взглядом. Одинокова ей всегда была симпатична (при том что остальные представительницы слабого пола считали ее излишне вульгарной и чересчур заносчивой), но Леся в своей сегодняшней беде винила не только анонимного вора и себя, растяпу, но еще и ее...

Но обо всем по порядку!

Лесе этой осенью исполнилось тридцать шесть лет. В ноябре, то есть она была Скорпионом. Сама она в гороскопы не очень верила, но остальные, узнав о ее знаке, почему-то многозначительно хмыкали – типа, понятно, откуда такой характер мерзкий. Но Леся себя дурным человеком не считала, как, впрочем, и проблемным. Она видела себя женщиной, приятной во всех отношениях, покладистой и доброй, – и не верила, что пятнадцать лет педагогического стажа необратимо повлияли на ее личность. Да, когда она работала в школе, то была нервной и чересчур требовательной, но теперь все изменилось. Работа офисным менеджером сделала ее другим человеком. А тот, кто с этим не согласен, глубоко заблуждается. Да она даже свои привычные костюмы с юбкой годе сменила на брючные! И волосы стала укладывать по-иному! А еще отрастила ногти – в школьные годы чудесные они из-за мела ломались под самый корень.

За год до того, как сменить работу, Леся развелась. С мужем Алексеем они прожили пятнадцать лет, сочетавшись узами брака в восемнадцать, когда оба учились в институте. Причиной столь раннему узакониванию отношений стал зачатый в зимнюю сессию сын Мишка. После свадьбы молодого супруга забрали в армию (годовые экзамены он в отличие от беременной жены не сдал), а Леся продолжала учение.

Отслужив, муж и уже отец восстанавливаться в институте не пожелал и пошел работать на стройку. Руки у парня были золотые, поэтому Леся надеялась на безбедное существование, да вот беда – супруг, как оказалось, любил выпить. Нет, для нее, конечно, не было секретом, что студентом он не чурался алкоголя, но наивно надеялась, что, став главой семьи, благоверный кардинально изменится. Однако зря! Ее Алексей не считал водку помехой семейным отношениям и работе, поэтому принимал на грудь часто и помногу. Из-за этого он то и дело не являлся на работу, за что его в конечном итоге попросили со стройки. Леша не отчаялся и вскоре нашел себе новое место.

Так продолжалось довольно долго. Алексей менял рабочие места, как перчатки, тогда как Леся трудилась в одной и той же школе. Периодически она его выгоняла к маме, но неизменно принимала обратно, потому что не чужой и без жены пропадет. А Мишка рос, поражая всех любовью к знаниям и способностями к языкам. К девятому классу стало ясно, что ребенок почти гений и его надо готовить к поступлению в МГИМО. Для этого, естественно, нужны были средства – огромные, по меркам Леси, и фантастические, по мнению ее супруга. Пришлось ставить Алексею условие: или он кодируется и начинает нормально зарабатывать, или развод. Алексей, любивший сына и ценивший уют семейного гнездышка, согласился на «завязку».

С того дня у Леси началась новая жизнь. Алексей, злой и молчаливый, стал носить домой столько денег, что хватало буквально на все. Она даже начала откладывать, а он смог взять себе в кредит новую иномарку. Конечно, Лесе не очень нравилось то, что супруг стал угрюмым и поправился на пятнадцать кило, но пусть лучше так, думала она, чем разбитной, подтянутый, но вечно хмельной и безденежный. В общем, Леся была довольна своей новой жизнью, но тут в их дом пришла беда в лице сотрудницы банка, через который Алексей брал кредит на машину. Звали ее Эльвирой, и ей было двадцать пять. Что молодая и вполне привлекательная женщина нашла в вечно угрюмом, вспыльчивом и не шибко красивом Леше, можно было только гадать. Но не это главное. Важнее оказалось то, что Лесин супруг, отвыкший за долгие годы своего пьяно-безработного существования от внимания представительниц слабого пола («синеглазки» не в счет), так быстро отреагировал на заигрывания Эльвиры, что ушел из семьи через месяц после знакомства с ней. Но ладно бы ушел, объяснив жене причину, – так нет! Придирался к мелочам, высасывал из пальца проблемы, кричал, что его не понимают, а перед тем, как стащить в свою новую машину чемоданы, бросил Лесе: «Давай немного поживем отдельно!» Леся, решив, что у Леси кризис среднего возраста – рановато, конечно, но ведь все люди разные, – смирилась с мужниным решением и стала ждать, когда же он образумится.

Шли недели. Одна, две, три... Вот и месяц с того момента, как Леша выехал, миновал. Леся начала терять терпение. Сколько можно жить отдельно? Отдохнули друг от друга, и хватит...

Мишка все это время виделся с отцом, но не очень часто – раз в неделю вместе в тренажерный зал ходили, только и всего. Леся попросила сына узнать у папы, когда он вернется. И тут Мишку прорвало: он рассказал матери, что у Леси есть другая женщина, с которой он все это время живет. Леся, воспринимавшая мужа, как мультяшный Матроскин пса Шарика («Мы его, понимаешь, на помойке нашли, отмыли, отчистили...»), сначала не поверила своим ушам. Как это Лешка живет с другой? Да быть такого не может! Кому он нужен?..

Но оказалось, что нужен. И не только в качестве сожителя, но и законного супруга. Леша первым подал на развод, и Леся, естественно, не стала возражать. Когда брак был расторгнут, бывшие супруги начали новую жизнь. Леша женился на своей Эльвире и зачал ей ребенка, а Леся...

Леся осталась в гордом одиночестве. Романов на стороне она себе за годы брака не позволяла, поэтому даже для души у нее никого не было. Про тело вообще речи не шло – кроме Леси, у нее мужчин не было, поэтому начинать с кем-то было страшно. Да и не с кем, если уж начистоту!

И уж коль в личной жизни ничего нового не ожидалось, Леся решила сменить хотя бы поле деятельности. Школа давно ей опротивела (особенно директриса), и новая работы была бы как нельзя кстати. Тем более сын поступил-таки в МГИМО и по осени собирался переезжать в столицу.

Работу Леся искала долго. Все лето моталась по собеседованиям, пока не наткнулась на то самое объявление в газете. Вернее, первой его обнаружила не она, а Катенька. Леся столкнулась с ней у почтовых ящиков, и Одиноква сунула соседке под нос объявление, сообщив, что сейчас же пойдет и позвонит по указанному телефону, потому что давно ищет новую работу. Леся решила последовать ее примеру. И в результате им обоим назначили встречу, а впоследствии приняли в штат.

В общем, новое место Леся нашла с подачи Одиноквой. Но это еще не все! К решительным действиям по устройству личной жизни ее подтолкнула та же Катерина.

Когда сын уехал, Леся почувствовала себя очень одинокой. Не спасало даже то, что работа отнимала почти все время и скучать особо было некогда. Но ведь это в будни! А что делать одинокой женщине в выходные, в праздники? На носу Новый год. Сын останется в столице, сестра уедет за границу на все рождественские каникулы – с кем же Лесе его отмечать? С замужними подружками, в кругу их семей? Или с незамужними, сбившимися в стайку? Не вдохновляло ни то, ни другое. Хотелось вдвоем с мужчиной. Как в «Иронии судьбы», только без появления в доме пьяного незнакомца. Она бы приготовила заливную рыбу (да не в пример Наде – замечательную), а приглашенный кавалер (внешне он может быть похож на Ипполита – ей нравились высокие интеллигентные брюнеты) подарил бы французские духи. Хотя лучше что-нибудь менее тривиальное, например, красивую фетровую шляпку...

В общем, Лесе ужасно захотелось обзавестись кавалером. И она решила действовать – по примеру Кати разместить на одном из сайтов знакомств анкету с самой удачной своей фотографией. Одиноква ухажеров именно там находила. Правда, все они оказывались женатыми, но для той самым важным критерием было не отсутствие супруги, а наличие хорошей машины, но тут, как говорится, каждому свое. Лесе, например, было без разницы, на чем мужчина приедет на свидание: на «Жигулях» или «Лексусе». Да хоть бы и пешком пришел, лишь бы человек хороший. И холостой! С женатиками она твердо решила не связываться, еще когда ее супруга увела из семьи та самая Эльвира.

В общем, Леся разместила анкету. В цели знакомства указала «любовь, отношения, брак, создание семьи», а к кандидату предъявила следующие требования: «Возраст от 35 до 50, не обремененный семейными узами, если пьющий, то в меру, умный, воспитанный, твердо стоящий на ногах». То есть ничего запределного! Ни виллы на Канарах, ни «Майбаха», ни ученой степени, ни директорского кресла, ни мускулатуры Шварценеггера или лица Джорджа Клуни она от соискателя не ждала! Но, даже несмотря на вполне скромные требования к кавалерам, откликнулись на ее призыв немногие.

Первым, кто написал Лесе, стал гастарбайтер с трудно запоминающимся именем, ищущий женщину с квартирой, в которой он мог бы поселиться. Вторым – турок Ахмед, приглашающий на отдых в Анталию. Третьим – юноша, мечтающий расстаться с невинностью. Пятым, шестым и десятым оказались женатые мужчины, ищущие идеальных любовниц, а именно: одиноких, страстных, все понимающих женщин, согласных на редкие свидания в удобное время, с квартирой или хотя бы местом для встреч. Леся на эту роль плохо подходила, хоть и жила одна, поэтому всем сразу отвечала отказом.

Когда первая волна страждущих схлынула, начали одолевать «мозгоклюи» – виртуальщики, которым нечего делать в рабочее время. Их Леся тоже отмела, поскольку жалела время на пустую болтовню.

Так в бесцельном поиске прошло две недели. Леся уже отчаялась найти на сайте хоть кого-то, заслуживающего внимания, когда ей написали сразу трое интересных мужчин. Пообщавшись с ними в Сети, Леся решила на встречу в реале.

Первое свидание состоялось с самим Джеймсом Бондом. Мужчина, имеющий сей ник, судя по анкете, был холост, хорошо обеспечен, спортивен и лишен вредных привычек. «Но в обществе такой прекрасной женщины, как вы, я могу выпить бокал мартини с кубиком льда и двумя оливками», – писал он Лесе, и она млела от его галантности и грамотного построения фраз. Вот только отсутствие в анкете Бонда реального фото ее напрягало. Лицо Шона Коннери она и так прекрасно знала, а вот физиономию своего интернет-знакомца увидеть бы не отказалась. Но Бонд категорически отказался прислать фотографию на электронный адрес, зато очень хорошо себя описал: «Двухметровый брюнет с голубыми глазами и мужественной ямкой на подбородке». К ямкам Леся относилась равнодушно, а вот высокие темноволосяе мужчины ее всегда привлекали. Поэтому она решила на свидание!

В назначенный час она стояла на главной площади города возле памятника Пушкину (не думала она, что возле него до сих пор назначают свидания), замерзая в легких сапожках и кожаном плащике, – привычный пуховик и замшевые ботинки были отвергнуты по причине их полной асексуальности, а норковую шубу было жалко мочить под мокрым снегом. Именно он, этот мерзкий жидкопад, напрягал Лесю больше, чем холод. Из-за него ее тщательно нанесенный макияж расплывался, а легкомысленные кудряшки сбивались в пук, который мама-покойница называла «вшивым домиком». Леся пряталась за постамент и все смотрела на тормозящие неподалеку машины, в надежде, что из одной из них наконец появится Бонд.

– Здравствуйте, сударыня! – услышала Леся за своей спиной и обернулась. – Простите, что опоздал, я не рассчитал время.

– Вы кто? – удивленно спросила Леся, смерив незнакомца взглядом.

– Бонд. Джеймс Бонд, – ответил он и чуть склонил голову, точно так же, как Шон Коннери в известных фильмах об агенте 007. Жест получился похожим, да вот только во всем остальном мужчина был прямой

противоположностью Джеймсу Бонду в любом, даже самом неудачном исполнении. И причиной тому послужило не то, что брюнетом новый знакомец был только над ушами и чуть выше шеи (Леся подумала, что уместнее было бы сбрить эти жалкие остатки растительности и наречь себя Вином Дизелем), и не субтильная, далеко не спортивная фигура... Дело в том, что перед ней стоял совершенно невзрачный, зажатый, аккуратнo, но очень скучно одетый мужичка, единственным достоинством которого был его высокий рост.

– Но если желаете, можете называть меня Васей, – сказал «Бонд», заполнив своей репликой затянущуюся паузу. – Это мое реальное имя. А каково ваше? Не Леся ведь?

– Леся, – ответила она. – В смысле, Олесья.

– Очень приятно, Олесенька, – прожурчал Вася. – А теперь, когда мы познакомились, а главное – произвели друг на друга приятное впечатление, предлагаю прогуляться.

– Прогуляться? – переспросила Леся, решив, что ослышалась.

– Совершенно верно. Побродить по старым улочкам, поговорить.

– В такую погоду? – ужаснулась Леся, продрогшая до такой степени, что уши стало ломить. – Может, лучше посидим в каком-нибудь кафе?

– Лесенька, о чем вы, какое кафе? Там вас отравят! Я никогда не хожу в такие заведения. Опасаюсь за свое пищеварение.

– Ну, хорошо, тогда давайте просто посидим в вашей машине.

– У меня нет машины. Я пришел сюда пешком.

Леся припомнила анкету Бонда. Кажется, в графе «Автомобиль» она видела «Мустанг».

– Издалека? – любопытствовала Леся.

– Да нет, я рядом живу, всего в трех кварталах.

«Ничего себе рядом! – присвистнула она мысленно. – Да он топал не меньше сорока пяти минут!»

– А почему вы не поехали на автобусе? – задала резонный вопрос Леся.

– Я стараюсь не пользоваться общественным транспортом без острой необходимости.

– Что, это тоже вредно?

– Это неэкономно, – назидательно проговорил он, а Леся окончательно уверилась в том, что относительно «хорошо зарабатываю, обеспечен» ее жестоко обманули.

Но гулять с Бондом она все же пошла. Неудобно было отказывать.

Василий оказался довольно приятным собеседником. Несколько занудным, но интересным. Было ясно, что он очень много читает, поэтому может поддержать разговор практически на любую тему. Единственное, в чем он оказался абсолютно несведущим, так это в отношениях полов. Иначе говоря, то, что другие знали о женщинах из личного опыта, он почерпнул только из литературы.

В свои неполные сорок Вася имел за плечами лишь один неудачный роман. До армии он встречался с девушкой, намеревался на ней жениться, но та, пока он служил, переехала жить в другой город – и отношения прервались. Конечно, Вася мог бы отправиться за избранницей, и она призывала его сделать это, но «Бонд» не решился. То ли не сильно любил, то ли сильно трусил.

Сразу после армии Вася устроился на работу и поступил на заочное отделение политехнического института. С тех пор прошло почти двадцать лет, и все эти годы Васю занимала только работа и учеба. Окончив институт, он сразу поступил в другой и стал получать второе высшее, успевая при этом посещать курсы повышения квалификации и всевозможные кружки. Леся тянущихся к знаниям людей уважала, но не очень понимала, зачем Васе два диплома, если он как работал, так и работает электриком. Даже от бригадирства отказался, побоявшись ответственности.

Не женился Вася, как Лесе думалось, по той же причине. Сам считал, что просто не встретил свою половинку:

– Я, Лесенька, все годы ждал, когда она, моя вторая половинка, войдет в мою жизнь, – делился с ней Вася, легко перешагивая через лужи и не забывая помочь Олесе их обойти. Галантности «Бонду» было не занимать! – И только недавно понял, что эдак могу до конца своих дней ждать и так холостяком и умереть. Судьбу свою искать надо!

«Поздновато понял, – не без ехидства подумала Леся, но тут же себя одернула: – Хотя кто бы язвил... Сама-то тоже хороша! Если бы в молодости по залету замуж не вышла, может, так же, как Бонд, одна бы век коротала. За годы супружества ведь ни разочку ничего похожего на роман, пусть и платонический, не пережила. Тогда как другие и поклонников имели, и любовников! Одна я монашествовала... Дура!»

Так Леся себя часто ругала, да только толку от этого не было никакого, поэтому в последнее время она запретила себе самобичевание и начала по примеру героини фильма «Самая обаятельная и привлекательная» заниматься аутотренингом. Правда, он пока тоже не помогал, но Леся не сдавалась.

– И вот разместил я анкету на сайте, – продолжал Вася, усадив даму на лавочку автобусной остановки, чтобы она передохнула. – Написал в ней все по-честному. Фото свое выложил. И что ты думаешь? Кому ни напишу, все либо хаят, либо не отвечают даже на приветствие. Только одна женщина откликнулась, но мы с ней друг другу не подошли.

– Почему? – заинтересованно спросила Леся.

– По гороскопу. В анкете она неправильную дату рождения указала, и получилось, что она Скорпион. Скорпионы мне очень подходят. Я ищу именно Скорпиона. Ну или хотя бы Близнецов. А она Овном оказалась.

Тут Лесе стало ясно, чем она Васю привлекла. Но он, точно прочитав ее мысли, тут же опроверг их:

– Ты не думай, что ты мне только этим понравилась. Я как твою фотографию увидел, сразу понял – порядочная, умная, интересная женщина. А не какая-то там профурсетка! Ты не представляешь, какие нынче барышни! Всех только деньги интересуют. Приглашаешь на свидание, а они сразу – в какой ресторан пойдем? Да они вообще представляют, сколько там стоит ужин? Четверть моей зарплаты!

– А может, не стоило писать в анкете «хорошо зарабатываю, обеспечен»? – осторожно спросила Леся. – И про «Мустанг» врать...

– Но это же просто шутка. Разве мужчина с такими данными искал бы себе женщину на сайте?

В его словах был резон, поэтому Леся закрыла эту тему и завела разговор о литературе. Вася живо откликнулся на ее предложение рассказать о своей любимой книге, и последующие полчаса (ровно столько было до ее дома) они обсуждали достоинства романа Маркеса «Сто лет одиночества», о котором оба были самого высокого мнения.

За беседой время пролетело быстро, и расстояние, казавшееся Лесе огромным, было преодолено без особых проблем. Естественно, сапоги были сплошь заляпаны грязью, макияж поплыл, а волосы напоминали уже даже не вшивый домик, а копну подгнившего сена, но это Олесю мало заботило. Она понимала, что Вася совсем не тот мужчина, с которым она хотела бы связать свою судьбу, а коль так, какая разница, нравится она ему внешне или нет? Больше все равно не увидятся! Вася ведь наверняка испытывает к Лесе те же чувства, что и она к нему: поболтать приятно, но не более...

Однако оказалось, что Олеся ошиблась!

– Спасибо за прекрасный вечер, – сказал Вася, подводя даму к подъездной двери. – Я давно так здорово не проводил время. Ты удивительная женщина, и я очень хочу увидеться с тобой вновь.

– Опять гулять будем? – хмыкнула Леся.

– Если есть желание, то да. Но я предлагаю сходить в краеведческий. Всю следующую неделю у них бесплатный вход.

Леся сначала хотела ответить отказом, но потом подумала, что поход с Васей в музей гораздо лучше одиноких посиделок перед телевизором, и дала согласие на второе свидание.

Следующим, с кем Леся пересеклась в реале, был мужчина с ником Клим.

У этого про «хорошо зарабатываю, обеспечен» в анкете не было ни слова. Там вообще оказалось очень мало информации: рост, возраст и семейное положение холост. Когда Леся спросила, почему Клим так скрытен и как его на самом деле зовут, он ответил: «Обо всем при встрече, а имя настоящее». Леся против встречи ничего не имела, но хотела для начала увидеть фото потенциального кавалера. В своем требовании Леся была тверда, как скала, и Клим, хотя и долго сопротивлялся, все же кинул его на электронный адрес. На снимке оказался очень приятный мужчина примерно ее возраста, запечатленный на морском берегу. Фигура Клина Лесе понравилась. Не толстый, не худой, а, как Карлсон, в меру упитанный – небольшой животик его не портил, а придавал уютности образу.

Встречу Леся назначила неподалеку от своего офиса. Клим хотел подкатить на своем джипе прямо к крыльцу, но она решила не рисковать. Вдруг окажется, что у кавалера не джип, а «Запорожец», и как она в этом случае будет выглядеть? За Катей на шикарных иномарках приезжают, а за Лесей на чуде советского автопрома? Нет уж! Если в такое и садиться, то подальше от глаз сослуживцев!

Когда Леся подошла к назначенному месту, то несказанно удивилась, что там стоял джип. Черный «Лендкрузер» сверкал своими литыми дисками и помигивал лампочками на огромных зеркалах. Леся осторожно подошла к машине и приблизила лицо к непроницаемо черному стеклу. Что, если внутри не Клим? Вдруг машина принадлежит другому человеку, а она уж размечталась?

– Привет, красавица! – услышала Леся приятный мужской голос за спиной и сразу его узнала. С Климом она дважды разговаривала по телефону, и это был он. – А я в ларек бегал за сигаретами...

Леся обернулась и увидела перед собой незнакомца. Он был низок, толст, небрит, а на мятых брюках красовались разномастные пятна.

– Простите, – пролепетала Леся. – Мы разве знакомы?

– Здравствуйте, приехали, – с усмешкой проговорил незнакомец голосом Клим. – Мы ж с тобой полчаса назад по телефону разговаривали и договорились встретиться на этом самом месте.

– Вы Клим?

– Ну да!

Леся с сомнением посмотрела на кавалера. Не может быть, что это Клим! Тот был в меру упитанный, а этот... Да и возраст у стоящего перед ней мужчины зашкаливал за полтинник, а Леся ожидала увидеть сорокалетнего «парня». Выходит, не он? Но черты лица вроде похожи...

– Фотка старая, – открыл ей глаза на странные метаморфозы Клим. – Вот ты меня и не узнаешь...

– И как давно она сделана? Лет десять назад?

– Примерно, – улыбнулся он, сверкнув золотыми коронками. – Мне на ней лет тридцать.

– А сейчас?

– Сорок, – пожал плечами он. – Я ж в анкете возраст указал, чего ты спрашиваешь?

– В анкете ты и рост указал – сто семьдесят пять сантиметров, – не сдержалась Леся. – Но ты... Ты ниже меня!

– И что? Мы ж с тобой по улицам не ходить, а ездить будем, а машина у меня большая. – Он открыл дверку своего «танка» и скомандовал: – Запрыгивай!

Леся, помявшись немного, забралась в салон. Клим, кряхтя, взгромоздился на водительское сиденье и спросил:

– В какой ресторан двинем?

Вспомнив слова Васи, Леся запротестовала:

– Зачем же сразу в ресторан? Там же ужин стоит, как... Как четверть зарплаты электрика.

– Ну, я-то, слава богу, не электрик, – хмыкнул Клим. – Поэтому предлагаю завалиться в «Патио».

Леся знала этот ресторан, он был самым пафосным в городе. Катю ее кавалеры туда пару раз водили, и Одиноква рассказывала, какой там фейсконтроль на входе.

– А нас туда пустят? – робко спросила Леся у своего потрепанного, помятого, неряшливо одетого кавалера.

– Почему нет?

– Да там, я слышала, предусмотрен дресс-код... – Она еле сдержалась, чтобы не покоситься на его отвратительного вида штаны.

– Не парься, ты нормально выглядишь, – заявил Клим и завел мотор.

До ресторана они доехали минут за пять. Клим гнал так, что машина чуть ли не взлетала. При этом он вел джип одной рукой, а во второй у него была зажата сигарета, да еще и сотовый телефон: он одновременно курил и писал кому-то сообщение.

Из машины Леся выбралась, покачиваясь, но к дверям ресторана двигать не торопилась. Все равно ведь не пустят! Поэтому она осталась у джипа, делая вид, что поправляет прическу, глядя в зеркальное стекло авто. Каково же было ее удивление, когда швейцар распахнул перед Климом дверь и учтиво поклонился, впуская его внутрь. Но, как впоследствии выяснилось, в этом не было ничего странного. Клим являлся постоянным клиентом «Патио», и его там знали все: от администратора до официантов.

Ужин прошел довольно мило. Кормили в ресторане отменно, а Клим на цены не смотрел, заказывал все самое лучшее. Так что удовольствие от еды Леся получила огромное. От беседы тоже получила, но меньшее – она велась на темы, далекие от ее интересов: курсы валют, процентные ставки по кредитам и цены на лес – у Клим было несколько лесопилок и деревообрабатывающее производство. А вот манеры кавалера привели Леся в ужас: Клим чавкал, ронял куски пищи себе на брюки (и к старым пятнам прибавилась парочка новых), громко сморкался, а руки вытирал скатертью. Appetit у Клим был зверским. Он слопал такое количество еды, что ею можно было накормить семью из пяти человек. Сметая с тарелок пищу и подбирая подливку хлебушком, он приговаривал: «Хорошо, что нам, мужикам, не обязательно себя ограничивать. Это вам, женщинам, надо фигуру блюсти, чтоб товарный вид не терять, а мы в любом виде хороши...»

Леся была с ним категорически не согласна, но в спор не вступала. Тем более ей стало ясно, почему у Клим закрепились такие мнения. Пока они сидели за столом, две очень юные официантки строили Лесину спутнику глазки. Понятно, что их привлекла не внешность Клим и не его безупречные манеры, а платежеспособность, но ему, похоже, было все равно, чем вызван интерес барышень к его персоне. Обращают внимание, и хорошо!

– С женщинами у меня никогда проблем не было, – делился с Лесей Клим. – С тех пор, как три года назад развелся, один не оставался. И всегда девушки сами проявляли инициативу. И знакомились со мной первыми, и вещи в мою квартиру перевозили до того, как я им это предлагал. Девчонки все как на подбор. Молоденькие, стройные, хорошенькие... Да только дуры! Уставал я от них быстро. Вот и решил с

женщиной постарше отношения построить. Из-за этого на сайт и вышел.

– И со сколькими уже успел познакомиться?

– Со многими, но ты больше остальных понравилась. – И он потрепал по руке.

У Леси тут же сердце ушло в пятки. «Сначала ручку погладит, потом коленку, а там, чего доброго, под юбку полезет!» – запаниковала она. Но Клим успокоил:

– Ты не думай, что я тебя сразу в постель потащу. Я не из тех, кто требует расплаты за ужин. Вот узнаем друг друга получше, и тогда...

Леся за это готова была расцеловать Клим в небритые щеки. Он вообще стал ей гораздо больше нравиться после слов «узнаем друг друга получше» и двух фужеров вина. Хороший же мужчина. Не жлоб. И в интеллекте не откажешь. А что толстый и ростом не вышел, так ерунда это. Тем более вес можно согнать. А уж одежду в божеский вид привести и того проще. Другое плохо: не тянуло Лесю к Климу. Совсем не тянуло. Но она решила для себя так: пока с сексом не торопят, будем общаться, глядишь, за это время хоть что-то шевельнется.

После ресторана Клим отвез Лесю домой. Из машины выбраться не помог, но ручку на прощание чмокнул. Поднимаясь на свой этаж, Олеся размышляла о том, кто из двух кавалеров ей больше по душе. Вася был интереснее, опрятнее, культурнее и выше, но с большими странностями. Клим потрепан, толст и мал ростом, зато щедр и семейный опыт имеет. Ни один из мужчин Лесю не зацепил, но ведь надо кого-то выбирать, коль наметила встречать Новый год в мужской компании, а не в гордом одиночестве.

«Ладно, вот завтра еще с одним встречусь, тогда и решу!» – подвела итог своим размышлениям Леся.

Третьего, и последнего, из приглянувшихся ей мужчин звали, как бывшего мужа, – Алексеем. Он был младше Леси на пять лет, и это ее несколько смущало, тогда как Алексея совсем нет. Он уверял Лесю в том, что такая ничтожная разница в возрасте не может помешать отношениям. «Тем более, – писал он, – выгляжу я старше своих лет». В подтверждение этому Леша прислал фотографию, на которой был изображен очень приятный мужчина с вьющимися светлыми волосами и голубыми глазами, чем-то похожий на Есенина. Выглядел он как раз на тридцать, и никак не старше, но Леся уже фотографиям не верила. Поэтому на следующий день она подошла к белой «семерке», в которой сидел кавалер, с некоторой опаской, а в салон заглядывала настроенная на разочарование.

В машине сидел приятный молодой мужчина, лицо которого она сразу узнала. Это был Алексей. Тот самый Алексей, с которым она переписывалась. Не постаревший, не потолстевший, а именно такой, как на фото, похожий на Есенина. Облегченно выдохнув, Леся открыла дверку и уселась на пассажирское сиденье.

– Привет, – поздоровался с ней Леша, вжимая педаль газа в пол. – Отлично выглядишь.

– Ты тоже, – откликнулась Леся. Ей на самом деле понравился ее новый знакомый. Конечно, не так чтобы очень, но уже тот факт, что фотография соответствовала действительности, ее порадовал. – Куда едем?

– Покатаемся?

Что ж, Леся была не против автомобильной прогулки!

– Прислушайся к звуку, – сказал он, выруливая на шоссе. – Чувствуешь, как мотор работает?

Леся кивнула. Двигатель на самом деле работал тихо. Но кого этим удивишь?

– Просто музыка, – поцокал языком Леша. – Знаешь, как я эту машину покупал? Сейчас расскажу...

Последующие двадцать минут Леся слушала совершенно не интересную историю о том, как Леша отыскал на авторынке неприметный с виду «жигуленок», оказавшийся впоследствии такой замечательной машиной, что никакие «Мерседесы» да «Ауди» не годились ей в подметки, вернее, покрывки. Насилу дослушав, Леся стала расспрашивать нового знакомого о личном: где работает, с кем живет, был ли женат. Но Леша, хоть и отвечал совершенно искренне (старший мастер на заводе, с родителями, был, развелся пять лет назад), быстро перевел разговор на свою любимую автомобильную тему.

Через час стало совершенно ясно, что она не просто любимая, а единственная. Имея отличное образование, Леша оказался невежественнейшим человеком. То есть он хорошо разбирался в технике и электронике, но в литературе, живописи, политике и даже спорте не ориентировался совсем. Его это не интересовало, и Леша не считал нужным читать художественную литературу или ходить в театры и кино. На вопрос: «У тебя есть настольная книга?» – Леша без иронии ответил: «А как же! «Инструкция к «ВАЗ 2107». Все свободное от работы время он проводил в гараже, чиня то свою «семерку», то автомобили знакомых. Жена из-за этого от него и ушла. Но, как думалось Лесе, Леша не только не расстроился, но и не сразу это заметил.

Но в целом он был мужчиной очень неплохим – был спокойным, доброжелательным и не наглым, не имел вредных привычек. В принципе он Лесе понравился, и, когда Леша спросил: «Еще встретимся?» – она утвердительно кивнула.

Следующую неделю все три «жениха» исправно звонили и звали на свидания. Леся каждому давала надежду, но ничего конкретного не обещала. Она так и не решила, кого из троих выбрать, а одновременно встречаться с несколькими мужчинами считала некрасивым, если не сказать – аморальным. «Дура ты, Леся! – поставила ей диагноз Катя, когда узнала о терзаниях коллеги. – Аморально спать сразу с тремя мужчинами. А встречаться – нормально. Тут главное, чтоб они не столкнулись, а то все трое тебя бросят, и придется начинать поиски заново!»

Но Леся, хоть и считала Одинокovu большим специалистом по амурным делам, к ее мнению не прислушалась. Второе свидание предполагает уже более тесное общение, то есть короткие объятия и поцелуи на прощание, так что ж ей теперь, со всеми тремя обниматься и целоваться? Нет уж, увольте!

Ждать, когда барышня созреет, мужчины устали и решили взять ее «штурмом». Первым ринулся в бой Клим. Подкатил к зданию ее фирмы и, когда Леся вышла, посигналил. Одинокова, выходящая на улицу вместе с коллегой, завистливо присвистнула, увидев машину Клина. В Лесе тут же проснулась спавшая доселе гордыня. «Получи, фашист, гранату!» – воскликнула она мысленно и, небрежно помахав Одиноковой, зашагала к джипу.

Клим был, как и в прошлый раз, небрит, и на штанах (уже других) красовались привычные жирные пятна. Он встретил Лесю фразой:

– Привет игрокам общества «Динамо»!

Не поняв юмора, она спросила:

– С чего ты взял, что я занимаюсь спортом?

Клим засмеялся, но объяснил:

– Женщин, которые мужчину кормят обещаниями скорой встречи, а сами и не думают об этом, динамистками называют!

Леся смутилась и залепетала что-то оправдательное, но Клим ее перебил:

– Ты уже спланировала, как будешь отмечать Новый год?

– Пока нет.

– Поехали со мной в загородный клуб? Заезд 31-го. Катание на лошадях, санках, сноубордах. Ночью в ресторане встретим Новый год. Потом салют. Утром банька, бассейн. Потом лыжи... Короче, будет весело!

Звучало заманчиво! Да вот только между салютом и банькой что? Ночь в двухместном номере! И это было уже совсем не так заманчиво.

– Можно я подумаю? – жалостливо проговорила Леся. – До завтра? А лучше до двадцать девятого? А то у меня сейчас на работе аврал, голова другим занята...

– Можно, – милостиво ответил Клим. – Но сегодня с тебя чай! Смотри, какой я торт купил. – Он кивнул на заднее сиденье, где красовался огромный бисквит в пластиковой коробке.

Отказать Климу Леся не смогла, пригласила в гости. Пока они пили чай с тортом, Леся рассказывала кавалеру о своих планах относительно покупки квартиры для сына. Клим ее в этом поддержал и пообещал найти хорошего риелтора. Покушав, он попрощался и ушел. А когда за ним закрылась дверь, затренькал Лесин сотовый. Звонил, как ни странно, другой кавалер – Алексей.

– Привет, – поздоровался он. – А ты сейчас где?

– Дома.

– Как хорошо, я как раз у твоего подъезда, в гости не пригласишь?

– Зачем это?

– Хочу предложить тебе кое-то...

– Кое-что? – опасливо переспросила Леся.

Катя так часто рассказывала ей, что мужчины начинают к ней приставать уже на первом свидании и еще до того, как она успевает доесть салат, что Леся постоянно ждала подвоха.

– Да это насчет Нового года. Меня друзья пригласили к себе, а одному идти не хочется. Пошли со мной?

– Давай за чаем это обсудим? У меня и торт есть.

Леша вскоре поднялся в квартиру, вручил Лесе шоколадку и принялся разуваться. Левый ботинок он снял без проблем, а вот со вторым пришлось помучиться: молния разошлась и не расстегивалась. Это было неудивительно – башмаки поражали ветхостью и немодным дизайном. Леся уже не думала, что в таких ходят мужчины младше шестидесяти.

– Можно я обутой пройду? – попросил Леша. – А с молнией потом дома разберусь.

– А не лучше ли сейчас молнию выпороть, а ботинки дома выкинуть? – предложила Леся.

– Ты что! – запротестовал Алексей. – Они еще хорошие, я их всего четыре года ношу.

– Всего?

– Ну да. Я обычно одежду и обувь лет по пять-семь ношу. Пока не придет в негодность. Я за модой не гонюсь, и на барахло мне денег жалко. Уж лучше новые чехлы для своей ласточки куплю. Или глушак новый. Гоночный... Знаешь, какой у него звук? – Он тщательно вытер подошву ботинка и зашагал в комнату, слегка прихрамывая из-за небольшого каблучка. – А молнию я сделаю – у меня все ж таки высшее техническое образование...

Потом они пили чай и разговаривали. Леся опять не удержалась – рассказала Леше о своих планах. А вот когда разговор зашел о праздновании Нового года, она перестала быть столь разговорчивой. И все потому, что не знала, чье предложение принять, и хотела все взвесить, оставшись наедине с собой. Выпроводив «Есенина», она приготовилась предаться раздумьям, как вновь затрезвонил сотовый. «Бонд», – подумала Леся и не ошиблась.

Вася так же, как и двое других, прилепал к ней с предложением совместно встретить праздник. Только в отличие от остальных явился на своих двоих (поэтому и припозднился) и с пустыми руками. Зато программу предложил замечательную: филармонический концерт 31-го днем, затем посещение катка – для Леси он достал из сарая свои школьные коньки, – после приготовления шашлыков за его домом, там как раз лесопосадка, и встреча Нового года в дружной компании его соседей.

Васе Леся ответила тем же, что и остальным, – попросила позвонить двадцать девятого.

Когда за последним гостем закрылась дверь, Олеся села думать думу, но ее прервали. Это была не кто иная, как Катерина.

– Какая ты скрытная, Леся, – налетела она на соседку, едва переступив порог. – Завела себе крутого перца и молчок! А ну рассказывай...

И Леся рассказала. Обо всем. Выслушав ее, Катя фыркнула:

– И нечего тут думать, езжай с Климом!

– Но он меня не привлекает физически...

– А кто тебя привлекает?

– Если выбирать из этих троих, то Леша... Но Вася... С ним было бы интереснее... И на сексе он точно настаивать не будет.

Катя только покачала головой.

– А ты с кем отмечаешь? – спросила у нее Леся.

– Одна, – ответила Катя. – Дома буду телик смотреть.

– Как одна? Почему одна? У тебя же столько поклонников...

– Поклонников полно, да все женатые! – Она погрустнела, и Леся решила предложить ей чаю с тортом, чтобы поднять настроение.

Девичьи посиделки закончились за полночь, и Леся, перемыв чашки, сразу улеглась спать.

Утром вскочила как ошпаренная и помчалась на работу. А так как на автобус она опаздывала, то кошелек доставала из сумки на бегу. Вот тогда-то, как Леся решила, ключи и потеряла. Ибо, вернувшись с работы, уже их не обнаружила...

И вот теперь оказалось, что связка не была утеряна – ее украли. Либо Клим, либо Леша, либо Вася, больше никому! Пока она чаек для одного из них заваривала, он в сумке рылся. Позарился на квартирные денежки. «Только откуда узнал, где я их храню? – подумала Леся, но тут же самой себе ответила: – Да я сама глазами и показала! Когда начала рассказывать о своих планах, неосознанно бросила взгляд на бар. Я так в школе врунов вычисляла. Спросишь: где дневник? А ученик – не знаю, но сам зырк на сумку со сменной обувью...»

Леся горько вздохнула и поплелась к телефону. Все равно надо в милицию звонить, другого выхода-то нет...

Вдруг затренькал мобильный, и Леся, вздрогнув, поднесла его к уху.

– Привет! – услышала она бодрый голос Клим. – Как поживаешь?

– Нормально, – машинально ответила Леся.

– Насчет Нового года решила?

Леся молчала. Она думала о том, что вором мог быть именно он – Клим. Хотя как раз его представить «домушником» было сложно. Человек при деньгах, зачем ему?

«А если деньги именно оттуда? – осенило вдруг Лесю. – Что, если он не предприниматель, а вор? – И тут же возразила себе: – Но в этом случае он бы не звонил мне сейчас! Или наоборот – ему это для алиби нужно?»

Вконец запутавшись, Леся брякнула:

– А приезжай ко мне в гости! Все и обсудим...

– Хорошо, жди через двадцать минут, я неподалеку.

Приехал Клим ровно в назначенное время. Леся встретила его приветливо, пригласила за стол, напоила чаем (он вновь привез торт, в этот раз медовый), но вдруг схватилась за сердце и прошептала:

– Колет что-то...

Клим всполошился, вскочил и спросил озабоченно:

– Что надо делать?

– Таблетку дай, я ее под язык положу, и все пройдет!

Кавалер заметался по комнате, вопрошая:

– Где аптечка?

Но так ее и не найдя, он сунул Лесе остывший чай, и ей полегчало.

– Все, – сказала она облегченно. – Прошло. А теперь я хочу отдохнуть... Ты не обидишься, если я попрошу тебя уйти?

Клим помог Лесе улечься и покинул ее дом. Едва за ним захлопнулась дверь, как она вскочила и схватилась за телефон. Спектакль с приступом был разыгран намеренно. Она надеялась поймать Клима! Коль вор именно он, то где находится аптечка, должен знать.

Но он не знал. Или очень правдоподобно играл! В актерские способности Клима Лесе не очень верилось, поэтому она позвонила Васе. Договорившись с ним о встрече, она тут же набрала номер Алексея. Пока «Бонд» доберется до нее на своем воображаемом «мустанге», она успеет принять «Есенина».

Когда Алексей прибыл, Леся разыграла тот же сценарий. И вновь кавалер повел себя не так, как ей думалось, – ничем не выдал своей осведомленности относительно того, где в ее доме хранится аптечка. Выходит, вор не Леша? Но на эту роль он подходил больше остальных: на те деньги, что пропали из «бара», можно было купить тысячу чехлов, сотню глушаков и две очень хорошие машины.

«Что же получается? – размышляла Леся. – А получается, что вор Вася. Да только куда ему столько денег? Ему же для полного довольства жизнью достаточно тысяч десяти. И не долларов, рублей. Шиковать он все равно не привык... Большие деньги сведут его с ума! А коль так – будем спасать!»

Разыграв третий акт своей трагедии, Леся впала в уныние. Вася, как и остальные, повел себя так, будто о местонахождении аптечки знать не знает. Леся, пребывая в уверенности, что вор именно он, в судорогах забила, а затем потеряла сознание. Но даже будучи убежденным, что хозяйка квартиры в отключке, Вася не полез в «бар», а продолжал носиться по квартире, вываливая содержимое ящиков и плаксиво причитая.

Пришлось Лесе над ним сжалиться и изобразить чудесное исцеление. Потом она пообещала встречать Новый год с Васей, но тот почему-то не обрадовался.

– А знаешь... – промямлил он, торопливо обуваясь. – Я, наверное, уеду. Так что все отменяется. Меня бабушка к себе зовет. Она, как и ты, сердечница. И я, пожалуй, лучше к ней... Дешевле будет! Да и спокойнее – бабуля знает, где у нее таблетки...

И вылетел за дверь.

Оставшись в квартире одна, Леся устало села в кресло и с тоской посмотрела на играющую огнями елочку. Послезавтра Новый год, а никакой радости. Деньги пропали, и ни один мужчина ей не приглянулся. Поэтому лучше никого не обманывать и своим настроением другим праздник не портить, а справлять одной...

В дверь позвонили. Леся пошла открывать.

– Привет еще раз! – чирикнула Одинокова. – К тебе можно?

– Заходи...

На Кате был ультракороткий атласный халатик. Повиливая бедрами, она прошествовала в комнату и уселась на диван.

– Ну что решила с Новым годом? – спросила она.

– А ничего... Дома буду, как и ты.

– Тогда, может, вместе?

– Хорошая идея, давай...

И тут вдруг так кольнуло в груди! Леся даже зажмурилась от боли и осела на диван.

– Леся, Лесь! Ты чего? Что с тобой? – услышала она голос Кати. – Голова закружилась, да?

– С сердцем что-то, – прохрипела Леся.

– Ты ляг, ляг... А я тебе сейчас таблеточку... Потерпи... – И бросилась к тому самому ящику, где лежала аптечка.

У Леси боль сразу прошла, и она стала лихорадочно соображать, доставала ли когда-нибудь при Одиноковой лекарства. Выходило, что нет. Те таблетки, которыми она пользовалась обычно, лежали у нее в сумке. А вот о деньгах на квартиру не раз упоминала в беседе за чашкой чая.

– Так это ты, – прошептала она пораженно. – Ты украла мои деньги!

Одинокова, уже готовая открыть ящик, опустила руки.

– Как ты могла, Катя? Я для сына копила, а ты... Зачем?

– Операцию хотела сделать, – всхлипнула та. – Вернее, несколько операций.

– Каких еще операций? Ты что, больна?

– Пластических! Мне уже тридцать семь, у меня морщины и грудь отвисла. А я все не замужем!

– Мне казалось, тебя все устраивает...

– Вот именно – казалось! – зло крикнула Катя. – Я из кожи вон лезу, чтоб вы все так думали! Потому что не хочу, чтоб надо мной за глаза насмеялись! Или того хуже – жалели! Мне всегда хотелось, чтоб мне завидовали, понимаешь?

– Нет.

– Да не ври уж! Сама мне про своих кавалеров почему рассказывала? Только не говори, что совета хотела спросить! Уесть меня мечтала! Ткнуть носом в неудачи...

– Нет, ты ошибаешься, – запротестовала Леся, но Одинокова ее словно не слышала:

– Да если б ты повела себя по-другому... Если б не укатила на джипе и не хвалилась передо мной, я бы никогда у тебя ключ не украла... Но ты... Ты меня взбесила. И мне так нужны были деньги, что я не устояла...

– Надеюсь, ты не успела их потратить?

– Не волнуйся, верну... Весь день сама не своя хожу. Совесть мучает... – Она уже не агрессивно, а грустно посмотрела на Лесю и достала из кармана своего халатика конвертик. – Думаешь, я чего пришла-то? Деньги незаметно вернуть. Думала, ты еще пропажу не обнаружила...

Она протянула Лесе конверт и, тяжело вздохнув, побрела к выходу.

– Если тебе так нужны деньги, я одолжу, – крикнула ей вслед Леся.

Но Катя ничего не ответила.

ЭПИЛОГ

Новый год Леся решила отмечать одна. Запекла утку, сделала традиционный «Оливье», купила шампанского. Выпив первый фужер за старый год и приняв поздравления с праздником от близких (все звонили заранее, пока сеть не перегружена), Леся заскучала. Когда часы показали одиннадцать пятнадцать, она включила компьютер и зашла на сайт – просто так, от нечего делать – и почти сразу получила сообщение от пользователя под ником Романтик. «Скучаешь? – писал он. – Если да, предлагаю встретить Новый год со мной! Буду ждать тебя у входа в парк культуры с 11.50 до 00.00. Найдешь меня у снеговика, узнаешь по шампанскому в одной руке, мандаринам в другой и маске тигра. Это не шутка. Приходи, я буду ждать именно тебя...»

Прочитав это сообщение, Леся рассмеялась. Нашел дурака за четыре сольдо! Ага, ее он ждет, врун! Как пить дать разослал это сообщение всем женщинам, находящимся в это время на сайте. Чтоб поиздеваться!

«Не пойду я ни в какой парк, – сердито подумала Леся. – И пусть до него ходьбы всего десять минут!»

Выключив компьютер, она вернулась за стол и принялась кромсать утку. Но кусок в горло не лез и на месте не сиделось. Кинув взгляд на часы и отметив, что до Нового года осталось ровно полчаса, Леся спрыгнула с дивана и понеслась в прихожую. Натянув шубу и сапоги, цапнув ключи и сумку, она шагнула к двери, но бегом вернулась в комнату, схватила со стола утку, завернула ее в фольгу, зачерпнула горсть конфет, три яблока, затем метнулась к бару, достала из него последнюю бутылку, все это засунула в пакет и вылетела из квартиры.

К парку вела узкая улочка, и Леся припустила по тротуару, только снег из-под каблуков летел. Она торопилась, чтоб успеть вернуться до боя курантов. Ведь ясно, что никто у снеговика ее не ждет, поэтому надо спешить...

Мужчину в маске тигра Леся завидела издали. На нем был серебристый пуховик, отливающий в свете фонарей, высокие ботинки на шнуровке и огромные пуховые варежки. У Леси были точно такие же в детстве. Мужчина держал в одной «меховой» руке бутылку шампанского, в другой пакет мандаринов.

– Ну наконец-то! – прокричал он. – А я уж думал, ты не придешь!

– А я утку принесла! – невпопад сказала Леся. – Без яблок, правда...

– Это ничего, – хмыкнул он и стянул маску.

Увидев его лицо, открытое, курносое, с ямочками, Леся счастливо рассмеялась. Перед ней стоял именно тот мужчина, с которым ей хотелось бы встретить не только Новый год, но и старость...

Дарья Донцова Эскимос с Марса

«Продается половина кошки в живом виде».

Прочитав это сообщение, я опешила и еще раз посмотрела на текст. «Продается половина кошки в живом виде». Господи, как подобное возможно? Если разрезать несчастное животное пополам, то оно умрет. И о какой части идет речь: передней или задней? Вот вы бы предпочли купить голову или хвост? Первую придется кормить, для второй покупать наполнитель. Может, киску разрубили вдоль? Ну и глупости лезут мне в голову!

Я отложила газету бесплатных объявлений, отхлебнула кофе, заела его конфетой и снова устала в полосу. «Продается половина кошки в живом виде». Нет, не будет мне покоя, надо позвонить по указанному телефону и задать простой вопрос: зачем делить Мурку на куски? Поколебавшись некоторое время, я схватила трубку, набрала номер, услышала хриплое «алло» и заинтересовалась:

– Объявление давали?

Телефон вначале хрипел, потом из него долетело:

– Угу.

Мое любопытство достигло крайней точки.

– Она живая?

– В принципе да, – сообщила женщина, – но если захотите сделать ремонт, возражать не стану.

Я изумилась до предела, первый раз слышу про ремонт кисы, но, возможно, хозяйка имеет в виду простую процедуру купания?

– Ну, так как, – поторопила меня тетка, – приедете смотреть?

– Вы ее показываете?

– Хотите купить, не увидев, что берете? – удивилась в свою очередь женщина.

– Вы далеко живете? – спросила я.

– Смотря откуда ехать, – весьма разумно ответила незнакомка. – Вообще-то я живу в Подмоскowie, но это намного лучше, чем в центре Москвы. Глупые люди рвутся поселиться на Садовом кольце и потом спят с закрытыми окнами, дыша воздухом из кондиционера, а у нас во дворе летом яблони, груши, зелень, зимой снег чистый, сахарный.

– Я тоже живу за городом и не хочу перебираться на Тверскую, – подхватила я, – для меня Ложкино лучше всего.

Женщина издала смешок.

– Ложкино? По Новорижскому шоссе домой ездите?

– Верно, знаете наш поселок? – поддержала я беседу.

– Моя квартира находится в городке «Медтехника», – радостно объявила собеседница.

– Да ну? – подскочила я. – Это совсем недалеко от моего дома: если напрямик через поле топать, то за четверть часа дойти можно! Мы к вам на хлебозавод за батонами бегаем, такого «Нарезного», как там, в Москве не купить, настоящий хлеб, из отличного дрожжевого теста.

– Ну, приедете глядеть? – вернулась к основной теме женщина.

– Да, прямо сейчас, – пообещала я, – можно?

– Конечно, – милостиво согласилась она.

Я схватила сумочку, бросила туда мобильный, кошелек и поспешила во двор. Пожалуйста, не надо считать меня дурочкой, но заяву о продаже половины живой кошки дала дама из соседнего городка. Я никогда бы не отправилась в дальний путь, чтобы удовлетворить разбушевавшееся любопытство, но животное находится на расстоянии вытянутой руки от Ложкино! К тому же после того как Маша уехала учиться в Париж, Зайка с Кешей и близнецами тоже перебрались в столицу Франции, а Дегтярев переселился к своему сыну Теме, я постоянно забываю купить хлеб. Вот и сейчас в полотняном мешочке, который, перед тем как отбыть вместе с Манюней, наша домработница Ирка повесила на кухне, нет ни крошки, а мне вечером захочется съесть тостик.

Я завела свой «Мини-купер» и поехала по шоссе. И вовсе я не любопытна, как сорока, просто ни разу не видела половину кошки в живом виде!

Владелица животного оказалась полной пенсионеркой с приветливой улыбкой.

– Быстро примчалась, – сказала она, впуская меня в квартиру.

- Тут ехать всего ничего, – кивнула я и представилась: – Даша.
- Надя, – после небольшого колебания ответила хозяйка, явно привыкшая сообщать еще и отчество.
- Ну и где же она? – не вытерпела я. – Очень хочется ее увидеть.

Надя обвела рукой прихожую.

– Нравится?

– Красиво и уютно, – похвалила я интерьер, – весьма просторный холл, наверное, здание строили по особому проекту?

– Угадали, – подтвердила Надежда, – когда-то городок возводили для сотрудников завода «Медтехника», в этом доме жило начальство, но потом народ стал квартиры продавать, из старых жильцов нас лишь двое осталось. Идите сюда.

Мы миновали длинный коридор и очутились в квадратной комнате с двумя большими окнами.

– Ну? Как вам? – спросила Надя.

– Замечательно. А где кошка?

– Зачем вам Муся? – удивилась Надежда. – Бродит где-то. Разве в квартире пахнет? Мусенька аккуратная, она никогда нигде не безобразничает.

– Здесь изумительная чистота, – заверила я хозяйку, – просто я хочу посмотреть на половину...

Из соседней комнаты раздался оглушительный грохот. Надя бросилась на звук, я поспешила за ней. Помещение, куда я ворвалась следом за хозяйкой, оказалось по размеру чуть меньше того, которое пару минут назад мне показывала Надежда, но выглядело оно не менее уютно.

– Вазу разбил, – с горечью отметила пенсионерка, – хрустальную! Я привезла ее в семьдесят пятом году из Чехословакии! Отличное качество, и вдребезги! Ну как тебе не стыдно!

Сидевший за столом мальчик лет четырнадцати не обратил ни малейшего внимания на слова бабушки. Он схватил со стола карандаш и начал быстро чиркать им по бумаге.

Надежда насупилась, мне стало ясно: ей почти до слез жаль вазу, с которой связано много приятных воспоминаний. И наверное, бабушке не по вкусу поведение внука, который даже не извинился, совершив оплошность.

– Просто безобразие! – возмутилась пенсионерка.

Мальчик, не изменившись в лице, орудовал карандашом.

– Немедленно убери! – приказала Надя. – Эй, Олег!

Ребенок, не отрывая глаз от бумаги, заговорил:

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести.

– Сейчас же прекрати! – стукнула кулаком по столу старушка. – Олег! Кому говорю!

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – размеренно повторил мальчик и стал из стороны в сторону раскачиваться на стуле.

– Вот несчастье! – устало сказала Надя. – Никогда таких вредных не видела! Прикидывается, что меня не слышит, есть отказывается, зато в туалете по часу сидит, спать в одежде ложится, брюки не снимает, рубашку тоже.

– Это ваш внук? – спросила я.

Надя внезапно рассмеялась, а Олег монотонно произнес:

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести.

– Я не специалист, но, похоже, мальчик болен аутизмом, – предположила я.

– Что за напасть такая? – ахнула Надежда. – Заразная?

– Нет, – сказала я, – ребенок с такой болезнью полностью отгорожен от действительности, не желает общаться с окружающими, живет в собственном мире. К сожалению, большинство людей считает аутистов умственно отсталыми, но на самом деле они гениальны, и из таких детей вырастают великие математики, писатели, композиторы.

– Мало радости от их талантов, если с ними за чаем не поговорить, – вздохнула Надя. – По мне, так лучше обычного мальчика иметь, понятливого. Пусть двойки получает, в футбол гоняет, школу закончит, в армии отслужит, женится. Обойдемся без великих. Ну и как с таким разговаривать?

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – без всяких эмоций повторил паренек.

Надя села в кресло.

– Во! Слышали! Издевается, постоянно цифры бурчит.

– Олег пытается вам что-то сказать, – вздохнула я.

– Так пусть говорит, – обзлилась она.

– У него свой язык, похоже, эти цифры имеют большое значение для мальчика, – протянула я, обогнула стол, приблизилась к подростку и решила завести с ним беседу: – Здравствуй, Олег.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – раздалось в ответ.

– Идиот! – в сердцах воскликнула Надя. – Господи, за какие грехи ты мне на склоне лет такое испытание послал? Хотела его по голове погладить, дотронуться не успела, только руку протянула, так мальчишка визжать начал!

– Аутисты не выносят чужих прикосновений, – пояснила я. – Если такой человек разрешает себя обнимать или дает вам руку – это демонстрация наивысшей степени доверия. Очень часто ребенок не проявляет ее даже по отношению к родителям. Особенности дети крайне привязаны к обстановке, очень тяжело переживают смену местожительства и привычной пищи.

– Откуда вы знаете? – с недоверием покосилась на меня Надя.

– В институте когда-то прослушала курс лекций по психологии. И...

Слова застряли у меня в горле. Олег, по-прежнему не обращавший на нас внимания, продолжал быстро водить карандашом по бумаге, но я только сейчас посмотрела на его работу и поняла: он с удивительной точностью и филигранным мастерством воспроизводит одну из картин русского художника Перова, она называется «Тройка» и демонстрируется в Третьяковской галерее. В распоряжении Олега был всего лишь один простой карандаш и лист бумаги формата А4, но мальчик умудрился разместить на малом пространстве всю композицию. Он уменьшил фигуры детей, изображение бочки, санок и удивительно точно передал выражение лиц подростков. Если бы картина была нужного размера, а Олег имел краски, копия могла стать неотличимой от оригинала.

– Здорово! – похвалила я Олега. – Ты молодец. Давай познакомимся, меня зовут Даша.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – без всякой агрессии произнес мальчик.

Я повернулась к Наде:

– Олег не ваш внук...

Она махнула рукой:

– Сплошная беда. Нет, конечно, я надеюсь, что дочь мне нормальных родит, не уродов.

– Не говорите так, – попросила я, – мальчик все понимает.

– Тогда почему он так себя ведет? – возмутилась она.

– По-другому он не может, – вздохнула я.

– Таблетки от его болезни продают? – с надеждой спросила хозяйка квартиры. – Вон у соседки, Зинаиды Кирилловны, внучка с припадками слегла, так ей уколы делали, нонче она козой скачет.

– Увы, аутизм остается для науки загадкой, фармакология пока бессильна, – развела я руками. – Думаю, надо показать Олега психотерапевту. Хороший специалист может подобрать ключи к мальчику. Как он к вам попал?

Надежда покосилась на Олега.

– Дочь моя, Лариска, привезла. Никогда она меня не слушала, сколько раз я ей внушала: Лара, на свете существует много хороших профессий, выучись на стоматолога и живи припеваючи. Не хочешь быть врачом – иди в институт иностранных языков, если тебя совсем прижмет, частные уроки прокормят. И ведь она имела возможность выбрать вуз, школу закончила с золотой медалью, всего один вступительный экзамен сдай – и студентка. Я с юности мечтала высшее образование получить, да не вышло. Думала, дочь выучится, но у Ларки упрямства много.

Я подавила вздох. Большинство пап и мам желает своим чадам добра, поговорка «Родители плохого не посоветуют» не лишена смысла. Но частенько старшее поколение пытается осуществить при помощи детей или внуков свои собственные мечты. Наверное, вы слышали от какой-либо молодой мамы фразу: «Моя девочка непременно поступит в балетное училище» или «В нашей семье подрастает великая певица». К гадалке не ходи, мать сама жаждала выступать на сцене, но ее судьба сложилась иначе. Однако дочка, скорее всего, совсем не грезит о подмостках, а мечтает заниматься фотографией. С большой долей вероятности, желание девочки в расчет не примут, и мир обретет еще одну неуклюжую танцовщицу или безголосую певичку, которая хочет работать журналистом. Я сама не избежала такой участи. В детстве я была патологически неспортивным, неуклюжим ребенком, не могла выполнить ни одного упражнения на брусьях, падала кулем с бревна, даже простой кувырок вперед давался мне с трудом. Моя бабушка поняла, что гимнастки из внучки не получится, и отдала меня в музыкальную школу. И вот тут начинается самое интересное. Я имела хорошую форму рук и длинные пальцы и вполне могла освоить азы игры на фортепьяно, но как же меня злила перспектива сидеть за инструментом! В нашем классе училась Вера Рыжкова, которая занималась в секции гимнастики и считалась звездой школы. Вот кто мог ловко крутиться на всех снарядах и бегать на руках по спортзалу. Сейчас-то я понимаю, что Рыжкова была среди профессиональных спортсменок последней, в четырнадцать лет уже побеждают на международных соревнованиях, а Веру никогда не звали ни на какие состязания, кроме районных. Но как я ей завидовала! В

мечтах я видела себя олимпийской чемпионкой с золотой медалью на шее, слушала гимн Советского Союза, исполняемый в мою честь, и краем глаза следила за плачущей Верой, сидящей на зрительской трибуне. Но увы, бабушка категорически не желала отводить внучку в спортзал, мне приходилось таскаться в ненавистную музыкалку.

И как вы думаете, что сделала госпожа Васильева, когда ее дочери исполнилось пять лет? Правильно, я приволокла девочку к тренеру. Следующие три года я упорно возила малышку на тренировки. Когда Манюня перешла в четвертый класс, передо мной встал выбор: переводить ее в спортивную школу или оставить в обычной? Честно признаюсь, я была на грани радикального решения, но тут взбунтовался Аркадий и отбил сестру от профессионального спорта. В десятом классе Маша призналась:

- Мам, я ненавидела гимнастику и мечтала ходить на занятия музыкой.
- Солнышко, почему ты не сказала мне о своих желаниях раньше? – пролепетала я.
- Не хотела тебя огорчать, – вздохнула дочь.

Видите, как получается, я решила не расстраивать бабушку и маялась с нотной тетрадью, а Манюня боялась огорчить меня и мучилась в спортзале.

Но не все дети таковы. У Нади подросла весьма резкая Лариса. Несмотря на все уговоры, угрозы и родительский шантаж с припевом «Если ко мне не прислушаешься, я заработаю инфаркт», Лара пошла в художественное училище.

Надежда была в шоке, разве это нормальная специальность – малевать картины? Первый год, когда дочь убежала на занятия, Надя рыдала, но потом успокоилась. Обрести душевное равновесие ей помог мужчина, торговавший у метро пейзажами. Из простого любопытства Надя поинтересовалась, какую цену живописец хочет за свои картины, а потом пожаловалась ему на непутевую Лариску.

– Успокойся, – усмехнулся художник, – возможностей много, рисовальщики везде нужны. Не получится свои работы пристроить, пойдет на службу в журнал или издательство, начнет заказы брать. Сейчас модно иметь дома полотна якобы великих, богатые хорошо платят за копии пейзажей и натюрмортов.

Надя успокоилась, помирилась с Ларисой и стала ждать, когда дочь получит диплом. Но, заимев «корочку», Лара вновь пошла своим путем, она не собиралась устраиваться на службу с постоянным окладом, малевала жуткие композиции, от которых Надежду пробирала дрожь, связалась с какими-то странными людьми, выкрасила волосы в черный цвет, повязала на лоб синюю ленту, унижала пальцы кольцами с черепами и часами болтала по телефону, употребляя слова, смысл которых Надежда не понимала. Фрустрация, доминанта, эго, комплекс Эдипа... Никакой пользы от Лары не было, она по-прежнему сидела на шее у матери, таскала у нее из кошелька рубли, опустошала полки в холодильнике, ни разу не заработав на бутылку кефира. Надежде хотелось заявить наглой дочери: «Как тебе не стыдно сидеть у пенсионерки на горбу! У меня крохотное социальное пособие, я подрабатываю торговлей газетами. Не пора ли тебе начать заботиться о маме?»

Но духу на подобный разговор не хватало.

Три года назад Лариса привела домой парня и сказала Наде:

– Знакомься, это Толя, он будет жить с нами.

Надежда окинула юношу скептическим взглядом и не сдержала возгласа:

– Никогда его на порог не пущу!

Анатолий тряхнул длинными волосами, поправил многочисленные бусы, болтавшиеся на груди, подхватил пальцами, ногти которых были выкрашены в черный цвет, тощую сумку и без всякой агрессии сказал:

– Ладно, пока.

Лариса кинулась за ним:

– Стой!

– Извини, – не согласился гость, – твоя мама против меня.

– Я с тобой, – всхлипнула Лариса, повернулась к Наде и прошипела: – Прощай!

Мать посчитала выходку Лары очередным капризом и не очень разволновалась. Дочь и раньше исчезала на две-три недели, ездила с приятелями на рок-концерты, гуляла в Питере, Ростове, Нижнем Новгороде. Надежда знала: раз Лариса не показывается, у нее все хорошо, если у дочери закончатся деньги или она заболит, мигом примчится к маме. Но на этот раз все было иначе.

Лара испарилась на несколько лет, появилась лишь на днях безо всякого предупреждения, просто позвонила в дверь. Надя открыла, увидела на пороге молодую женщину в симпатичной шубке из кролика, мужчину в дубленке, мальчика в пуховике и спросила:

– Вам кого?

- Здорово, – засмеялась незнакомка и сняла шапочку, – родную дочь не узнала.
- Лара, – ахнула Надя, – входи.
- Анатолия снова не приглашаешь? – тут же полезла в бутылку Лариса.

Мать подавила раздражение, ее кровиночка основательно изменилась внешне, осветлила волосы, перестала мазаться темно-бордовой помадой и черными тенями, сняла отвратительные кольца-черепа, но осталась капризной дитятей.

- Он мой муж! – гордо объявила Лара. – Или вместе входим, или до свидос.

Надежда наступила на горло собственной обиде, решила не конфликтовать с дочерью, худой мир лучше доброй ссоры, поэтому она фальшиво улыбнулась:

- Я очень рада, чаю попьете?
- И ночевать останемся, – ответила дочь.

Муж и жена сняли верхнюю одежду, мальчик стоял в углу, опустив голову.

- Как тебя зовут? – решила наладить с ним контакт Надя.

Но он закрыл лицо руками.

- Ему плохо? – испугалась Надя.

– Забей, – отмахнулась Лара, – не обращай внимания. Олег нелюдимый. Постоит здесь и придет в комнату.

- Ага, – растерялась Надя и повела незваных гостей на кухню.

После порции макарон и куска вафельного торта с чаем Лариса расслабилась и рассказала, что они с Анатолием жили в Екатеринбурге. Там у них хорошая квартира, машина, дача. На днях Толе предложили работу в Москве, но прежде чем соглашаться, они хотят посмотреть апартаменты, которые для них решил снять начальник.

У Нади отлегло на душе. Слава богу, Лариса перебесилась, забыла сомнительные компании, и Анатолий оказался не столь ужасен, он стал вполне приятным мужчиной, улыбается, хвалит ее печенье.

– Сейчас поедem посмотреть дом, – изложила план действий Лара, – Олега оставим здесь, незачем его с собой таскать.

- А мальчик откуда? – рискнула спросить Надя.

- Ну, начинается! – закатила глаза Лариса. – Здравствуй, семейное счастье.

– Лара! – с укоризной остановил жену Анатолий. – Ясное дело, мама должна знать правду. Олег мой сын от первого брака, к сожалению, у него проблемы с общением, но мальчик он тихий.

– Если сунуть дураку бумагу и краски, он с места не сдвинется, – пояснила Лара, – дашь ему поесть, мы скоро вернемся.

- Олег с вами постоянно живет? – проявила любопытство Надя.

- О господи! – состроила мину Лара. – Так и чувствовала, что мать потребует анализ на глисты.

– Лариса! – прикрикнул на нее Толя. – Не смей хамить маме, не она к нам, а мы к ней без приглашения ввалились.

Надя испытала к зятю теплое чувство, а он продолжал:

– Олег после нашего развода с супругой остался с матерью, но Катю положили в больницу, ничего особенного, аппендицит, пришлось сына в Москву взять. Мальчик упрямый, неконтактный, но не шепутной, Лариса права, если он сядет рисовать – его от этого занятия не оторвешь. Приглядите за ним недолго?

- Ну конечно! – с облегчением воскликнула теща. – Можете не волноваться. Куда поедете?

- В центр, – обтекаемо сказала Лариса.

Надя посмотрела на часы:

- Эх, жаль, на автобус опоздали, следующий только в пять будет.

Супруги переглянулись.

- Мама, у нас машина, – сообщила Лариса.

- Скажи пожалуйста, – покачала головой пенсионерка, – наверное, много зарабатываете?

- Не жалуемся, – с достоинством подтвердил Толя.

- Мы миллионеры, – похвасталась Лариса.

Когда дочь с мужем уехали, Надя попыталась побеседовать с мальчиком, но тот по-прежнему безучастно стоял в углу и не желал разговаривать. В конце концов она вспомнила о любви Олега к рисованию и показала ему листок бумаги с карандашом.

- Хочешь?

Олег моментально направился в комнату.

- Эй, – остановила его хозяйка, – сначала сними куртку, ботинки и вымой руки.

Олег неожиданно послушался, устроил верхнюю одежду на крючок, обувь на коврик и долго мыл в

ванной руки. Но когда Надя протянула мальчику полотенце, тот в ужасе отшатнулся.

– Синий.

– Что? – не поняла Надя.

– Синий, – повторил Олег, – синий, синий!

Только сейчас до хозяйки дошло, что у ребенка не просто проблемы с общением, он сумасшедший. Разве станет нормальный человек так себя вести.

– Синий, синий, – монотонно твердил Олег, трясясь.

– Тебе не нравится цвет, – сообразила Надя.

– Синий, синий, синий, – побледнел паренек.

Надежда вынула из шкафчика розовое полотенце:

– На.

Олег осторожно пощупал махровую ткань, помял ее в руках, бросил на пол, схватил лист бумаги и карандаш и ринулся в комнату. Надя пошла за ним, решив, что как только вернется Анатолий, она откажется в дальнейшем оставаться с его безумным сыном.

Около полуночи Надя занервничала. Справедливости ради надо отметить, что Олег ей хлопот не доставлял, сидел на одном месте, ничего не просил, не капризничал, рисовал с упоением, от еды отказывался. Но куда подевались Лариса и Анатолий?

Ночь Надя провела без сна, а около десяти утра ей позвонила женщина и представилась сотрудницей ГАИ. Без всякого волнения, так, словно она предупреждала о необходимости пригнать машину на техосмотр, инспектор спросила:

– Лариса Григорьевна Безуглая и Анатолий Михайлович Калинин, прописанные в поселке «Медтехника», дом номер четыре, квартира девять, кем вам приходится?

– Лара моя дочь, – испугалась Надя, – а мужчина – зять.

– Подъезжайте в наш райотдел, в Водопьяново, к Зинаиде Волковой, – отчеканила гаишница, – ваши родственники вчера попали в аварию.

Надя заметалась по квартире. Сначала она попыталась уговорить Олега бросить рисовать и одеться, но мальчик даже не пошевелился. Просить о помощи соседней Надежда не хотела, она понимала, какие слухи понесутся по поселку: до сих пор в «Медтехнике» сумасшедших детей не было. В конце концов она приняла соломоново решение: тщательно заперла все окна, перекрыла стояки с водой, газ и, заперев входную дверь, помчалась в Водопьяново.

Инспектор Волкова вывалила на ошарашенную Надежду ворох невероятных сведений. Бедная пенсионерка не знала, что ее больше огорчило: то, что Лариса и Анатолий разбились на машине и лежат в тяжелом состоянии в реанимации, или то, что виденный два раза в жизни мужик оказался прописанным по всем правилам в ее двушке? Никаких сведений о бывшей жене и сыне в паспорте Калинина не обнаружилось.

Вернувшись домой и увидев Олега на том же месте у стола, Надежда перевела дух и попыталась трезво оценить ситуацию. Дочь соврала ей про Екатеринбург, Лариса все это время жила где-то в Москве, оставалось лишь недоумевать, зачем она внезапно вернулась в отчий дом. Отношения Лары и Нади были непростыми, особой любви в них не было, мать не доверяла дочери, которая частенько ее обманывала, не помогала ей и вообще жила как хотела. Конечно, Надежда расстроилась, услышав про аварию, но переживала она в основном за себя. Сначала Надя испугалась, что ей придется платить за лечение, потом съездила в клинику и вздохнула с облегчением. Врачи были внимательны, медсестры приветливы, лекарств хватало, никто счетов ей не выставлял. Надежда на всякий случай предупредила, что не сможет ухаживать за дочерью, но ее заверили, что этого не требуется. Не успела она успокоиться, как ей в голову пришла новая мысль. А куда вернуться из больницы Лариса и ее, прости господи, муж? Конечно, приедут по месту прописки, поселятся в двушке, и мирная жизнь Нади накроется медным тазом. Но не успела она ужаснуться наметившейся перспективе, как на ум пришло новое соображение. А что делать с сумасшедшим мальчиком?

Надя осеклась и посмотрела на меня:

– И зачем я вам все это рассказываю?

– Человеку надо выговориться, – сказала я, – проще поделиться с незнакомкой, которая посочувствует и исчезнет навсегда, чем с близкой подругой, та потом постоянно будет вспоминать о твоей откровенности, замучает советами и расспросами. Думаю, вам надо найти мать Олега и вернуть ей сына. Анатолий сообщил какие-нибудь сведения о бывшей жене?

Хозяйка покачала головой.

– Нет, ни имени не назвал, ни фамилии.

– Можно предположить, что она Калинина, – пробормотала я, – но это неполная информация, вероятно, следует обратиться в милицию.

Надежда пошла к буфету, открыла дверцу, достала пузырек с валокордином и начала капать пахучее лекарство в рюмку.

– Синий, синий, синий, – заволновался Олег, отбрасывая карандаш.

– Да ходила я в отделение, – всхлипнула пенсионерка, – вытурили меня оттуда, сказали: «Дело семейное, мы в такие не впутываемся. Зять поправится – у него и спрашивайте».

– Синий, синий, синий, – твердил подросток.

– Ну и как с ним договориться? – кивнула на Олега Надя. – Ларка и мужик в плохом состоянии, а если они помрут? Мне с этим оставаться?

– У мальчика есть документы? – поинтересовалась я.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – вдруг сказал Олег.

– Молчи, идиот, – топнула ногой Надя, – кретин безмозглый!

– Синий, синий, – раскачивался из стороны в сторону подросток, – синий...

– Кажется, я поняла, – осенило меня, – синий – это что-то неприятное. Олегу не понравился запах валокордина.

– Синий, синий, – ныл мальчик.

– Он нас понимает, – обрадовалась я, – можем попробовать договориться. Олежек, хочешь пообедать?

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – сказал подросток.

– Договорилась, – фыркнула Надя, – какие с кретином беседы?

– Синий, синий, – задергался Олег.

– Прекратите его обзывать, – рассердилась я, – Олег активно участвует в разговоре, он обиделся.

– И ты в это веришь? – ухмыльнулась Надежда.

– Да, – решительно ответила я, – представьте, что на землю прилетели инопланетяне. Олег с Марса, он не владеет нашим языком, однако возможность завести диалог есть.

– Сомневаюсь, – возразила она.

– Стоит попробовать, – не успокаивалась я.

– Если уговоришь его поесть и помыться, буду очень тебе благодарна, – произнесла Надя.

– Попытаюсь, – кивнула я. – Олег, меня зовут Даша.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести.

– Олежек, я Даша.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести...

– Здорово получается, – ехидно заметила Надежда, когда эта фраза повторилась в десятый раз. – Тоже мне, переводчица с абракадабры. Ты ему свое имя, а он хрен чего в ответ.

Я подпрыгнула на стуле.

– Правильно! Его так зовут! Ну как я не сообразила раньше?

Хозяйка вскинула брови:

– Чего?

– Вы совершенно верно заметили. Как поступает воспитанный человек, завязывая знакомство? – спросила я.

– Не понимаю, – растерялась Надежда.

Я воодушевилась.

– Все очень просто. Если я скажу вам: «Добрый день, меня зовут Даша», – что вы ответите?

– Очень приятно, я Надежда Петровна, – откликнулась хозяйка.

– Верно, – обрадовалась я, – а теперь слушайте. Олежек, я Даша!

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – не переставая рисовать, сообщил мальчик.

– Вы попробуйте, – приказала я, – скажите ему свое имя.

– Олег, я Надежда Петровна, – устало произнесла старуха.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – ровным голосом повторил подросток.

– Хочешь сказать, что он так представляется? – поразились старуха.

– Точно, – кивнула я, – Олег нас понимает и вступает в контакт.

– С трудом могу себе представить родителей, которые указали в метрике ребенка набор цифр, – поежилась Надежда Петровна, – идиотов, конечно, на свете много, но есть же предел тупости.

– В документе у мальчика, очевидно, стоит Олег Анатольевич, – заявила я, – с большой долей вероятности, он Калинин, но мать могла дать ему и свою фамилию. Это, так сказать, на нашем языке, а в понимании ребенка он сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести.

– С ума сойти, – ахнула Надя.
Я решила ее игнорировать и вновь спросила подростка:
– Хочешь, я буду обращаться к тебе как к взрослому человеку – Олег Анатольевич Калинин?
Паренек внезапно закрыл лицо руками.
– Синий, синий, синий!
– Похоже, ему не нравится, – проявила интерес к моим экспериментам старуха.
Я заглянула мальчику в глаза.
– Не хочу тебя расстраивать, подскажи, как лучше к тебе обращаться?
– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – без задержки сообщил аутист.
– Отлично, – обрадовалась я, – тебя мама так называет?
Неожиданно мальчик отложил карандаш и сказал:
– Девять.
Я пришла в восторг.
– Девять! Очень красиво! Это мое любимое число! Девять!
– Красный, – вдруг прибавил новое слово Олег.
– С собакой и то быстрее договоришься, – вздохнула Надежда.
Мальчик вцепился в карандаш и, быстро водя им по бумаге, забубнил:
– Синий, синий, синий!
– Ишь, не нравится! – рассердилась Надежда Петровна.
– Да погодите вы, – отмахнулась я от нее. – Ответь, пожалуйста, Олег Анатольевич красный?
– Синий, синий, синий!
– А сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести кто?
Паренек положил голову на рисунок.
– Белый, – сдавленно произнес он.
– Может, красный? – осведомилась я. – Синий плохой, красный хороший, а ты замечательный мальчик, следовательно, красный.
– Белый, – не согласился подросток, – белый.
– А твой папа, он какого цвета? – я продолжила поиски в дремучем лесу.
– Синий, – затрясся Олег, – синий. Красный, красный.
– Вот и договорились, – каркнула Надежда, – отец у него такой плохой, что жуть какой хороший.
Я разозлилась:
– Вы хотите вернуть мальчика его матери?
– Конечно, – залопотала Надя, – зачем мне идиот в квартире?
– Тогда не мешайте, сидите тихо, – велела я, – у нас наметился прогресс. Девять, а что ты скажешь о своей маме?
– Красный, – выпалил Олег, – красный, красный!
– Мама замечательная, а папа порой плохой, порой хороший, – резюмировала я. – Попробую заехать с другой стороны. Где его вещи? – спросила я у старухи.
– Так все на нем, – пожал плечами Надя, – джинсы, рубашка и носки. Про белье ничего не скажу, он штанов не снимает, в брюках на диван ложился.
– При мальчике не было сумки?
– Нет, – замотала она головой.
Я встала и пошла в прихожую.
– Вот его пуховик, – пояснила идущая следом Надя, – шапка и ботинки.
Я внимательно изучила теплую куртку, она была новой, в карманах ничего не нашлось, и, самое интересное, с вещи срезали ярлык с указанием фирмы-изготовителя. Шапка и обувь тоже выглядели купленными вчера и не имели никаких опознавательных знаков. Единственное, что удалось выяснить, – размер ноги у Олега маленький, тридцать шестой, но если учесть, что он мальчик хрупкий, тонкокостный, то это не удивительно. Настораживало другое: зачем так старательно обезличивать гардероб?
Я еще раз осмотрела куртку и пришла к выводу, что ее купили на рынке. Вещь сшита не очень аккуратно, на замке молнии не было фирменного клейма, из подкладки лезли перья. Конечно, и в элитном бутике тоже можно нарваться на подделку, но все-таки столь откровенный самопал там покупателю не предложат. Похоже, близкие родственники решили сэкономить на инвалиде, обувь они ему приобрели из кожзаменителя.
– Синий, – раздалось за моей спиной.
Я обернулась, Олег стоял в коридоре.

- Синий, – опять сказал он.
- Куртка некрасивая, – согласилась я, – и ботинки плохие.
- Синий, – монотонно повторил подросток, потом подождал и осторожно сказал: – Красный.

Я проследила за его взглядом и, поняв, что он смотрит на мое короткое белое пальто с большими черными пуговицами, спросила:

- Тебе нравится, как я одета?
- Красный, – подтвердил Олег.

– Губа не дура, – отметила Надя, – я как тебя на пороге увидела, сразу сообразила – богатая женщина, небось много денег на себя тратишь. Не такой уж он кретин!

- Синий, – заявил Олег.

– Абсолютно с тобой согласна, – вздохнула я, – Надежда Петровна слишком резко выражается. Ты умный мальчик.

- Синий, – повторил подросток.

– Не сердись, девять, не обижайся, не все люди могут тебя правильно понять, – попыталась я подлизаться к тинейджеру, – но мне ясно – ты удивительный мальчик.

- Синий, – не меняясь в лице, возразил Олег.
- Контакт потерян, – хмыкнула Надежда Петровна.

И тут мальчик увидел в зеркале свое отражение. Лицо Олега исказилось.

- Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести? – прошептал он, отшатываясь от вешалки. – Девять?

– Девять, – подтвердила я, – правильно, ты смотришь на себя. Очень милый, даже красивый мальчик. Жаль только, что тебя постригли почти под ноль. Мне кажется, что будь твои волосы чуть подлиннее...

Подросток обхватил голову руками, сел на пол и начал бить себя кулаками по лицу, царапать макушку и плакать.

- Синий, синий, синий, – твердил он.
- Что это с ним? – попятилась Надежда. – Может, связать его и вызвать перевозку для психов?

И тут я совершила ошибку, подошла к Олегу, склонилась над ним, погладила по голове, хотела сказать, что он совсем не плохой, а очень даже хороший, но вдруг в мое лицо врезалось нечто тяжелое, потом свет померк.

Если вам на голову льет дождь, то трудно продолжать спать. Удивившись, что задремала в саду, я открыла глаза, села и моментально сообразила: на дворе зима, раскладушка с участка убрана до погожих дней в чулан, а надо мной с чашкой в руке стоит Надежда Петровна.

- Жива? – спросила она.
- Да, – прошептала я, трогая свое лицо, – наверное, под глазом синяк нальется.

– Я не останусь одна с психом, – затряслась старуха, – он опасный! Вон как тебе наподдал! Надо его в сумасшедший дом сдать! Ночью подкрадется к моей постели и зарежет.

- Где мальчик? – опомнилась я.
- Там, – сердито мотнула головой Надежда, – у, басурман!

Я отвернулась, Олег лежал на полу, закрыв лицо руками.

– Девять, прости меня, я забыла, что ты не любишь прикосновений. Девять красивый, Даша синяя, – сказала я, – сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, извини, я не нарочно.

Олег сел, но ничего не ответил.

- Есть хочешь? – сменила я тему.
- Красный.
- Отлично! Что ты хочешь? – засуетилась я.
- Одиннадцать, – проявил дружелюбие мальчик.
- Не приведи господь такое несчастье в доме иметь, – перекрестилась хозяйка.

Я встала.

– Девять, извини, я тебя не поняла, вот такая я глупая. У меня по математике в школе были сплошные тройки, а следовало вклеить двойку, я даже таблицу умножения не выучила.

По лицу Олега скользнуло подобие улыбки.

- Трижды восемь?
- Тридцать шесть, – живо ответила я.

Подросток засмеялся.

- Двадцать четыре. Шестью шесть тридцать шесть.

– Теперь понимаешь, что на меня не надо дуться? – чуть не запрыгала я от радости. – Очень хочу тебе помочь, но из-за собственной тупости пока не могу. Пошли к холодильнику, покажешь нам любимую еду.

Олег быстро вскочил и резво пошел по коридору. Я последовала за ним. В просторную кухню мы вошли вместе, и я вздрогнула. На стене скалила зубы маска, страшная рожа из дерева. Такие сувениры туристы привозят из Африки. Олег, не обращая на нее внимания, остановился у стола.

– Так он идиот или нет? – в который раз задалась вопросом Надежда Петровна.

– Читайте мальчика эскимосом, – отмахнулась я. – Переводчика мы не нашли, вот и пытаемся договориться на пальцах.

– У нас на рынке стоит Сяо Мяо, – вздохнула Надежда, – не знаю, так ли его на самом деле зовут, все Сяо Мяо кличут, но только с продавцом даже поторговаться можно. Он ни бельмеса не знает по-русски, я ни слова по-китайски, а его понимаю. С Олегом все не так.

– Ладно, считайте, что он эскимос с Марса, у нас с ним нет ничего общего, – буркнула я и попросила: – Покажите Олегу содержимое холодильника.

Едва Надежда Петровна распахнула дверцу, как паренек указал на упаковку творога.

– Одиннадцать.

– Одна проблема решена! – возликовала я. – Дайте ему поесть.

Надежда помрачнела.

– Я живу на пенсию, считаю копейки, выкручиваюсь ужом из нищеты. Дорогие продукты позволяю себе редко, этот творожок беру раз в месяц!

Я сбегала в прихожую, достала из сумки деньги, протянула Наде и спросила:

– Этого хватит? Теперь можно угостить Олега?

– Не вопрос, – обрадовалась «щедрая» старуха, – пусть лакомится.

Я открыла упаковку и поставила ее на стол.

– Приятного аппетита.

– Одиннадцать, – произнес Олег, хватая ложку.

– Почему он так еду называет? – удивилась Надежда Петровна.

Я повертела в руках крышечку из фольги.

– Можно лишь догадываться. Хотя... раз, два, три... Понятно. Видите, тут нарисованы ягодки, их ровно одиннадцать. Для Олега очень важны цифры и цвета.

– Пить, – прозвучало от стола.

– Заговорил, – всплеснула руками старушка, – немедленно скажи телефон матери, иначе ничего не получишь! Ни чая, ни творога, и карандаш отниму!

– Синий! – выкрикнул Олег и нырнул под стол.

– Черт бы вас побрал! – рявкнула я. – Только портите все дело!

Надежда Петровна поджала губы.

– Зря ты ругаешься, мальчишка притворяется, дурит нам голову. Психи даже кирпичи едят, а он вкусное выбрал.

Дремучесть Надежды Петровны, ее эгоизм и полнейшее нежелание понять бедного мальчика были возмутительны, но какой смысл воспитывать пенсионерку?

Я вынула сотовый, набрала хорошо известный номер и сказала:

– Костик, сделай одолжение, проверь, не подавал ли кто заявление о пропаже мальчика примерно четырнадцати лет, он болен аутизмом.

– Моментик, – ответил приятель.

Вот за что я люблю Константина: в отличие от полковника Дегтярева, он не задает глупые вопросы типа «Зачем тебе эти сведения?» – а быстро выполняет просьбу.

– За какой срок искать? – деловито уточнил Костя.

Я решила подстраховаться:

– Две недели.

– Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни, – фальшиво замурлыкал Костик, – что день грядущий... Нет!

– В смысле, парня не ищут? – уточнила я.

– Аутиста нет, – вздохнул Константин, – есть восемнадцатилетний без ноги.

– Не наш, – отмела я этот вариант. – Хорошо. Теперь пробей по своему компьютеру Анатолия Михайловича Калинина.

– Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая, – обратился Костик к другой опере, – ласки их любим мы, хоть они ложны... Год рождения назови! Тут у меня несколько человек с такими данными. Одному семьдесят пять, другому десять, третьему вот-вот двадцать восемь стукнет.

– Последний, похоже, мой, – обрадовалась я.

– Так, слушай. Анатолий Михайлович Калинин, неработающий, проживает в поселке «Медтехника».

– Точно он! – заволновалась я. – Быстренько нарой данные на его жену, бывшую.

– О дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить, – завел партию князя Игоря Костя, – извини, парень оказался умнее меня. Он ни разу не ходил в загс.

– Не может быть! – изумилась я.

– Встречаются среди мужчин такие, кто понимает: хорошее дело браком не назовут, – хохотнул Константин, – Анатолий хомут на шею не вешал, молодец!

– А кем ему приходится Лариса Безуглая? – растерялась я.

– Джисус Крайс, суперстар, – завел культовую рок-оперу приятель, – судя по документам, никем.

– Проверь, где Калинин был прописан до квартиры в «Медтехнике», – с азартом спаниеля, бегущего за подстреленной уткой, потребовала я.

На этот раз в трубке повисло молчание, у Кости закончился запас арий.

– В общежитии художественного училища, – выдал наконец «певец», – он там аж семь лет гранит науки грыз. Надо же, не выгнали его.

– Копай глубже, – зашипела я, – найди его родителей.

– Нечего рыть, – не замедлил с ответом Костя, – отца у него нет, матери тоже, они умерли. Как сирота, Анатолий поступил в училище без конкурса.

– Дай его старый адрес!

– Ох, рано встает охрана! – вспомнил замечательный мультик компьютерщик. – Город Торжок. Калинин его покинул и решил штурмовать столицу.

– Как же парень оказался в поселке «Медтехника»? – воскликнула я.

– Вопрос не ко мне, – прочирикал Костя, – но могу высказать свое личное мнение. С тех пор как умные финикийцы придумали единое средство оплаты под названием деньги, любую проблему можно решить, пошелестев купюрами. Если тебе больше ничего не надо, то покедова. Счет за свои услуги вышлю по почте.

– У меня закончился кредит? – насторожилась я.

– Ага, – весело подтвердил хакер, – но я совершенно не волнуюсь, ты без меня никуда не денешься. Я посмотрела на онемевшую трубку.

– Что случилось? – занервничала Надежда Петровна.

– Две новости, одна, как водится, хорошая, другая плохая. С какой начать? – спросила я.

– Без разницы, – сказала хозяйка.

– Лариса официально не расписана с Анатолием, – решила я ее обрадовать.

Она начала мелко креститься.

– Слава богу.

– Но Калинин на самом деле прописан в вашей двушке, – вылила я в ложку меда бочку дегтя.

Безуглая заметалась по кухне.

– Это невозможно! Я ответственный квартиросъемщик, не разрешала подселение! Ужас! Катастрофа! Это моя жилплощадь, исключительно моя! Как такое могло произойти?

– Паспортистке могли дать взятку, – предположила я.

Надежда Петровна подскочила:

– Точно! Про Люську давно разное болтают. Ах она стерва! Шлюха подзаборная! Решила на мне заработать! Интересно, сколько ей отстегнули? Какова цена лишнего человека?

– Миллион, – ответил Олег.

Я повернулась к мальчику:

– Что, милый?

– Миллион, – повторил он, – сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, миллион.

– Хочешь сказать, что ты стоишь миллион? – уточнила я.

– Девять! Миллион, – обиделся подросток, – синий-синий. Красный нет. Синий миллион. Красный нет.

– Слушай, – вдруг осенило меня, – сколько тебе лет?

– Пятнадцать, – неожиданно разумно ответил мальчик.

– Не похоже что-то, – с сомнением отметила Надежда, – слишком он на вид маленький, щуплый, едва ли пятьдесят кило весит.

– Я тоже не могу похвастаться большими объемами, но давно перешагнула за двадцатилетний рубеж, – огрызнулась я, – толщина и рост не являются безусловными показателями возраста. Стойте!

– Что еще? – простонала Надежда.

– Если Анатолию двадцать восемь, то его сыну никак не может быть пятнадцать! – пробормотала я.

– Почему? – задала глупый вопрос хозяйка.

– В тринадцать лет мальчики отцами не становятся. Все истории про первую жену, попавшую в клинику, неправда. Лариса и Анатолий вас обманули, – огорошила я пенсионерку.

– А смысл? – ахнула Надежда Петровна.

Я развела руками.

– Где они взяли парня? – спросила она неизвестно у кого.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, миллион, – ответил Олег.

– У меня голова заболела, – объявила старуха, – давление, небось, вверх поскакало, надо померить.

Сделай одолжение, подай аппарат, он на подоконнике лежит.

Я подошла к окну, взяла небольшую темно-бордовую сумку и протянула ее хозяйке. Кряхтя и охая, Надежда вытащила тонометр, манжетик и собралась обернуть им руку.

– Синий! – закричал Олег с таким ужасом в голосе, что я похолодела. – Синий! Синий! Вж... вж... вж... Сто шестьдесят... сто десять...

Подросток сполз со стула и притаился за столом.

– А теперь что? – не поняла Надежда.

– Похоже, он испугался аппарата для измерения давления, – протянула я.

– Небось, его били, несчастное создание, – первый раз за долгое время пожалела она мальчика, – всего боится, от каждого шороха вздрагивает!

– Не уверена, – пробормотала я, – смотрите, у вас на стене висит маска, на мой взгляд, жуткая, с оскаленными зубами.

– Подруга с мужем ездили отдыхать в Африку, – нахмурилась Надежда, – привезли ее мне в подарок, пришлось на стене устроить. Сказали, такая рожа деньги в дом приманивает. Вот и люблюсь на сувенир, не снимаю, не хочу старую знакомую обижать, она от чистого сердца преподнесла, и думаю: вдруг про деньги правда. Но ты права, страхолюдская мордень, я сначала даже испугалась, но потом привыкла.

– Олег заходил раньше на кухню? – поспешила я с вопросом.

– Нет, только сегодня соизволил, – сказала Надежда.

– Маска бросается в глаза, – начала я размышлять вслух, – она выглядит пугающе, черная, глаза и зубы белые, по лбу и щекам нанесены желтые полосы. Мне стало не по себе, когда я увидела страшилище. Но Олег никак на нее не отреагировал, значит, он не очень пуглив. Чем же его напряг тонометр?

– Чем? – эхом повторила Надежда.

– Думаю, он связан с неприятным для мальчика человеком. Тот, кто обижал Олега, часто мерил давление, страдал гипертонией, гипотонией или каким-то сердечно-сосудистым недугом, – предположила я, – давайте уберем измерительный прибор.

– Не позавидуешь мне, – пожаловалась Надежда, – ни поесть, ни за здоровьем последить.

Олег выкарабкался из-под стола.

– Синий.

– Тебя обижала женщина? – спросила я.

– Красный.

– Значит, мужчина, – сделала я вывод.

– Синий, синий, миллион, – зачастил Олег.

– Молодец, – похвалила я мальчика, – теперь успокойся, он сюда не придет. Адреса не знает, и я никогда не дам тебя в обиду. Хочешь рисовать?

Олег выбежал из кухни, я опять взяла телефон.

– Есть хоть малейшая надежда понять, откуда он? – всхлинула Надежда Петровна. – Лариска сволочь! Бросила мать! Не писала! Не звонила! Потом приперлась с психом! И в аварию попала! Надо было заставить их придурка с собой взять. Вечно я из-за своего доброго сердца страдаю.

Я не слушала стонов старухи. Мне давно стало понятно, что бедного Олега нельзя оставить с бабкой, он здесь умрет. Наверное, настало время объяснить, откуда я так хорошо знакома с проблемой аутизма. Да, нам в институте преподавали краткий курс психологии, включавший лекции о людях с отклонениями, а еще, к сожалению, у одной из моих подруг, Лары Кудрявцевой, есть дочь Нина, талантливая поэтесса, не желающая ни с кем общаться. Думаю, Лара сейчас самый нужный мне человек.

– Где может обучаться рисованию мальчик-аутист?.. – повторила мой вопрос Кудрявцева. – Не так уж много в столице центров, в которых работают с такими детьми. Самым лучшим считается «Вита»,^[3] там замечательные врачи.

– Нина туда ходит? – уточнила я.

– Нет, – после некоторого колебания призналась Кудрявцева, – там очень дорого, нам с мамой это не по карману, а Леня снова женился, родил здорового мальчика и забыл нас.

– Понятно, – пробормотала я.

К сожалению, если в семье родился ребенок-инвалид, отец довольно быстро оформляет развод. Мужчины обычно считают жен виноватыми в появлении на свет нездорового потомства, они вступают в новый брак и не хотят иметь дела с бывшей семьей. Некоторые соглашаются платить алименты, другие, как Леня, упорно этого избегают, а у бедных мам не хватает ни сил, ни времени пристыдить бывшего мужа или подать на него в суд.

– «Вита» – шикарное место, – говорила Лара, – бассейн, психологи с университетским образованием, занятия по индивидуальным программам, рисование, лепка, спортивный зал, но отваливать за это надо тысячу евро в месяц.

– Ничего себе, – возмутилась я, – откуда у семей с больными ребятами такие деньги?

– «Вита» – коммерческое предприятие, – пояснила Кудрявцева, – и у богатых подчас рождаются особенные наследники. Моя Нина посещает муниципальный центр, у нас тоже неплохо, хотя ковров нет, тренажеры старые, но врачи потрясающие. Нинок делает успехи!

– Я не сомневаюсь, что твоя дочь умница, дай мне телефон вашего заведения и, если знаешь, номера всех мест, куда можно отвести на занятия подростка-аутиста, – попросила я.

– Как не знать, – вздохнула Лара, – я везде побывала, даже в «Виту» смогла Нину на три месяца пристроить, у них есть благотворительная программа, берут на небольшое время бедных детей на реабилитацию.

Получив полный список номеров, я начала обзвон с некоммерческих учреждений. Олег чисто одет, у него новая куртка, нестоптаные ботинки, незаношенные джинсы и рубашка. Но вещи недорогие, значит, родители не обладают большими средствами, и еще на мысль об ограниченных возможностях семьи наводила его прическа. Мальчика не постригли, а побрили машинкой, значит, не могли пригласить парикмахера. Причесать ребенка, не терпящего чужих прикосновений, обойдется вам очень дорого в прямом смысле этого слова. Я опрометчиво попыталась погладить Олега по голове и сейчас ощущаю, как опухает мой глаз.

В центрах, где пытались реабилитировать детей с проблемами развития, работали на редкость приветливые люди. Никто из отвечавших не нагрубил мне, не возмутился, наоборот, администраторы пытались изо всех сил помочь, но в конце концов ответ звучал одинаково:

– Мальчик пятнадцати лет, гениально копирующий картины? Нет, не знаем такого.

– Глупая идея, – скорчила гримасу Надежда, когда у меня остался только один непроверенный номер, – может, он дома сидит безвылазно?

– Кто-то же научил Олега пользоваться карандашом, он не выглядит истощенным и забитым, у него скорее всего заботливая мама, она явно должна водить сына в какой-то центр, – не сдалась я и позвонила в «Виту».

– Нет, – сказала женщина, представившаяся Алисой Сергеевной, – хотя давайте уточним, сколько ему лет?

– Он сказал пятнадцать, но думаю, меньше, – ощущая жуткую усталость, сказала я, – у подростка, похоже, пока не началось бурное половое развитие, он маленький, щуплый, как девочка.

– И хорошо он рисует?

– На моих глазах гениально скопировал картину Перова «Тройка», уменьшил ее до размера листа А-четыре. Может, вспомните кого-то, способного на такое?

– М-м-м, – протянула Алиса Сергеевна, – к нам ходит Роза Никитина, гениальная девочка, и мама у нее замечательная, самоотверженная, любящая. Роза обладает феноменальной зрительной памятью, один раз взглянет на картину и воспроизводит ее вплоть до мелких деталей. Девочка разносторонне одарена, в придачу к таланту живописца имеет математические способности. Но сейчас она отдыхает с отцом где-то за границей. Люся, мама Розочки, заболела, а отец у девочки богатый бизнесмен, он...

– Простите, – рискнула я прервать Алису Сергеевну, – мне нужен мальчик.

– Увы, таких нет, – расстроилась та.

– Спасибо, – поблагодарила я и пошла в комнату.

Олег неожиданно обнаружился около книжного шкафа. Мальчик держал в руках большой альбом с иллюстрациями.

– Вещь дорогая, – забеспокоилась пришедшая за мной старуха, – еще испачкает.

Я отмахнулась от жадной бабки, как от противно зудящей мухи, и сказала Олегу:

– Замечательное издание.

– Пять, – ответил мальчик, – сорок три.

Я посмотрела в раскрытую книгу.

– Верно, ты рассматриваешь сорок третью страницу, на ней помещен снимок щенков. Я люблю собак, а ты?

– Красный, – одобрил мальчик.

– Красный, – подхватила я.

Олег посмотрел на шкаф.

– Пятый.

Я проследила за его взглядом, увидела пустое место в ряду книг и воскликнула:

– Поняла! Ты взял пятую книгу с первой полки и открыл ее на сорок третьей странице.

– Конфета, – выпалил Олег.

– Нет у меня сладкого – дорогое оно, – выступила в своем духе Надежда.

– Он не хочет конфет, – тихо сказала я, – а хвалит меня за сообразительность.

Олег вернулся к столу, сел, стал быстро водить карандашом по бумаге и вдруг сказал:

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести. Девять.

Я глянула на шкаф. Черт возьми, неужели я наконец-то сообразила, о чем бедняга давно толковал? Я начала двигать книги.

– Эй, эй, – забеспокоилась Надежда Петровна, – не хватай тома! Что ты делаешь?

– Отсчитываю сто двадцать четвертую, – бросила я и вытащила... «Словарь имен и фамилий».

– На работе мне подарили, когда Лариска родилась, – пояснила старуха, – я литературу люблю, вон сколько книг насобирала, думала, дочери останутся.

Я открыла семьдесят восьмую страницу, глаза пробежали по тексту: «Роза. Мила, очаровательна, пользуется успехом у мужчин».

– Роза, – произнесла я, – Роза.

Олег положил карандаш.

– Семьдесят восемь.

Но я уже листала словарь дальше и быстро добралась до двухсотой страницы. «Фамилия Никитин является исконно русской».

Я чуть не выронила словарь. Роза Никитина.

Олег поднес руки к горлу, я вернулась к началу и на листе с цифрой девять прочитала:

– «Имена для девочек». Ты не Олег! Ты Роза Никитина! Девочка из центра «Вита»! Гениальная рисовальщица и математик. Господи, милая, солнышко, сколько же времени ты пыталась объяснить мне истину! Кто тебя побрил? Зачем?

– Миллион, – сказала Роза, – а вж... вж... вж... сто шестьдесят, сто десять, вж... вж... вж...

Я вцепилась в телефон и позвонила Алисе Сергеевне.

– Что? Что? – бестолково спрашивала Надежда. – Ничего не понимаю!

Через два часа в квартиру ворвалась дама в пальто с воротничком из норки.

– Я Анна Михайловна, бабушка Розы, – задыхаясь, произнесла она, – где девочка?

– Баба, – раздалось из коридора, – баба.

Анна Михайловна схватилась за сердце.

– Розочка! Кто тебя так изуродовал?

Девочка приблизилась к старушке.

– В вашем окружении есть человек, который страдает гипертонией, постоянно проверяет давление, оно у него стабильно держится на цифрах сто шестьдесят – сто десять? – спросила я.

– Отец Розы Игорь, – мигом ответила Анна Михайловна, – он развелся с Люсенькой через год после рождения Розочки. Игорь богатый человек, платит за обучение дочери. Люсенька заболела, попала в больницу, я сижу около нее, а Игорь согласился поддержать дочь у себя в доме, взял ее на месяц.

– Похоже, ваш зять решил избавиться от ребенка, – осторожно предположила я.

Анна Михайловна расплакалась.

– Он недавно женился, его супруга очень недовольна тем, что Игорь дает деньги для Розы, она нам звонила, требовала: «Прекратите вымогательство, девочке никогда не стать нормальной». Когда Люсенька заболела, я очень не хотела отдавать Розочку отцу, но выхода не было!

– Понимаю, – кивнула я, – ваш зять под влиянием новой супруги задумал убрать девочку.

Забегая вперед, скажу, что я оказалась права. Игорь Никитин нашел в Интернете объявление: «Решаем любые проблемы быстро», отправил имейл на указанный адрес. Так он вышел на Ларису и Анатолия, которые очень хотели заработать любым путем. Бизнесмен заплатил им миллион рублей и потребовал:

– Увезите Розу как можно дальше.

Чтобы сбить с толку тех, кто станет искать девочку, Игорь передел дочь в мальчика, побрил ей голову и посадил в машину к парочке. Анатолий с Ларисой обязались доставить несчастного ребенка в Екатеринбург и бросить там на улице. Шанс на то, что Роза сумеет объяснить, кто она, был, по мнению отца, равен нулю.

По счастью, из всех мерзавцев, промышлявших в Сети, Игорь выбрал Ларису и Анатолия. Горехудожники оказались предельно жадными, подлыми и глупыми. Увидев деньги, они пришли в восторг и решили отложить отъезд на несколько дней, парочке не терпелось потратить деньги, купить себе одежду, сходить в ресторан, повеселиться. Вот только осуществлению их планов мешала Роза. И Ларисе пришла в голову «гениальная» идея: отвезти несчастного ребенка к Надежде Петровне, оставить его у нее, а потом, оттянувшись по полной программе, укатить в Екатеринбург. Но в дело вмешалась авария. Шокирующую правду я узнала позднее.

А в тот день я предложила Анне Михайловне после того, как та перестала плакать:

– Давайте отвезу вас домой.

– Спасибо, я не одна, – пояснила бабушка Розы, – внизу в машине сидит мой брат.

Когда Никитины ушли, я попыталась вспомнить, зачем пришла к Надежде, и спросила:

– Вы давали объявление о продаже половины кошки в живом виде?

– Что? – заморгала старуха.

– Я прочитала в газете сообщение: «Продается половина кошки в живом виде».

– Где такое напечатали? – удивилась Надя.

Я вынула из сумки сложенный листок.

– Вот.

– Ерунда какая-то, – простонала она, – я диктовала текст по телефону: «Продается половина двушки в жилом виде». Мне умные люди посоветовали: часть жилплощади на рынок выставить, купить себе маленькую халупу, оставшуюся комнату сдавать и...

– Половина двушки в жилом виде, – перебила я Надежду, – а приемщица услышала про половину кошки в живом виде.

– Вот дура глухая! – в сердцах заявила хозяйка. – То-то никто, кроме тебя, не заинтересовался.

Я постаралась побыстрее избавиться от малоприятной бабки, вышла во двор и услышала:

– Даша!

Из серой «девятки», припаркованной у тротуара, вышла Анна Михайловна.

– Погодите секунду, – попросила она, – Роза отказывается ехать домой, она хочет вам что-то сказать.

Из салона следом за бабушкой появилась девочка, она приблизилась ко мне. В левой руке Роза держала свернутый в трубку листок, правую она вытянула перед собой и осторожно коснулась моего лица.

– Синий.

– Ерунда, – улыбнулась я, – ты меня не больно стукнула, это быстро пройдет.

Роза сделала шаг и уткнулась головой в мое плечо, я растерялась, а потом очень осторожно погладила девочку по спине.

– Красный, – бормотала она, – красный-красный! Огонь.

– Огонь, красный-красный, – повторила я. – Не стоит так меня хвалить, мы вместе очень старались, поэтому смогли договориться.

Роза выпрямилась и протянула мне лист.

– Спасибо, – ответила я, – большое-большое. Непременно приеду к тебе в гости.

Свернутый в трубку подарок я расправила лишь в Ложкино. В носу защипало, к горлу подкатил комок. Непостижимым образом Роза ухитрилась за короткий срок перенести на бумагу изображение щенят с фотографии из книги, стоявшей пятой на полке. Девочка и впрямь обладала феноменальной памятью и несомненным талантом, щенки выглядели как живые. Но копия все же слегка отличалась от оригинала: на карандашном наброске все собачата широко и радостно улыбались.

Марина Крамер

Источник жизни

«Вот черт, только я порадовалась, что все закончилось, как получите – вот оно»...

Тонкая рука с длинными ногтями смяла белый листок бумаги, испещренный мелкими неровными буквами, и бросила его на стол. Женщина задумчиво закурила, глядя в окно, еще раз щелкнула зажигалкой, но остановилась на полпути, так и не донеся ее до скорчившегося на столе листка.

«Ничего, я разберусь. В конце концов, если не смогу – расскажу ему сама. Сяду и все расскажу. Он взрослый, он поймет. И, надеюсь, простит»...

Раннее утро, по-зимнему серое и угнетающее именно отсутствием красок. В спальне на втором этаже небольшого особняка почти в самом центре Бристоля молодая черноволосая женщина открыла глаза и с тоской посмотрела в окно. Снова все то же, что и вчера, снова тот же пейзаж, та же серость, та же сырость. Вот уже несколько лет она никак не могла отделаться от ощущения, что в одно прекрасное утро откроет глаза – а за окном совершенно другой пейзаж, и нет никакой Англии, она – дома, в России...

Марина потянулась в постели и тут же поежилась – прохладно, промозгло. Машинально проведя рукой по второй половине кровати, она обнаружила отсутствие мужа и усмехнулась про себя: «Вот же настырный! Такая мразь на улице, а он бегаёт».

Выбираться из теплой постели не хотелось, но традиция провожать в школу сына не нарушалась, а потому Марина со вздохом откинула одеяло и ногой нашарила тапочки.

– Грегори, пора вставать! – крикнула она, высунув голову в приоткрытую дверь.

– Я уже встал, мамуля, – раздалось в ответ.

– Отлично! Я в душ – и идем завтракать.

После завтрака Марина Коваль проводила сына до школьного автобуса (вот уже полгода, как Грегори наотрез отказался ездить в школу на машине с матерью или отцом, мотивируя это тем, что большинство одноклассников добирается на автобусе и ему тоже хочется быть как все), перекинулась парой слов с мужем и направилась в кабинет. Открыв ноутбук, она с замиранием сердца посмотрела на значок почты – там мигал белый конверт. «Господи, ну наконец-то! Наконец-то!» Марина ждала этого письма вот уже неделю – как раз столько времени прошло с момента возвращения Мышки, ее подруги, с так называемой «исторической родины» Коваль. Такая традиция установилась несколько лет назад, когда Марина была вынуждена эмигрировать в Англию, бросив в родном городке свой бизнес, сомнительные связи и оставив дорогую сердцу могилу первого мужа. Мышка раз в год ездила туда, навещала кладбище, отвозила деньги сторожу, смотрела, чтобы все было в порядке, а потом подробно писала о поездке Марине. Мышкины письма скорее напоминали отрывки из книги, в них не было обращений, зато изобиловали воспоминаниями, но Марине это не мешало – чтение их давало ей иллюзию собственного присутствия там, дома, – потому что считать домом Англию она не привыкла даже с годами.

Всякий раз, получив письмо, Коваль долго не могла заставить себя открыть его – словно там содержалось что-то ужасное. Вот и сейчас она глубоко вздохнула, посидела пару минут с закрытыми глазами и только после этого нажала на мигающий конвертик в углу экрана.

«...Самолет взлетел. Наконец-то. Думала, так и умру от холода в аэропорту. Несколько часов лёта, потом еще машиной – и я на месте. Посплю, потом сразу на кладбище. Только бы мороза не было, иначе придется откладывать все и сидеть целый день с домработницей, обжираться ее изумительными вкусностями, которые она специально приготовит еще сегодня. Разговаривать, вспоминать и опять плакать. У меня там и так глаза все время на мокром месте, а уж в компании с этой милой женщиной – вообще беда. Но ведь ей больше не с кем вот так посидеть и поплакать – люди, которые в курсе этой истории, не могут себе позволить обсудить ее с ней, и остаюсь только я. И вот уже который раз я иду по сценарию, который знаю до запятых... Но не ехать тоже не могу. Я обещала».

Почему воспоминания так мучительны? Даже если это хорошие воспоминания? Почему картинки из прошлого так меня напрягают? Даже если это картинки, иллюстрирующие счастливые моменты? Израиль, например, или водохранилище, где мы отдыхали? Да много еще чего – мои приезды к ней, ее приезды ко мне, совместные поездки куда-то...

Не хочу вспоминать, не могу...

Слава богу, в N. не так холодно! А то среди ночи, да в машине, пусть даже это вполне комфортабельный «Мерседес», да по лесу... Но встретивший меня человек прекрасно знает, как я все время мерзну, поэтому на заднем сиденье покоятся термос с кофе, подушка и теплый плед.

– Вздремните, ехать долго, – эта фраза повторяется всякий раз, когда я приезжаю.

Я сплю почти до самого дома, хотя и выпила много кофе. Уже во дворе особняка, где мне предстоит провести четыре дня, я просыпаюсь. Вот тут действительно все поменялось... Хозяин – первый человек в небольшом городке – мог себе позволить эти изменения. Я очень не хотела останавливаться именно здесь, мне тут неуютно и неловко. Но Маринка настояла. Ладно, выживу как-нибудь».

Марина закрыла глаза, стараясь воскресить в памяти ту самую дорогу от аэропорта до своего бывшего дома – длинную трассу в лесном массиве, по которой она столько раз сама гоняла на «Хаммере» – и одна, и с Малышом – первым мужем, и с Хохлом – мужем нынешним, и с той же Мышкой, отчаянно боявшейся этих поездок. Легкое чувство вины холодком тронуло Марину изнутри, возле сердца, – она помнила, насколько не любят друг друга Мышка и Виола, потомственная ведьма, бывшая некогда самой близкой подружкой Марины. Но позволить Мышке остановиться в гостинице Коваль не могла, а потому и настояла, чтобы она жила у них. «Ничего, вернулась ведь, все в порядке – значит, не подрались», – отрешенно подумала она, закинув за голову руки.

В такой позе ее и застал Хохол. С годами он почти не изменился, разве что перестал брить наголо голову, носил короткий «ежик», кое-где уже поблескивавший сединой. Едва взглянув на закрытые глаза жены и на выражение ее лица, Женька сразу понял, в чем дело. Мышкины письма-дневники-отчеты всегда приводили жену в такое вот состояние прострации, они словно возвращали ее туда, на несколько лет назад, в то время, когда она была весьма известной в криминальном мире персоной и о ней постоянно ходили какие-то легенды – наполовину бредовые, наполовину правдивые.

– Мариш... Котенок, ну что ты? – Хохол опустил на колени перед креслом и взял жену за руки.

Марина встрепенулась, помотала головой, стряхивая оцепенение:

– А... это ты... зачиталась я, извини. Машка вернулась из N.

– Я так и понял. И чего она пишет?

– Ты садись, я вслух прочитаю.

«Мы с Геной едва пробрались к могилам, расчистили все, цветы положили. Белые розы – на одну могилу и желтые хризантемы – на другую. Последнее заставляет меня содрогнуться, я просто физически не могу сделать этого, зная, что там, под плитой, совершенно незнакомый мне человек. Гена кладет цветы сам, ему тоже нелегко, я это вижу по его сжатым губам и прищуренным глазам. Но он, мужчина, не может позволить себе сделать то, что могу я, а именно – сесть на лавку и порыдать.

– Простынешь, – бурчит он.

(Лишь здесь, на кладбище, он всегда переходит на «ты», но как только мы садимся в машину – все, он опять на «вы» и зовет меня по имени-отчеству).

– Не простыну.

– Вставай, я сказал!

Очень содержательная беседа, главное – эмоциональная. Но приходится подчиниться – Гена товарищ решительный и жесткий, он даже Маринку ухитрился построить, что уж обо мне говорить.

Кладбищенский сторож – все тот же, только уже совсем старенький, ему помогает внучка, здоровенная бабенка без возраста. На меня косится вопросительно, хотя Гену, кажется, знает. Сую деду деньги, он их даже не считает – трясушимися руками убирает в карман ватных брюк. Он знает, что денег я всегда привожу много, примерно десять-двенадцать его пенсий, поэтому никогда их не считает. Предлагает помянуть, но мы отказываемся.

– А я приму рюмочку, – кричат дед, мостясь на стул между окном и столом. – Хорошие люди были...

Меня подбрасывает от слова «были». «Был!» Был – Егор! А Маринка жива, жива! Черт, ну что такое, совсем нервы расшатались, пора бы привыкнуть уже, что все считают ее мертвой, а я не могу, не могу... Гена видит мое состояние, подталкивает к двери, а дед, выпив рюмку, пытается отчитаться:

– Ты, дочка, не сумлевайся, я доглядываю. Вот снег сойдет – все почищу, траву вырежу, мрамор весь отмою с Ленкой.

– Да я не сомневаюсь...

– Главное – доверие! – одобрительно кивает старик, довольный тем, что я не спрашиваю, куда и как он тратит деньги.

Да мне это и не нужно, мне главное – чтобы все в порядке было с могилами, чтобы убрано, вымыто. Наконец мы выбираемся из сторожки и идем к машине.

– Ген... а что, Племянник сюда не приезжает? – сей вопрос мучает меня постоянно, равнодушие этого... паразита меня просто убивает иной раз.

Вот и сейчас Гена молчит и только плечами пожимает. Все ясно...

Я порой Племянника ненавижу, у меня чешутся руки заехать к нему и дать по толстой наглой морде. Человек получил все, что имеет, только благодаря тому, что он родственник, а потом так быстро от всего отксерился. Конечно, я могу позволить себе приехать в бывший Маринкин дом, вызвать Племянника и высказать ему все, что я о нем думаю. Но – толку? Не поймет, я уверена, Маринка живет не в России, здесь ее считают мертвой, и за эти годы Племянник привык к мысли, что всего в своей жизни он добился сам. Да пошел ты...»

В этом месте Хохол закатился злым смехом:

– Эх, Мышка – красавица! Знала бы она, сколько раз у меня возникало желание поехать и вогнать этого... твоего... племянничка в асфальт по самые колени! За то, что он...

– Хватит! – перебила его Марина. – Я запретила тебе обсуждать эту тему со мной. Хочешь поупражняться в злословии – позвони Мышке, с ней обсудишь. А мне он родственник.

«Вот противная баба! – с досадой подумал умолкший Хохол. – Как отрезала – запретила трогать зарвавшегося гаденыша. А ведь легко можно было его наказать, чтоб ему неповадно было. Расплылся, слизняк, подстелился под ментов, вот же урод».

Тема предательства единственного Мариного племянника Николая до сих пор была для Хохла острой, он никак не желал простить парню его поступка, не мог забыть, как тот запросто полил грязью свою считавшуюся мертвой тетку. Но Коваль категорически запретила мужу даже в мыслях строить планы мести, и послушаться Хохол, как всегда, не посмел.

Мышка же никогда не стеснялась в выражениях и свою откровенную неприязнь к Николаю выражала открыто, за что Хохол безмерно ее уважал.

– Ладно, хорош про упыря этого. Что дальше-то? – примирительно спросил он, и Марина продолжила чтение.

«Голова трещит... и не с похмелья, как могло бы показаться, нет – до пяти утра просто мы разговаривали. У Даши выходной, который она решила провести со мной, и начали мы прямо с вечера. Впервые, она меня вчера истязала едой. Это ужас какой-то... Она готовит так, что не есть невозможно, а есть – нет сил. Пирожки с мясом, салат из креветок, пицца с итальянской колбасой и помидорами, куриный бульон к пирожкам, ватрушки с творогом... и это еще не все! Это только то, что в меня запихнули. Когда я уже не могла шевелиться и дышала через раз, добрая женщина предложила... чайку с булочками! АААААА! С трудом поднявшись на второй этаж, я падаю на кровать и лежу, боясь двинуть даже пальцем, минут тридцать. Даша за это время успеваешь убрать в кухне, перемыть посуду и составить в холодильник то, что приготовила на завтрашний день (а этого целая прорва...).

Поднимается ко мне... с чаем и плетенкой с булочками! Видит мое несчастное лицо и улыбается:

– Не волнуйтесь, сейчас есть не заставлю. Съешьте потом, попозже.

Мы разговариваем обо всем, Даша жадно слушает мои рассказы об отдыхе в Турции, о том, что сказал-сделал Егорка, как и где мы были с Маринкой, как дела у Женьки... Я боюсь только одного – чтобы она не начала плакать, тогда я тоже разревусь. Но Даша держится, хотя глаза у нее уже покраснели и опасно блестят.

– Даша, я вас прошу...

– Нет-нет, Мария Васильевна, не буду...

Меня убивает обращение по имени-отчеству, я настолько моложе ее, что могла бы быть ее дочерью. Но Даша непреклонна – как бы я ни просила, бесполезно – все остается по-прежнему. Она говорит, что привыкла звать по имени-отчеству Марину, вот и меня так зовет.

Мы долго сидим с ней, уже темно, в доме все легли спать, а мы все разговариваем, вспоминаем... У нас много общих воспоминаний, много общих знакомых, есть о чем говорить... Она уходит в пять, когда вот-вот начнет светать. Мне-то не привыкать, с моей-то бессонницей и любовью работать ночью. Завтра – вернее, сегодня уже – мы договорились поехать в город, побывать там, где любили бывать с Мариной. Гена согласился нас покатавать, а его новый хозяин не возражал.

Честно – может, это и свинство с моей стороны, но я не люблю бывать в их доме. С хозяйкой у нас взаимная нелюбовь. Виола бешено ревнует меня к Марине, раздражается всякий раз, едва слышит от меня ее

имя. Я же злюсь, ощущая ее ревность. Кроме того, я постоянно чувствую на себе ее пристальный взгляд, голубые прозрачные глаза Виолы пронзают меня насквозь, как рентген. Я боюсь ее взглядов – она ведьма. Ну, может, не ведьма – ясновидящая. Все равно неприятно. Мне постоянно кажется, что Виола пытается как-то воздействовать на меня, покопаться в моих мыслях. А уж это она умеет...

Полдня провела у Даши, в ее квартирке в городе – погулять не вышло, погода отвратная. Гена забрал меня в обед и увез в поселок. Я улеглась в своей комнате и подремала почти до вечера.

Разбудил меня звук работающего пылесоса. Я осторожно выбираюсь из-под пледа и иду вниз, в гостиную. Господин Хозяин отсутствует, Виола в кресле отрешенно курит сигару и невидящими глазами смотрит в экран выключенного телевизора. Я сажусь рядом и чувствую, что жутко хочу курить, хотя бросила уже давно. Пока я раздумываю над своим невесть откуда взявшимся желанием, перед моим лицом возникает сигарка и зажигалка:

– На, покури.

Я вздрагиваю – ничего вслух не говорила, я вообще практически всегда контролирую себя и мысли вслух не произношу. Виола смотрит своими ледяными глазами:

– Никак не привыкнешь? Вот и я устаю иной раз. От ваших мыслей так фигово порой! Я ничего не хочу знать, а вы все думаете, думаете! Кури, это не сигареты. Только не затягивайся.

С сигарами я знакома, как их курят, знаю прекрасно. Но именно эта «Гавана» не доставляет мне никакого удовольствия, только резь в глазах.

– А все потому, что на самом деле тебя мучает чувство вины, – изрекает Виола, и я опять вздрагиваю. – Ты куришь изредка, причем только сигары, но тебя это угнетает – ты хочешь бросить совсем. Не волнуйся, скоро бросишь.

У меня возникает острое желание зажать уши и не слушать ее. А еще лучше – заодно и не видеть. Вот бывает же – внешне человек такой весь пушистый, белый, красивый – фарфоровая кукла. Но внутри... И взгляд... вот самое ужасное – ее пронзительный холодный взгляд. Мне кажется, что когда Виола смотрит на птиц, они замертво падают. И был только один человек, который мог переглядеть ее, заставить отвести взгляд. Марина. Говорят, Виола не рисковала копаться в ее голове, хотя очень хотела. Зато со мной она здорово экспериментирует. Она, кстати, очень четко определила человека, сделавшего мне подарок. Так и сказала: «А серьги-то тебе Хохол подарил». Причем не спросила – сказала утвердительно. Меня это бесит и пугает».

– Вот чертова баба, – с досадой бросил Хохол, который не любил Маринину подругу Ветку и был рад тому, что вот уже несколько лет они совсем не общаются.

Коваль только плечами пожала:

– Ну, забыла Ветка, что я просила ее никогда не лезть в голову Машке.

– Мариш, да не в том дело. Она просто не понимает, почему у вас с ней теперь все так, и винит в этом Мышку.

– Психолог, – усмехнулась жена, потрепав его по волосам.

– Чего – психолог? Тут много ума и образования-то не надо.

– Понимаешь, Женька... Я ведь на самом деле очень испугалась тогда, помнишь, когда Машку ашотовские бойцы прихватили? Я ни секунды не сомневалась бы, если б они выдвинули условия, – я на все пошла б. Очень страшно терять человека, с которым настолько близка.

– Тебе терять страшно всех, кроме меня, – буркнул Хохол.

Марина даже бровью не повела – муж всегда был склонен к таким заявлениям, и никакие слова и действия Марины не убеждали его в обратном. С годами она научилась пропускать подобные тирады мимо ушей.

Коваль давно не питала иллюзий по поводу своего мужа – да и вообще никогда не была склонна идеализировать его, но ее всегда удивлял тот факт, что Хохол настолько неуверен в себе. Уже давно она не давала ему ни единого повода усомниться в собственной верности. Но Женька все равно продолжал бешено ревновать ее и подозревать во всех смертных грехах.

– Ты закончил? – насмешливо поинтересовалась Марина у помрачневшего мужа. – Я так до вечера не дочитаю.

– Погоди, – настойчиво попросил Хохол. – Я вот не пойму – за что Мышка так Беса не любит? Вроде не за что... а она вон как о нем – «Господин Хозяин» – с презрением таким...

– Ты не забывай, что она знает о нем все – от меня. Ей известно, сколько раз Гришка забывал, что мы родственники, что Григори – сын его двоюродного брата, и именно этим меня цеплял.

Сказав это, Марина вдруг замкнулась, замолчала, устремив взгляд в окно. Григори был не ее сыном –

его родила другая женщина, родила от первого мужа Марины. Трагическая гибель его матери дала возможность Коваль забрать ребенка к себе, оформить документы и убедить всех, что мальчик – ее родной сын. Но были люди, знавшие правду, и самым опасным среди них был именно Гриша Бес, успешно прикрывший сейчас свой криминальный бизнес официальным постом мэра города. И поскольку Марина никогда не обольщалась по поводу порядочности своего родственника, она была уверена в том, что рано или поздно Гришка воспользуется этой информацией. Собственно, несколько дней назад она получила возможность убедиться в своей правоте. Именно от Беса получила она то самое письмо, что лежало сейчас в сейфе.

Коваль потрясла головой, стряхивая оцепенение, и вернулась к чтению, старательно избегая встречаться взглядом с напряженно наблюдавшим за ней Хохлом.

«Утро начинается с недовольного лица Виолы. Я сталкиваюсь с ней по дороге в кухню, и она мечет в меня недобрый взгляд.

– Доброе утро, Вета.

– Тебе честно сказать или притвориться? – интересуется она, накручивая на палец вытянутую из прически кудряшку.

– Если тебе станет от этого легче, то через двенадцать часов я улетаю.

– А дело не в том. Живи, сколько надо. Мне нужно с тобой поговорить, если ты не возражаешь.

Возражаю. Я не могу оставаться с ней в замкнутом пространстве, и, кроме того, мы все-таки с Геной решили прокатиться по городу, сделать пару фотографий и отослать их Марине. Но выбора у меня, похоже, нет.

Мы молча завтракаем, и даже Даша чувствует, как в кухне все наполняется напряжением, воздух прямо на глазах пропитывается тревогой и подозрительностью. Я мучительно пытаюсь ни о чем не думать, чтобы Виола не копалась в моей голове. Наконец завтрак окончен, Виола встает и просит Дашу отнести джезву с кофе и две чашки в кабинет, кивает мне. Обреченно плетусь следом.

В кабинете Господина Хозяина бардак. Не понимаю, как можно работать в такой свинарне? Интересно, а на работе у него тоже так или там секретари убирают?

Виола усаживается в его кресло, я оказываюсь аккурат напротив нее. Она наливает кофе, достает сигары. Курить очень хочется, откуда такая тяга в эти дни, сама не понимаю. Сигареты «не идут» – вчера пробовала с Геной, чуть наизнанку не вывернула.

Меня всегда удивляла привычка Виолы курить именно сигары – нормальные, толстые «Гаваны» дома и тоненькие «женские» в публичных местах. Я никогда не видела ее с сигаретой. Маринка всегда курила тонкие сигареты – «Вог», «Вирджинию», «Давыдофф». Виола же не расстается с обрезалкой и сигарами. Хохла это всегда бесило, насколько я помню. «Такое ощущение, что она откусила негру причинное место», – его коронная фраза.

– Хохол урод и быдло уголовное, и даже то, что он женат на Маринке, его не делает лучше, – констатирует Виола.

Та-ак, опять я зазевалась...

– Я хотела у тебя спросить вот что... Как ты думаешь, Маринка вернется? В смысле – сюда, домой, вернется?

Я не думаю – я точно знаю, что этого никогда не будет. Мы обсуждали эту тему в Турции летом, Маринка плакала и жаловалась на забугорную жизнь и на то, что путь домой отрезан навсегда благодаря во многом Хохлу.

– Нет, они никогда не вернуться.

Виола выпускает облако дыма, задумчиво смотрит вверх моей головы.

– Знаешь, за что я тебя терпеть не могу?

Мне абсолютно все равно, я уже решила для себя, что в следующий раз остановлюсь не у нее, а у Даши, в городе, в ее маленькой квартирке с видом на набережную. Так что Виолины излияния мне до лампочки, если честно. Но ей надо выговориться, я это вижу.

– Ты появилась, и наши отношения с Маринкой пошли на спад. Она почему-то стала доверять тебе больше, чем мне.

А что тут удивительного? Маринка живет по самурайскому кодексу, согласно которому спасший обязан спасенному (могу, конечно, соврать, но, кажется, она так говорила). И потом – я никогда не лезла к ее мужикам, ни к кому из них. В отличие от Веточки. Я знаю, что Маринке было ровно, если, конечно, это не касалось Малышева, а вот связь с Хохлом ее абсолютно не беспокоила, и если сам он этого стыдится, то Маринка всегда хохочет и подначивает мужа. И есть еще кое-что... Я не ищу выгоды от дружбы с ней. Мне

это не нужно. И не потому, что я такая хорошая, – нет, просто у нас совсем другие отношения. Я никогда не попрошу денег, а она не предложит, зная, что обидит меня этим. Вот и весь секрет, собственно.

– Как ты ухитрилась так быстро влезть к ней в душу, к ней, которая вообще никогда с женщинами отношений не поддерживала? Я была ее единственной подругой!

О, ну вот, в вас и заговорила ревность, Виола Викторовна! Еще бы!

– Вет... ну к чему эти разборки, а? Что нам делить? У вас с ней – одно, у нас – другое. Не бывает одинаковых отношений ни в любви, ни в дружбе. Ведь так?

– Так, – кивает со вздохом Ветка. – Кофе еще будешь?

– Давай...

Глаза уже режет от дыма, но я получаю удовольствие от запаха кофе, смешанного с сигарным ароматом.

– Хочешь, я тебе погадаю?

Мой взгляд, видимо, сказал ей все, и Виола смеется:

– Ну и правильно. Я сама не люблю тех, кто пытается заглянуть в свое будущее. Все равно ведь ничего не поправишь, так какой смысл?

Н-да, и это говорит человек, регулярно «посещающий» чужие головы с целью узнать, что там творится! Смешно, однако...»

Дочитав фразу, Коваль фыркнула. Но ее смехок относился вовсе не к мыслям Маши о Ветке, а к ее словам о «Господине Хозяине». Успешно завоевавший кресло мэра города Бес, по всей видимости, не терял времени даром и развернулся на полную катушку. Марина не сомневалась в том, что родственничек использует свое нынешнее положение на всю мощь. Воспоминания о Гришке сразу вернули ее на грешную землю – буквально неделю назад к ней явился человек с тем самым письмом от дорогого Григория, где содержалась скромная просьба – дать ему взаймы круглую сумму. Сперва это письмо позабавило Марину – ну, Бес в своем репертуаре – имея возможность залезть в городской бюджет, старается соблюсти приличия, а потому пошел по проторенному пути – основательно потрясти жену брата, что он пытался сделать не раз и не два, но почти всегда безрезультатно. Благо, в руках у Гришки всегда есть пара козырей, какой-нибудь компромат на Марину или что-то еще по мелочи. И все бы ничего, если бы не приписка мелким почерком: «А то придется огорчить твоего сына, хоть мне это глубоко противно, ибо племянник он мне». Именно эта фраза вывела Коваль из себя. Родственничек пустил в ход тяжелую артиллерию. Только Бес мог позволить себе шантажировать ее этим знанием. Хохол всегда предупреждал ее о том, что, усыновив мальчика, она приобретает дополнительный мощный рычаг воздействия на себя – ибо чем же еще шантажировать женщину, как ни единственным сыном, но позволить ребенку своего любимого мужа Егора Мальшева пойти по детдомам Марина не могла.

Разумеется, денег ей было не жаль, хотя она прекрасно понимала, что «взаймы» для Беса – просто красивое слово, не более. Однако его попытка приплести сюда Грегори – Егорку – решила дело не в пользу Гришки. Коваль собиралась раз и навсегда отучить зарвавшегося родственника от подобных фокусов, только пока не придумала как.

Хохлу, зная его взрывной характер, Марина не сказала ни слова о письме, решив справиться самостоятельно – так бывало не раз.

«В город мы все-таки с Геной съездили. Ветер немного стих, и мы погуляли везде, где хотели. Сколько всего тут связано с Маринкой! Столько мест, принадлежавших ей раньше, мест, что построил Мальшев, где происходило что-то знаменательное для нас...»

Нащелкала целую флешку фотографий. Хотя, если честно, не очень понимаю, зачем это нужно. Припадки мазохизма, не иначе. Но это не мое дело – попросили, я сделала.

С Виолой простились почти по-родственному, обнялись. Она даже слезу утерла».

Дальше шли приветы и краткое перечисление последних новостей от самой Маши. Коваль отодвинула от себя ноутбук и сжала пальцами переносицу. Хохол, сидевший в кресле напротив, обеспокоенно посмотрел на жену:

– Мариш, ну что ты?

– Я чувствую себя жуткой сволочью, Женька... Я заставляю человека бросить семью, ребенка, работу – и ехать к черту на рога ради моей прихоти.

– Ну, ты ведь знаешь, что Мышка не из тех, кто будет делать то, чего не хочет, – пожал плечами Хохол и потянулся к пачке сигарет.

– Знаю, но... Ты ведь понимаешь, что ею движет в данном случае, да? – она встала и нервно заходила

туда-сюда по комнате.

– Маринка, ты так и не научилась избавляться от чувства вины. Ну, выяснили ведь все, и Мышка, по сути, сама была виновна в том, что тогда случилось. Говорил ей сто раз – не выходи никуда одна, бери охрану. Специально к ней двух парней приставил – так ведь нет, поперлась, подставилась! Так что еще пусть спасибо скажет, что отделалась синяком и легким испугом.

Марина развернулась и уперла в Хохла свой «фирменный» взгляд из-под челки:

– Вот ты умный! Ты – умный, а я дура! Да просто счастье, что тогда все обошлось, что мы успели, а Ашот и его зверьки нагрузились герычем под завязку и мало что соображали! А если бы?.. И тогда – как мне жить? На мне и так слишком многое висит, и ты это знаешь не хуже моего!

Хохол затушил окурок в пепельнице, поймал Маринину руку и притянул жену к себе:

– Все, успокойся. Что ж мы постоянно ворошим прошлое-то? Ведь сейчас у нас все в порядке...

– В порядке, – эхом откликнулась Марина, думая о своем.

В данный момент ее занимал вопрос, как избавиться от угрозы разоблачения в глазах сына. Он еще маленький и может просто не принять такую новость – Коваль хорошо помнила, как Грегори нашел свое свидетельство о рождении на русском языке и из него узнал, что Хохол ему не родной отец. Марина вспоминала о том времени, как о сущем кошмаре – столько усилий ей пришлось приложить, чтобы побороть в мальчишке протест и попытку оттолкнуть Женьку от себя. И вот теперь – очередная угроза.

Конечно, у нее был соблазн переложить хотя бы часть ответственности на мужа, рассказать ему и попробовать вместе решить, что делать, но она привыкла полагаться в таких щекотливых вопросах только на себя, не доверяя никому, даже самому близкому человеку.

Однако она недооценила Хохла – как обычно, впрочем. Он все эти дни ждал, когда же она заговорит с ним о письме Беса, которое успел прочитать, – Марина забыла его на столе в кабинете, а Женька, забредший туда в поисках ее же пачки сигарет, нашел послание и, разумеется, прочел. Подозрительность Хохла в отношении жены всегда зашкаливала за все разумные пределы, а потому он не видел в своем поступке ничего неприличного и недостойного. Он мог, конечно, припереть Марину к стенке и заставить сказать правду, но решил выждать время и проверить, скажет ли она сама.

На самом деле Хохол уже принял кое-какие меры, хоть и опасался гнева жены, который непременно обрушится на его голову, – слишком хорошо он знал эту красивую женщину, чтобы обольщаться на ее счет, – но ему все-таки было важно, чтобы она сама, *сама* попросила совета или – что еще предпочтительнее – помощи. Но она молчала.

– Мариш, скоро у Грегори уроки закончатся, может, мы его встретим? – схитрил Хохол, и Марина, встрепенувшись, согласно кивнула:

– Да, пожалуй. Мы так давно не были нигде вдвоем.

– Тогда собирайся.

Когда она вышла из кабинета, Хохол, вздохнув, вынул мобильник и набрал номер. Ему долго не отвечали, но спустя какое-то время в трубке раздался щелчок, и хриплый мужской голос заговорил по-русски:

– Да, братан, чего хотел?

– Здорово, Митрич. Ну что, как там с моим делом-то? Двинулось? – Хохол закурил, присев на край стола и придвинув к себе тяжелую бронзовую пепельницу.

– Двинулось, Жека. Сегодня прямо у школы срисовали мои парни человечка. Неприметный такой человек, обычный лох-обыватель. Но у моих-то глаз на таких набит. Короче, Гришкин это казачок, я тебе отвечаю. Крутится, осматривается, каждого пацана взглядом щупает. Ты гляди там со своей кралей, как бы чего с мальцом вашим не вышло.

В трубке послышался надрывный кашель, и Хохол, дождавшись паузы, поинтересовался:

– Как здоровье-то, Митрич? Слышу – не ахти?

– Какое там... последние деньки дотягиваю, все легкие уж выплюнул. Потому и взялся помочь тебе по старой памяти, как тогда ты на киче за меня впрягся.

Хохол не любил вспоминать ту историю, когда ему пришлось одному держать оборону против семерых подручных пахана, чтобы не дать им зарезать несправедливо обвиненного в краже камерного «общака» Митрича. С тех пор довольно влиятельный в определенных кругах Митрич считал себя его должником и старался, как мог, откупить этот долг. Находясь в чужой стране, Хохол был очень ограничен в возможностях, а потому обратился за помощью именно к нему, чтобы никакая информация не просочилась к Бесу. Старик прислал в Бристоль не просто своих людей – он прислал собственных сыновей, и это говорило о том, что он прекрасно понимает, насколько важна Женьке конфиденциальность.

Разговор с Митричем почему-то взбудоражил Хохла. Он решил не брать с собой в школу Марину, а

уехать быстро и тихо, пока она красится и одевается. Внутри у него зашевелилось что-то, похожее на огромный кусок льда, и это ощущение он сразу вспомнил – последний раз испытал его в тот день, когда их джип расстреляли на дороге два мотоциклиста и Марина едва не погибла. Собственно, с этого все и закрутилось – именно тот день стал началом новой жизни.

– Нет, поеду один! – решительно проговорил Женька, стараясь как можно тише спускаться по лестнице, и вышел во двор.

«Геленваген» стоял в гараже, Хохол быстро открыл ворота, прыгнул в машину и завел двигатель. Когда полуодетая Марина выглянула на звук мотора из окна спальни, джип уже удалялся вверх по улице.

– Это еще что за финты?! – разозлилась Марина, хватая мобильник и набирая номер Женьки.

Его телефон молчал, что взбесило Коваль еще сильнее. Внезапно ее осенила догадка:

– Черт... а ведь он узнал! Узнал про письмо Беса и про его угрозы! Черт, черт, черт!!! – она в бессильной ярости ударила кулаком в зеркальную дверцу шкафа и разбила ее. Из разрезанной руки хлынула кровь, и вид ее слегка отрезвил разъяренную женщину. Она пошла в ванную, достала из шкафчика перекись и бинт, кое-как остановила кровь и наложила повязку.

– Что мне делать, господи?! Как мне быть, а?! Ведь он сейчас таких дров наломает, что мало не покажется! – простонала Марина, опускаясь на пол в ванной.

Хохол изо всех сил старался не нарушать правил, но это давалось ему с огромным трудом. Мысль о том, что с маленьким Егоркой может случиться что-то ужасное, заставляла его то и дело превышать скорость. Вот и здание школы – трехэтажный дом из красного кирпича, обнесенный низенькой оградкой. Откуда-то из-за него доносились веселые детские крики – видимо, на футбольном поле, расположенном позади школы, шла игра. Хохол перевел дыхание и закурил, заглушив двигатель. Урок должен закончиться через десять минут – стало быть, еще есть немного времени. Он вышел из машины и оглядел парковку. В самом дальнем углу небольшой площадки стоял старенький битый «Пежо», и именно он почему-то не понравился Женьке. Он вразвалку приблизился к машине, однако в салоне никого не было. Оглядевшись по сторонам, Хохол вынул из кармана финку, с которой никогда не расставался, и аккуратно вскрыл замок. Беглый осмотр салона ничего не дал, но в пепельнице обнаружили два окурка от «Явы».

– Есть! – пробормотал Хохол, выбираясь из машины. – Вот же лох, прости меня, господи, – кто ж такие косяки-то порет? Неужели Бес пожалел дать бабла на пачку английских сигарет или хотя бы просто импортных? Все зло в мире от лохов.

Удовлетворенный не подведшей его интуицией, Женька направился к крыльцу школы. «Сейчас возьму Егора – и домой. Маринка орать будет, конечно, что без нее умотал, но ладно – пусть. Лишь бы этот деятель не успел раньше меня».

Звонок прогремел прямо над головой Хохла, и тот поморщился от резкого звука. Из кабинетов в коридор потоком хлынули дети всех возрастов, и Женька начал высматривать в этой бурной реке своего Егорку. Когда же он увидел сына, внутри все похолодело – рядом с мальчиком, крепко держа того за руку, шел незнакомый мужчина в джинсовом костюме и темных очках. Егорка доверчиво заглядывал в лицо спутника, а тот что-то говорил, чуть склонив к нему голову.

– ...твою мать! – вполголоса ругнулся Хохол по-русски, чем вызвал недоуменные взгляды двух учительниц, мимо которых как раз проходил. – Не успел, не успел, елки!

Незнакомец обернулся, и Женька, повинувшись старому инстинкту, укрылся за первой же дверью.

– А вот и заказчик, – раздалось за его спиной по-русски, и он резко развернулся, машинально выхватывая финку. – Спокойно, Хохол, свои.

В кабинете за партами сидели двое парней, похожих как две капли воды и одинаково одетых. Хохол перевел дыхание – это были сыновья Митрича, близнецы Слава и Саня.

– Напугали, черти, – буркнул он. – Видали, что творится? Как этот хрен моего пацана вычислил, а?!

– Не кипи, Жека, – остановил его один из близнецов. – Явно Бес снабдил кента фоткой. Сейчас все тихо разрулим. Нам ведь главное, чтобы малец не испугался. Действовать будем так...

Через пять минут Хохол скачками несся к парковке, думая только об одном – успеть до того, как незнакомец посадит Егора в машину. Успел он как раз вовремя: мальчик вместе с провожатым уже шел по парковке.

– Эй, кентяра! Тормозни на секунду, базар есть! – рявкнул Хохол, и незнакомец развернулся, моментально перехватив Егорку за капюшон куртки.

– Папа! – Егорка рванулся навстречу отцу, но незнакомец крепко его держал. – Пусти, ты чего? Это мой папа!

– Стой на месте, Хохол! Стой и не двигайся, иначе головенку твоему выродку отверну! – в руке у

незнакомца блеснуло лезвие десантного ножа, которое он приставил к горлу мальчика.

Хохол замер.

– Егорка, сынок, не шевелись и не бойся, – велел он, стараясь говорить как можно спокойнее. – Слышь, кентяра, давай так: ты пацана отпусти – и сам уйдешь целым.

Незнакомец расхохотался:

– Ага, отсюда уйду – а дома меня Бес достанет. Нет, Хохол, не проканиает. Пусть твоя баба деньги сюда привезет, какие должна, а я пацана не трону. И не скажу ему того, что собирался.

– Она ничего ему не должна. А Бес твой – шакал поганый, ребенком прикрылся, – сплюнул Хохол.

– Ну, тогда будет по-моему. Хотя выбор есть – могу интересную сказку ему рассказать... Хочешь интересную сказку, выродок? – незнакомец встряхнул замершего бледного Егорку за капюшон. – Или просто по горлу – вжик! Выбирай, папаня. И звони своей красавице, пусть шевелится. Мне мокруха тоже не нужна – да еще ребенка, запахло это.

Хохол чувствовал, как от напряжения болят все мышцы, как в голове что-то щелкает и разрывается от невозможности кинуться и задушить глумящегося над ним урода. Нельзя – там мальчик, он и так очень напуган... Краем глаза Женька увидел, как на заборе парковки появился один из близнецов с пистолетом в руках. В тот самый момент, когда парень нажал на курок, Хохол в прыжке успел подмять под себя Егорку и закрыть ему глаза.

– Папа, папа, ты что, мне ведь больно! – верещал под ним мальчик, стараясь выбраться, но тело Хохла стало неожиданно ватным, и он сам не мог понять, что происходит. «Ну, не в меня же он попал», – пронеслось в голове, а потом стало тихо и темно.

– Вы не беспокойтесь, мэм, с вашим мужем все в порядке. Сердечный приступ – ну, в его возрасте это объяснимо, учитывая обстоятельства. – Щеголеватый красавец-доктор в начищенных до блеска ботинках от «Гуччи» протянул сидевшей перед ним в кресле Марине пластиковый стаканчик: – Выпейте, это поможет.

Коваль опрокинула в себя содержимое стакана, даже не спросив, что там. Полчаса назад ей позвонили из больницы и попросили срочно приехать. В такси она не находила себе места, курила, не обращая внимания на робкие протесты водителя, и даже послала его по-русски, чего тот, конечно, не понял, но по тону догадался, что терпеть табачный дым придется.

В палату к Хохлу ее проводил этот самый красавчик, отрекомендовавшийся кардиологом. Женька лежал, подключенный к кардиомонитору, лицо его было бледным, а рядом на стуле, сжавшись, как воробей, сидел заплаканный Егорка.

– Грегори, мальчик мой! – Марина кинулась к сыну, обняла его и погладила по голове.

– Мама! Мама, это я виноват... я виноват, что папа... – зарыдал Егорка, начисто забыв главное правило, внушаемое ему отцом с пеленок: «мужчины не режут, как телки». – Я пошел с тем дядькой... Он сказал, что его прислал дядя Гриша... я пошел с ним... а потом...

– Т-с-с-с, все, хватит! – перебила Марина, поняв, что у мальчика вот-вот начнется истерика. – Мы поговорим об этом позже. Сейчас главное – чтобы папа поправился.

Она оставила сына и присела на край кровати, вглядываясь в мертвенно-бледное лицо мужа. «Дурачок ты мой... Уже старый, а все дурачок. Опять закрыл меня собой, опять спас. Мне не хватит жизни, чтобы отблагодарить тебя...»

– Маринка... – вдруг хрипло проговорил Хохол, и Коваль вздрогнула. – Все... в порядке... он... он... не успел... не сказал...

– Да-да, я поняла, – перебила она, закрывая ему рот ладонью. – Ты поправляйся, а потом решим, как нам обезопасить себя от Беса.

Хохол кивнул и закрыл глаза.

«Мне придется сказать Егору... Придется сказать ему, что я не родная мать, – иначе всегда будет кто-то, кто захочет нас этим шантажировать. Да, я скажу. Непременно скажу, но не сейчас, не сегодня. Пусть отойдет от шока. Скажу. Так надо».

Еще никогда в жизни Марина Коваль не была так уверена в правоте принятого ею решения...

Анна и Сергей Литвиновы

Обострение чувств

– На тебя объявили большую охоту.

– Что?!

– Я говорю, Полуянов: на тебя получен заказ. Быстрее надо соображать при твоей-то профессии.

– Слушай, майор, ты звонишь мне в два часа ночи, будишь... Ты можешь толком рассказать, что происходит? Хотя бы по порядку?

– По порядку? – Майор Савельев хмыкнул. – По порядку не получится, потому что порядка нет, а имеется только один-единственный факт, полученный из оперативного источника... Источник, скажу сразу, весьма надежный, раньше никогда меня не обманывал... И факт этот гласит: тебя заказали. Причем некая криминальная группа уже приступила к отработке заказа. Охраны тебе никто не даст, поэтому советую: бери ноги в руки и немедленно сматывайся из Москвы. Желательно куда-нибудь в другое полушарие.

– Но кто меня заказал? И за что?

– И на первый, и на второй вопрос ответ одинаковый: я не знаю.

– Послушай, майор, а ты меня ни с кем не путаешь? Я ведь не политик, не бизнесмен, не чиновник. Я простой журналист. Работник умственного труда. За что меня-то заказывать?

– Ну, допустим, кому-нибудь ты в своих статьях хвост прищемил или компромат на кого-то накопал...

– Да ни на кого я ничего не копал! – вскричал Полуянов. – Мы сейчас сплошняком о партии и правительстве пишем.

– Н-да? Ну, тебе видней. Да, и еще... Той же организованной группе товарищей заказали еще одного человека. В связи с тобой или нет, но, по-моему, она – твоя знакомая. Сейчас скажу, как звать... – Майор Савельев на другом конце линии связи пошуршал бумажками. – Вот, нашел. Величать ее Татьяной Садовниковой.

– Господи... – прошептал Дима. – А она-то здесь как?

– То, что я тебе сообщаю об этом, конечно, против правил, но мне легче взыскание за разглашение получить, чем потом двойное заказное убийство расследовать... Поэтому мой тебе настоятельный совет: бери в охапку свою подружку Садовникову, и валите вы как можно скорее и как можно дальше – до тех пор, пока я вам не протрублю отбой...

С первых же слов этого ночного разговора Полуянов выскользнул из постели и удрал на кухню – чтобы не потревожить спящую Надю. Но бесполезно – вскоре она появилась: растрепанная, в пижамке и дико встревоженная.

Когда журналист нажал отбой, она тихо спросила:

– Дима, что случилось?

– Ничего! – отвечал Полуянов неласково. – Иди спи.

– Дима, кто звонил? Что происходит? – настаивала возлюбленная.

– Ничего не происходит. Просто мне надо срочно уехать. По работе, – соврал он и отправился в гостиную собирать свою любимую командировочную сумку. Хотел втихаря взять из сейфа пистолет, но не удалось – Надя пришла в комнату и стояла над душой немым укором.

– Пойди поставь мне чайник, – приказал он.

Но от Нади не так-то легко было отделаться. От любящих женщин вообще отделяться бывает сложнее всего – это журналист за свою жизнь уже хорошо понял. Ну, ей же хуже. Полуянов прямо на глазах подруги сунул за пояс боевой «макаров» – подарок друзей-эфэсбэшников.

Надя настойчиво спросила:

– Скажи мне: что произошло и куда ты едешь?

– В Инту я еду, – буркнул Полуянов. – В Сыктывкар. В Надым. Выбирай, что хочешь.

– Что случилось, Дима? – снова, как попугай, повторила Надя.

– Ничего! – проговорил, закипая, молодой человек. – Кроме одного: я, если ты помнишь, работаю спецкором отдела расследований, и меня могут выдернуть в командировку в любую минуту!

Он бросил в сумку пару свитеров и все чистые на данный момент рубашки: предостережение прозвучало серьезно, и бог его знает, сколько времени (и где) ему придется скрываться. Буркнул на Надю, совершенно несправедливо:

– Чем лезть в мои рабочие дела, лучше б рубашки мне стирала. Совершенно нечего надеть!

Девушка немедленно стала оправдываться:

– Но ведь у тебя же три чистые есть и глаженные. Я как раз сегодня хотела постирать...

Дима уже покончил со сборами – журналисту, а в прошлом десантнику не привыкать собираться по тревоге. Напоследок сунул в сумку ноутбук и поспешил в прихожую.

В глазах у Нади закипали слезы. Когда Полуянов уже открывал дверь, она прошептала:

– Дима, скажи... Здесь замешана женщина?

Журналист свирепо глянул на нее и в сердцах выкрикнул:

– Да ты просто дура! – и шваркнул входной дверью, оставив в прихожей плачущую Надю.

Позже он не раз вспомнит свои слова.

Разных, ох разных персонажей можно встретить на московских улицах, в кафе, кинотеатрах и других увеселительных заведениях! Особенно в три часа ночи. Никто уже ничему и не удивляется. Тем более что парочка, засевшая за дальним столиком круглосуточного фастфуда на Ленинградке, внешне особо ничем не выделялась. Ну, едут друзья (или любовники, или сослуживцы) домой после корпоратива (или вечеринки, или аврала на работе) да завернули перекусить. Обоим чуть за тридцать, парень высокий, статный, красивый, и его спутница очень даже ничего – натуральная блондинка с длиннющими ногами и смазливый личиком, на котором выделялись умные глаза. Одеты небрежно, но зато в модные шмотки. Словом, типичные представители зарождающегося российского upper middle class.

Правда, дотошный наблюдатель заметил бы в парочке одну странность: девушка была совсем не накрашена, а молодой человек даже и не причесан, будто оба только-только выпрыгнули из постели и успели лишь наспех одеться. И гораздо более удивительным показался бы стороннему свидетелю разговор, что вели между собой эти двое:

– Дима, а ты думаешь, что нас действительно хотят убить?

– Да, Таня, да. Мой источник служит в органах давно, ко мне относится хорошо, он не станет шутить или дергать меня понапрасну.

– Господи, но ты – и вдруг я. Какая связь? Да мы с тобой, по-моему, уже сто лет вообще не виделись!

– Год и три.

– Что – год и три?

– Мы не виделись один год, три месяца и четыре дня.

– Ты помнишь так точно? – Татьяна округлила глаза.

– Естественно, – хмыкнул парень и пропел: – «Я помню все твои трещинки...»

– А ты все такой же!

– Какой?

– Жуир и бонвиван.

– Кто-кто?

– Не прикидывайся, что не понял. Журналист все-таки.

– Да, я простой российский журналюга, поэтому мой словарный запас – тридцать семь слов, не считая матерных.

– Бабник. Это слово ты знаешь?

– Спорить не буду. Хотя вот уже три года живу с одной-единственной особой. И налево – ни-ни.

– Трудно поверить.

– Чем обсуждать мой моральный облик, давай лучше подумаем, что нам делать. У тебя открыта шенгенская виза?

– Открыта, – кивнула Таня. И добавила с неожиданной жесткостью: – Но бежать из страны я никуда не собираюсь.

Твердость давней подруги оказалась по сердцу Полуянову, и он спросил:

– А что собираешься?

– Как – что? – мило улыбнулась девушка. – Бороться.

Три часа спустя, когда рассвет уже нехотя светлил восток, а весенние птицы пока неуверенно, но начинали свой щебет, Димина «Мазда» въезжала в ворота дачи в Абрамцеве.

Здесь головокружительно пахло пробуждающейся землей. В густом утреннем тумане едва был виден дом. Бетонные дорожки уже высохли, но на влажной земле еще там и сям лежали пласты нерастаявшего снега.

Дача принадлежала полковнику Ходасевичу, Таниному отчиму. «Даже если нас там найдут, – заявила Садовникова, когда друзья размышляли, где им укрыться, – мы всегда сможем отбиться».

По дороге они закупили продуктов в круглосуточном супермаркете, ведь неизвестно, сколько дней

придется сидеть в убежище. Пока ехали, обсуждали, кто и почему мог желать им смерти – им обоим. В том, что заказали одновременно и Таню, и Диму, крылась главная странность. У них не было ни общих интересов, ни общего бизнеса. Они не делили друг с другом ни кров, ни постель (единственный раз больше десяти лет назад – не в счет).

– Если мы поймем, за что нас хотят убить, – только тогда и разгадаем, кто этого хочет, – задумчиво произнесла Таня.

– Обратное утверждение также верно, – откликнулся вечный насмешник Дима. – Определим кто – узнаем, за что.

Он не отрывал глаз от дороги. На вечно загруженном Ярославском шоссе сейчас, перед рассветом, можно было пронестись с ветерком, и журналист не преминул воспользоваться этой возможностью: стрелка спидометра плясала в районе ста пятидесяти километров в час.

– Ты не гони давай, а то киллеров без работы оставишь, – слегка сварливо заметила Садовникова. Однако ей и самой нравилась быстрая езда, как нравилось все рискованное.

Полуянов хохотнул, показывая, что оценил шутку, и предложил:

– А давай устроим... этот... как его звать по-русски... В общем, «брейн-сторм».

– Мозговой штурм?

– Во-во. Принимаются любые идеи, даже самые фантастические. И критиковать их запрещено.

Тане предложение спутника понравилось.

– О'кей. Начали?

– Насколько я понимаю, – глубокомысленно заметил Дима, – убийства совершаются, во-первых, из-за денег, во-вторых, из ревности и, в-третьих, из чувства мести. Ну, бывают еще, как пишут в протоколах, из личных неприязненных отношений – это когда по пьянке бьют сковородкой по голове. Но последнее явно не наш случай...

– Давай не отвлекаться.

– Давай друг друга не критиковать. Мы ж договорились! Может быть, дело в деньгах? – предположил журналист. – Ты только не обижайся, но... Кто наследует в случае твоей смерти?

– Мама. И еще отчим, Валерий Петрович. Я на него на всякий случай завещание оставила. А то ведь со мной, при моем рисковом характере, всякое может случиться.

– Ну, вот тебе и мотив, – легкомысленно откликнулся Полуянов. – Мама-то точно тут ни при чем, но вот наследство, твой отчим... Кажется, он эфэсбэшник? Значит, у него есть контакты в криминальном мире. Вдруг он решил тебя заказать?

– Ты ври, да не завирайся! – отбрила Татьяна.

– Та-анечка... – укоризненно протянул молодой человек. – Мы ж договорились: никакой критики.

– Хорошо, – дернула плечом девушка. – А кто наследует в случае твоей смерти? – И добавила, в отместку за отчима: – Ты со своей козой, библиотекаршей Надей, уже расписался – или по-прежнему во грехе живете?

Но журналиста прорвать такими булавочными уколами было сложно.

– Во грехе, Танечка, во грехе... Да и потом, какое с меня наследство? Я с моих публикаций и рубля не накопил.

– Как не накопил? Квартира-то есть?

– Даже две, моя и бывшая мамина, – кивнул Дима, вглядываясь в дорогу впереди. Он вдруг скинул газ, «Мазда» теперь ползла с совсем уж черепашьей скоростью. Пояснил: – Здесь вечно гаишники с радарамы прячутся.

– Две квартиры – это как минимум пол-лимона зеленых, – заметила Таня, продолжая денежную тему. – А если не библиотекарша твоя – кто их тогда наследует?

– А ведь и вправду... – задумчиво потер лоб Полуянов. – Есть ли у меня наследники-то? Я же один как перст. Из родственников – никого. Правда, у покойной мамы был двоюродный брат... Живет, кажется, в Калуге... И у него есть дети... Вроде бы двое... Но связь с ними давно потерялась...

– Вот видишь! Значит, могло быть так: дети достигли совершеннолетия, узнали, что в Москве у них богатый троюродный брат, вот и заказали тебя. Чтобы жилье в столице занять.

– Версия хорошая, богатая, – похвалил Дима. – Но при чем здесь ты? Разве только предположить, что мои гипотетические троюродные сестры с твоим отчимом в заговор вступили. – Это была маленькая месть Тане за «козу библиотекаршу».

– Да, веселые дела... – протянула Садовникова. – Значит, надо искать, что нас действительно объединяет.

– А нас с тобой не объединяет практически ничего, – проговорил журналист. И через секунду добавил:

– К сожалению... – И положил руку Тане на коленку.

– Убью сама, – сквозь зубы бросила Татьяна и скинула его руку. – Мы с тобой просто старые друзья и ничего больше! Ясно?

– Да куда уж яснее, – хмыкнул Полуянов.

По лицу его было видно, что он вряд ли оставит свои попытки, и в голове у Тани мелькнула совсем уж завиральная мысль («брейн-сторм» раскрепостил сознание!): «А вдруг всю эту историю Дима сам придумал, чтобы побыть-пожить со мной вдвоем? Совсем наедине?» Но девушка сразу ее отбросила, как исключительно дурацкую: у Полуянова достанет смелости (вот уж чего у него через край!) начать ухаживать за ней напрямую, без обиняков.

– Хотя нет, я не прав, что нас совсем уж ничего не объединяет. – Дима сделал вид, будто обиделся. – Я тебя регулярно с Новым годом поздравляю. И с Восьмым марта.

– Ага, по электронной почте, – кивнула Татьяна. А про себя мстительно подумала: «И ни одного подарочка или цветочка – за десять лет!»

– Кстати, ты у меня на «Френдс. Ру» висишь, – продолжил приятель. – То есть в друзьях, между прочим. И фотка твоя у меня там есть – та самая, где мы в обнимку на аэродроме.

– Ну конечно, виртуальная дружба – самая крепкая в мире, – саркастически заметила Садовникова.

– И я тебя, – перечислял Дима, – всегда на наши корпоративы газетные приглашаю. Только ты не пришла ни разу.

– Я тебя тоже на Новый год к нам в агентство звала. Но ты как к стажерше Илоне приклеился, так и не замечал вокруг ничего...

– Ох, грудь у нее была замечательная... – мечтательно протянул журналист. И спохватился: – У тебя тоже, конечно, хороша...

– Слушай, хватит, а? – всерьез обиделась Татьяна. – Ты что, поднял меня в три утра, чтобы я твои скабрезности выслушивала?

На самом деле не Дима в ту ночь разбудил ее. За полчаса до его звонка блякнула эсэмэска. Писал изгнанный месяц назад исключительно ревнивый возлюбленный Миша Беркут. Сообщение оказалось невнятным и противным – как и все, в последнее время исходящее от Беркута: «Предупреждаю, причем крайний раз: ты на всю жизнь должна быть рядом со мной!!» На это письмо, как и на десяток других Мишиных посланий, Татьяна не ответила. Ей вообще хотелось поскорей и напрочь вычеркнуть из своей памяти все, что было с ним связано.

А ведь как хорошо начиналось! Двухметрового роста каратист, фигура обалденная, сильный, мощный, с таким куда хочешь иди – будешь как за каменной стеной. Плюс к тому (хоть и трудно поверить) интеллект, Петрарку наизусть цитирует. Да и человек далеко не бедный: шеф крупнейшего на юге страны охранного агентства.

Роман у них с Татьяной закрутился – аж искры летели. При первой возможности он срывался, летел в Москву. Да и она у него на юге пару раз побывала, Новый год вместе встречали. Беркут окружал ее максимальным комфортом: пятизвездные гостиницы, лимузины, французское шампанское...

Но потом все пошло наперекосяк. Кто знает, что тому стало виной: не изжитой, несмотря ни на что, Мишин провинциализм? Или его грандиозный частнособственнический инстинкт? А может, не случайно они на кладбище познакомились? Все-таки дурная примета...^[4]

И тут Полуянов, вырвав девушку из размышлений о личном, выкрикнул:

– Стоп! Всем молчать! Идея! А что, если... что, если это Фомин?

– Фомин? Какой еще Фомин? Ах да, тот самый... Хм, а что, вполне может быть...

На дачу друзья приехали с оформившейся и довольно перспективной версией. Однако каждый из них в уме держал еще как минимум по одному предположению. Только гипотезы были не то что постыдные – но ни тому ни другому как-то не захотелось о них вслух рассуждать...

Петр Федорович Фомин был одним из клиентов рекламного агентства, где работала на должности творческого директора Татьяна. И притом – законченным эгоманом. Нет, до настоящей мании величия он еще не дошел, но любил самого себя безмерно. Рекламные бюджеты выделял небольшие – зато в каждом ролике требовал упоминания о себе любимом или даже собственного появления в кадре. Денег у него куры не клевали, хотя он всем говорил, что его фирма под названием «Согас» торгует бытовой техникой и электроникой. Но не могло быть у обычного торговца, продающего товары в основном через Интернет, столько денег! Несколько раз Татьяна пыталась вывести клиента на откровенность, откуда у него такой капитал, однако Фомин с разной степенью изящества уходил от ответа. И посторонние источники (а Садовникова и их задействовала) ничего о тайной деятельности заказчика ей не сообщили. К отчиму,

полковнику ФСБ, обращаться по столь пустячному поводу Тане не хотелось.

И вот однажды (случилось сие в середине декабря прошлого года) Фомин попросил Татьяну – нет, даже не попросил, а потребовал! – разместить статью о нем в одной из центральных газет. Лучше в «Коммерсанте», заявил он, но и «Молодежные вести» тоже сойдут. «Да пусть не какая-нибудь шестерка обо мне напишет, а «золотое перо»! – приказал заказчик. – И никаких значков «на правах рекламы». А уж за ценой я не постою».

Садовникова скрепя сердце – чуяла ведь уже тогда, что добром это не закончится! – устроила Фомину встречу со своим давним приятелем, Полуяновым.

Клиент навел справки, и, видимо, имя корреспондента его удовлетворило. Он позвонил Диме и попросил встретиться с ним в самом роскошном в окрестностях «Молодежных вестей» ресторане – «Бруклине». А за обедом, между вторым и десертом, объявил цену: за хвалебную статью о себе на полполосы он заплатит пятьдесят тысяч долларов.

– Естественно, я его послал, – рассказывал потом Полуянов Тане.

– Почему? – удивилась девушка. – Полста тонн баксов – хорошие деньги. Я бы согласилась.

– Моя бессмертная душа стоит гораздо дороже, – с пафосом провозгласил журналист. И поспешил добавить: – Да и мутный он какой-то, этот Фомин. Противно на него работать... К тому же как я эту лабуду про него через секретариат протащу?

– Так и говори. А то «бессмертная душа»... – буркнула Татьяна.

Самое интересное, что после того обеда в «Бруклине» заказчик пропал из поля зрения и Полуянова, и Садовниковой. Оба не слишком печалились: Дима вообще постарался забыть о разговоре с Фоминым, как о мелком, досадном, царапающем эпизоде. А Татьяна свой годовой контракт с ним отработала, на будущее договора не имелось – значит, поводов встречаться не было, и слава богу. Она, конечно, заставила себя – какой ни есть, а все-таки заказчик – поздравить Фомина с Новым годом по электронной почте и даже позвонила ему на мобильный. Ответа на имейл не последовало, а телефон молчал. И Садовникова со вздохом облегчения выбросила мысли о неприятном клиенте из головы – тем паче что начался новый год, а с ним новые заботы: заказчики, дедлайны, суета, круговерть...

И вот теперь, кажется, Фомин весьма неожиданным образом снова напомнил о себе.

Абрамцевская дача полковника Ходасевича оказалась оборудована всем необходимым для жизни. И даже некоторыми излишествами. Татьяна некогда подарила отчиму тостер и кофеварку, а также настояла, чтобы тот подключился к Интернету, пояснив: «Чтобы я могла спокойно работать, когда к тебе в гости приезжаю». Правда, за все прошлое лето навестила старичка, как она сейчас со стыдом вспомнила, лишь дважды.

Друзья наварили себе кофе и, каждый с доброй кружкой, разошлись по комнатам – думать, искать пути выхода из неожиданной ситуации. Дима со своим ноутбуком отправился во Всемирную паутину, а Садовникова принялась звонить отчиму – всем известно, что Ходасевич ранняя пташка и, даже будучи на пенсии, поднимается в семь утра. Вопросом оба задались одним: кто он, господин Фомин, какова его подноготная и куда он исчез?

Результаты их информационных поисков и запросов появились только на следующий день к вечеру. И оказались в высшей степени удивительными.

На самом деле бизнес Фомина заключался в следующем: он организовал (говоря языком протокола) устойчивое преступное сообщество, в которое вовлек представителей правоохранительных структур. Сообщество еще в середине прошлого года попало в оперативную разработку, и выяснилось, что в нем состоит пара полковников милиции и даже один генерал-майор, не говоря уже о всякой там мелочи в чине капитана и ниже. Деньги группировка зарабатывала наглым и подлым путем: милиционеры наезжали на какую-нибудь фирму, промышленящую «серым» и «черным» импортом электроники (компьютеры, мобильники, телевизоры и прочие полезные гаджеты). Наезд проходил по всем правилам, устраивалось настоящее «маски-шоу» – топот бойцов ОМОНа, команды «Всем встать!», «Ноги расставить, лицом к стене!»... Незаконно ввезенные товары правоохранители конфисковывали и затем – практически тут же! – перепродавали конфискат за полцены фирме Фомина. А тот уже реализовывал его в розницу – отсюда и низкие цены, и огромный оборот.

Дело процветало, но потом между поделщиками начались разборки. По одним сообщениям, причиной их стала самостоятельность милиционеров, которые вместо того, чтобы наезжать на фирмы, конфисковывать товар и сбывать его Фомину, занялись банальным рэкетом: приходили в компании-жертвы и требовали выкуп за то, чтобы оставить их в покое. Естественно, что при таком раскладе господину Фомину не доставалось ни-че-го.

По другой версии (гораздо более неприятной для Тани с Димой), толчком к раздорам между преступными правоохранителями и Фоминым стала неумеренная рекламная активность последнего. Она ужасно раздражала высокопоставленных ментов, которые справедливо полагали, что чем меньше внимания проявляется к их делишкам, тем лучше. Они попытались урезонить любящего саморекламу Фомина, но тот в грубой форме отказался.

Так или иначе, между милиционерами-рэкетирами и Фоминым началась самая настоящая война. Сразу после Нового года он перешел на нелегальное положение и стал зачищать концы. Чекисты, разрабатывающие дело, полагали, что горе-бизнесмен просто сошел с ума – Фомин выдал преступным группировкам заказ на устранение всех чиновных милиционеров, участвовавших в его бизнесе. Сам-то Петр Федорович уже был объявлен во всероссийский розыск и в розыск по линии Интерпола, однако в борьбе с бывшими поделщиками счет покуда оставался два – ноль в его пользу: киллеры успели ликвидировать милицейского генерала и полковника, входивших в организованное им сообщество. Фомина же отыскать пока не удавалось.

Таня с Димой обсудили полученную информацию. И получалось, что ситуация с внезапно сбрендившим заказчиком – самая для них неприятная. Они запросто могли попасть под раздачу, что называется, до кучи. Раз Фомин спятил и идет до конца, то вполне мог заказать и Садовникову с Полуяновым.

А если заказ на них обоих действительно существует – как спастись? Как бороться? Прятаться всю жизнь – или хотя бы до тех пор, покуда не разыщут и не обезвредят Фомина?

Самим пытаться искать его – безумно и бессмысленно, раз уж все полицейские мира не в состоянии преступника схватить. А пассивное ожидание (чего? избавления? смерти?) и для Тани, и для Димы, натур очень деятельных, было самое худшее, что только можно придумать.

Подавленные, друзья разошлись по комнатам спать.

Татьяна никак не могла заснуть. Она ворочалась с боку на бок, то прикрывала ухо подушкой, то заматывалась с головой в одеяло – и понимала всю бесполезность своих действий. Потому что вскоре осознала, что больше всего в деревенском доме ее угнетает тишина. Давящая, мертвенная тишина. Птицы, расщепавшиеся днем, на закате примолкли. Ни шума проезжающих машин, ни музыки, ни грохота лифта, ни даже крика петухов или гавканья собак – только гулкое, всепроникающее безмолвие. Оно кого хочешь может свести с ума!

«Все-таки я исконный городской житель, – думала девушка. – Сельская идиллия мне явно противопоказана».

К тому же... В этом стыдно было признаться даже самой себе, но все два дня, покуда они делили убежище с Димой, Татьяна подсознательно ждала, когда он возобновит свои попытки сближения. Однако журналист, на первый взгляд совершеннейший плейбой, теперь вдруг стал вести себя предельно корректно. Ни сального взгляда, ни циничного намека, не говоря уже о прикосновениях или поглаживаниях. Конечно, она бы дала ему отпор, если что, – но пока приходилось лишь подтрунивать над ним и над его верностью библиотекарше. Однако... Ухаживать Полуянов за подружкой по несчастью так и не начинал.

И если днем мысли о Диме как о кавалере были загнаны куда-то в самый далекий уголок мозга, то в ночной тишине они вырывались наружу. «Что это с ним? – все думала Татьяна. – Совсем, что ли, истаскался, изработался? Или впрямь решил не изменять своей библиотечной крысе? Или... или – что-то не так не с ним, а со мной? Я постарела, подурнела? Но у других-то мужиков, практически у всех, я вызываю иную реакцию – очень даже далекую от безразличия... Или, может, равнодушие Полуянова – очень хитрая, изощренная его тактика?..»

Ответы на эти вопросы нельзя было получить немедленно. Их мог дать только Дима – или время. Но Татьяна все ворочалась и ворочалась и, как дура, все думала и думала...

«Господи, а ведь сейчас весна! Самая пора для любви! Природа готовится к цветению, и у меня внутри тоже – сладко крутит, томит... Так хочется нового чувства, лучше настоящего, но если не получается колоссальной любви, то пусть будут хотя бы ухаживания, флирт... У меня ведь и элементарного секса – просто для здоровья – сколько времени не было... Почитай, больше месяца – с тех пор, как я вытурила сочинского идиота-ревнивца с пушкой в руке наголо, Мишу Беркута... Что ж я за человек-то такой? Почему так сложно схожусь с людьми? И с сильным полом, в частности. То ли дело подружка моя, Марго... Та ведь так и порхает из койки в койку – впечатления коллекционирует... Может быть, грязно – зато у нее цвет лица всегда хороший... Не то что у меня – вся серая к весне стала от работы и авитаминоза... И два прыщика выскочили...»

И когда в гробовой тишине дома – слышно было даже, как наручные часики тикают, – вдруг раздался

еле различимый шорох, первой мыслью Тани, к ее собственному стыду, было: «Наконец-то Дима идет ко мне!» Но потом вдруг поняла: чьи-то шаги тихо-тихо прошелестели по гостиной – и сразу стало страшно. Тогда Татьяна вскочила с постели, включила ночник и, прежде чем успела сообразить, что делает и как это будет воспринято приятелем, во весь голос заорала: «Дима!» В гостиной раздался грохот, и девушка – характер такой, привыкла не бежать от опасности, а идти ей навстречу с открытым забралом – бросилась к двери спальни и распахнула ее.

Планировка дома отчима была дурацкой: три спальни, двери которых выходили прямо в огромную гостиную, совмещенную с кухней. И Таня не подумала, что на пороге темной гостиной, на свету, льющемся из ее комнаты, она окажется перед возможным противником как на ладони – а сама не будет видеть ничего. Замерев, Татьяна услышала, как рядом, в темноте, растворилась дверь комнаты, которую занимал Дима, и оттуда раздался резкий окрик журналиста:

– Всем лечь на пол! Стреляю на поражение!

В ответ из мрака бабахнул пистолетный выстрел, а потом, совсем близко, ответный. Татьяна зажмурилась, рухнула на пол, прикрыв голову руками. В гостиной раздался сдавленный стон, затем по полу прогрохотали башмаки и зазвенело разбитое стекло, а потом – зажегся свет.

Когда девушка осторожно открыла глаза, мизансцена в гостиной была следующей: выбитое окно, развевающаяся от ветра занавеска. Ее приятель, весь бледный, в одних трусах, с пистолетом в руке, склонился, разглядывает что-то, лежащее на полу. Девушка приподнялась и увидела: у ног Димы – человек, он корчится и стонет от боли, а из его плеча толчками вырывается кровь, заливая ковер. А Полуянов, вместо того чтобы помочь ему, приставляет ко лбу парня лет двадцати пистолет и кричит:

– Кто нас заказал? Быстро! Говори!

– Н-нет... – шепчет тот, и на губах его пузырится красная пена.

– Сейчас ты сдохнешь! Кто? Имя!

Раненый еле слышно бормочет:

– Ее зовут Надежда... – И отключается.

Потрясенный Полуянов шепчет: «Кто?» – и оседает на пол рядом с наемником. Хватается за голову. Но через пару секунд берет себя в руки и кричит Татьяне:

– Скорее – жгут, бинт, что-нибудь! Надо остановить кровь!

Больше тишины в ту ночь не было.

Довольно быстро прибыла «Скорая». Раненого наспех перевязали и увезли. Затем явилась милиция – и пробывла в доме гораздо дольше, чем хотелось бы.

Эксперты собирали осколки разбитого окна, фотографировали стреляные гильзы и вынимали пули из бревенчатых стен, изучали следы взлома на дверном замке и дорожку двух пар следов, ведущих от калитки. Нападавших было двое: одного ранил Дима, второй ушел, выпрыгнув в окно. Разумеется, милиционеры принялись допрашивать и жертв нападения, каждого по отдельности – да так жестко, словно Полуянов с Садовниковой сами были наемными киллерами. Особенно досталось журналисту. Слава богу, он не забыл прихватить с собой разрешение на оружие, а один из ментов читал его статьи в «Молодежных вестях». Да и фамилия хозяина дачи, полковника ФСБ Ходасевича, внушала уважение. А если б не эти счастливо сошедшиеся обстоятельства – не миновать бы Полуянову ночевки в КПЗ. Хотя пистолет у него, как орудие совершения преступления, все равно изъяли.

Разумеется, ни Татьяна, ни Дмитрий ни словом не обмолвились о подлинной причине, приведшей их обоих в дом Ходасевича. Говорили: «Старые друзья, решили побыть вместе». На ехидные вопросы ментов, почему, мол, старые друзья ночуют в разных комнатах, жестко отвечали: «Не ваше дело».

Уже совсем рассвело, когда местные милиционеры отбыли восвояси, и пришлось еще приводить дом в порядок. Дима отправился в сарай – вырезать кусок фанеры, чтобы хотя бы временно закрыть разбитое окно, откуда немилосердно дуло. Таня отыскала резиновые перчатки и стала отмывать с пола и ковра кровь наемника и следы грязных ментовских ботинок. Наконец с хозяйственными хлопотами было покончено, часы показывали уже десять, и – наступило расслабление и опустошение.

Журналист опустился на табуретку на кухне и обхватил голову руками. Таня без сил присела напротив.

– Пожалуйста, позвони в больницу, – глухо проговорил Полуянов.

Ему не потребовалось объяснять Тане, в какую больницу звонить и по какому поводу. Она набрала номер и после долгих просьб, уговоров и даже угроз все-таки узнала, что человек с огнестрельным ранением, доставленный сегодня ночью, жив и состояние его стабильно тяжелое. Девушка пересказала услышанное журналисту.

– Ф-фу, хоть одна гора с плеч, – вздохнул тот.

– А вторая гора – Надя? – пронизательно спросила Садовникова.

Дима ничего не ответил, только горестно кивнул головой. В глазах его разлилось страдание.

– Да ладно тебе, – без особой убежденности проговорила Таня, – этот наркоман с пистолетом просто бредил.

– Да не бредил он, не бредил! – вдруг сорвался Полуянов. – Я, конечно, давно чувствовал, что тихоня библиотекарша для Нади – просто маска, но чтоб такое... Ну да, конечно, она меня ревновала, и жестоко... И признаюсь, я давал ей повод... Но не до такой же степени! И откуда у нее деньги, чтоб нанять киллеров? И при чем здесь ты? Нет! Не понимаю, не понимаю, не понимаю! – Дима в отчаянии забарабанил кулаком по столу.

Вдруг Татьяне стало ужасно его жалко, и она снова поступила так, как подсказывало ей чувство, а не сознание: подошла к журналисту и погладила его по отчаянной и страдающей головушке. И тут он словно с цепи сорвался – обхватил руками, стиснул и стал покрывать ее всю, прямо через одежду, исступленными поцелуями. Потом вскочил и начал целовать шею, плечи, губы... Таня оказалась не в силах сопротивляться и почувствовала, как слабеет... А Дима подхватил ее на руки и понес в свою спальню...

Когда она наконец проснулась, за окном уже сгустились по-мартовски долгие сумерки. Первой ее мыслью было: «Вот она, весна! Все-таки добралась и до меня. Принесла свой нечаянный подарок. Как же мне было хорошо! Какой Димка страстный и милый... Неужели он опять, гад, к своей библиотекарше уйдет? И снова – на десять лет разлука?»

А Полуянов вскочил с кровати и, думая, что она еще спит, босиком пошлепал на кухню. Пока девушка нежилась и потягивалась, чем-то там гремел и шуршал. Вернулся спустя минут десять, держа в руках поднос с тарелками и чашками – исходил паром восхитительный омлет, дымился чай, золотились гренки, и была настругана сырокопченая колбаска. Татьяна лежала с прикрытыми глазами, и Дима поставил поднос на пол, ласково погладил девушку по щеке:

– Просыпайся, милая! – А когда она открыла глаза, добавил: – Что-то жрать ужасно хочется...

Они стали завтракать – в шесть часов вечера! – прямо в постели. Для полного комфорта включили стереосистему. Замурлыкал джаз.

Насытившись, Полуянов счастливо откинулся на кровати и проговорил с чувством:

– Гос-споди! Я все чего-то искал, метался... А счастье – оно вот, было совсем рядом!

От столь ласковых и от души сказанных слов, которые показались Татьяне зеркальным отображением ее собственных мыслей, у девушки аж горло перехватило. Не в силах ничего ответить, она только благодарно погладила Диму по руке. И тот поцеловал ее – не страстным, ожесточенным утренним поцелуем, а ласковым, умудренным – вечерним...

И тут случился кошмар.

За поцелуями и объятиями они забыли обо всем на свете. А потом... потом Тане вдруг показалось, что на них кто-то смотрит, и внутри у нее все заледенело. Она дернулась и приподнялась в кровати – и у нее возникло ощущение, что ожил и воплотился наяву ужасный сон: у входа в комнату в кожаной куртке и с пистолетом в руке безмолвной статуей командора стоял Миша Беркут и глядел на нее и Диму с нехорошей ухмылкой. Глаза его горели безумным огнем. Боже мой, Миша Беркут! Ее непреходящая радость – в первые четыре месяца их знакомства – и ее страдание в последние два...

Боже, Беркут! При виде его Таня все поняла – все-все, до самого доньшка, в одно мгновение. Как же бешено он ее ревновал! Он был настоящим маньяком! Мишка читал ее эсэмэски, пробивал по базам данных телефонные звонки и влезал в электронный почтовый ящик. Он устраивал скандал, даже когда она осмеливалась поглядеть на другого мужчину, не то что заговорить с ним. А когда Беркут однажды поднял на нее руку – всего лишь после скромного девичника, – тогда уж она выгнала его (а надо было еще раньше!). Выгнала окончательно и бесповоротно, велела забыть ее адрес и телефоны, больше не показываться на глаза. Но он... Он, такой сильный внешне мужчина, все писал ей покаянные письма, и пытался объяснить по телефону, и подкарауливал возле работы... Наконец, две недели назад, исчез, кажется навсегда, и Татьяна вздохнула свободно. А Беркут, оказывается, вот что надумал... Угрожающая эсэмэска, которую Мишка прислал ночью три дня назад, была неспроста. У него, выходит, началось натуральное маниакальное весеннее обострение. На почве ревности крыша съехала окончательно...

Таня с ужасом смотрела на вечернего гостя. Дима тоже рывком приподнялся в кровати.

– Вот вы и попались, голубчики! – с мазохистской улыбочкой проговорил Беркут. – Я так и знал, так и знал... Хана вам, ребятки... любовнички... – Он вытянул в направлении кровати руку с пистолетом и громко произнес: – Пуф! Пуф!

Таня с Димой непроизвольно дернулись, и Михаил рассмеялся тяжелым, безрадостным смехом.

«Ох, а ведь и правда Беркут сейчас выглядит совершенно безумным! – пронеслось в мозгу у Татьяны. –

Но что же делать? Что делать? Оправдываться? Бесполезно. Объяснять, что он сам, своими руками, толкнул нас с Димой друг к другу в объятия? Тоже бессмысленно... Э-эх, и пистолет у Полуянова забрали...»

– Слушай, мне просто интересно, а сколько сейчас стоит убить человека? – вдруг спросила девушка, обращаясь к бывшему своему возлюбленному, и голос ее звучал, к собственному Таниному удивлению, спокойно. А в мозгу неслись обрывки мыслей: «Надо говорить с ним... надо тянуть время, постараться войти в контакт, успокаивать своей интонацией... умиротворять... Не зря же я на психфаке училась... Хоть никогда не практиковала, но должны же были меня там чему-то научить?»

Беркут опять криво усмехнулся. Но, слава богу, отозвался, а не выстрелил:

– Сколько стоит убить? Недорого, моя лапочка. Должен тебя огорчить, ты стоишь совсем недорого – даже в компании со своим любовничком...

И тут Таня неожиданно спросила совершенно обыденным тоном:

– А что, на улице дождь?

– Что? – в первый момент не понял вопроса Беркут.

– Ты весь промок – куртка вся, и волосы... Пешком от станции шел?

«Он даже, похоже, не взял машину напрокат – как всегда делал, когда в Москву прилетал. Не знаю почему, но, кажется, это плохой признак».

Краем глаза Таня глянула на Диму. Тот весь напряжился, готовился к броску. Девушка еле заметно дернула головой: мол, пока не вздумай.

«Если они сойдутся врукопашную, еще неизвестно, кто победит: шеф провинциальной охраны Миша или бывший десантник Дима... Но у Беркута – пистолет, а что сможет Полуянов с голыми руками против ствола? Значит, остается одно: заговаривать психопату зубы... Но, боюсь, надолго меня не хватит... Проклятой бабской натуре так и хочется завизжать, заметаться, броситься перед ним на колени... А надо держать себя в руках и говорить спокойно и уверенно...»

На ласковый Танин вопрос Беркут рыкнул:

– Не твое собачье дело!

Однако агрессии в нем явно поубавилось.

Таня – бешеный выброс адреналина обострил восприятие – будто воочию видела, как в Беркуте борются два начала: одно – безумное нетерпение маньяка спустить курок и со всем поскорее развязаться, в том числе и с самим собой, потому что ничего уж ему не останется больше делать, когда он убьет Таню с Димой обоих, кроме как застрелиться самому. Но вторая его половина, еще оставшаяся человеческой, тянула и медлила, цеплялась за жизнь – и тем давала жертвам шанс на спасение.

– Слушай, а сказать про Надю ты хорошо придумал, – проговорила Таня будничным тоном, словно хвалила своего возлюбленного, что тот в магазин сходил.

– Тебе понравилось, да? – опять осклабился Беркут. – Я тем наркошам так и велел, чтобы сказали. Для того чтобы твой любовничек тоже помучился...

«Ну и дурак же он... Толкнул Димку в мои объятия! Дважды толкнул! Да откуда он вообще взял, что между мной и Полуяновым что-то есть? Боже мой, неужели сайт «Френдс. Ру» ему «нашептал»? Та наша фотка на аэродроме в обнимку? Правильно мне, значит, советовали знающие люди: не надо на «френдах» своих следов оставлять – можешь получить большие неприятности. Вот и получила – идиот Беркут на ровном месте такую кашу заварил... Спросить бы его, как он от одной фотографии с дружеским объятием дошел до мысли, что мы с Димой любовники? Но... И так все ясно. А его сейчас не надо беречь. Вопрос будет для Беркута слишком горячим. Не буду наступать ему на большую мозоль. Надо о чем-то близком ему... родном... чтобы заставило его *остаться*, а не *уйти*, прихватив с собой на тот свет нас...»

– А на юге, наверное, уже совсем тепло... – мечтательно проговорила Таня. – Персики зацвели?

– Персики! – пренебрежительно воскликнул Беркут.

«Конечно, что значат какие-то там персики по сравнению с его бешеной страстью ко мне – в сравнении с величием того, что сейчас произойдет? Ну, еще одна попытка».

– Как сестренка?

И в этот момент Миша по-настоящему откликнулся – человеческое внутри него впервые за весь разговор вышло на передний план, отодвинув безумие. Он засветился теплой улыбкой:

– Взрослая уже. Скоро в школу пойдет.

В тот же миг вдруг раздался выстрел...

Таня непроизвольно дернулась, но боли не было. И Дима рядом тоже лежал весь бледный, но живой и не раненый. А вот Беркут... Он заорал – дикий, звериный его вопль, вопль неудачника, разнесся по комнатам старого дома... Правая его рука, державшая пистолет, вдруг бессильно повисла, а оружие грохнулось на пол. И неожиданно комнату заполнили люди – крепкие парни в черном, в масках и

бронежилетах. Они мгновенно уложили Беркута на пол, заломили ему за спину обе руки – и здоровую, и окровавленную, застегнули наручники, куда-то увели...

И только тогда Таня разрыдалась.

– Ну вот, – удовлетворенно проговорил майор Савельев, – а вы, журналисты, пишете, что милиция у нас ничего не умеет, только взятки берет, приезжих трусит да наезды устраивает...

– Я напишу об этом деле! – с чувством воскликнул Полуянов. – Прямо сегодня! Только наши с Таней имена, конечно, поменяю. А твое, майор, – золотыми буквами попрошу набрать.

– Не, про меня не надо, – стал отнекиваться довольный Савельев. – Просто напиши: благодаря усилиям всего коллектива Центрального УВД города Москвы и лично его руководителя генерала милиции...

– Да ты мне не диктуй, что писать, сам соображу, – остановил его Полуянов. Он явно пребывал в эйфории от своего неожиданного спасения.

– Да? А вы-то, журналисты, нам, милиции, диктуете, как нам бандитов ловить, а? – мстительно откликнулся майор.

И журналист не нашелся что ответить.

Майор Савельев этим вечером и ночью был сама любезность (насколько может быть любезным милиционер). Сейчас, снова под утро, он вез Татьяну и Дмитрия по Ярославскому шоссе назад в Москву – рулил Диминой «Маздой».

Когда наконец закончились все утомительные формальности, были подписаны все протоколы, Садовникова с Полуяновым ни минуты не хотели оставаться на даче, где им столько пришлось пережить. А Савельев еще накатил им и себе плеснул коньячку из погребов Ходасевича – чтоб расслабились... Потому и сел сам за руль. Дима поместился рядом, на переднем сиденье, и все выпрашивал, выпрашивал своего приятеля о деталях дела Беркута.

– Как вам удалось его выследить-то – до самой дачи?

– Я ж тебе говорю, – отвечал благодный Савельев, – мы в милиции тоже иногда мышей ловим... Ты че думаешь, я сводки происшествий по области не читаю? Да я как твою фамилию в последней увидел, так сразу ребятам на здешней «земле» позвонил: мол, колите давайте по-быстрому раненого киллера... Вот они и раскололи... Узнали, что заказчик некто Беркут, охранник с югов...

– Как же они его раскололи? Мне он под дулом пистолета чушь нес.

– Как, как... Трубочку у капельницы пережали... Шучу, конечно. А то ты и вправду напишешь...

– На Беркута-то вы как вышли?

– А че на него выходить? Сегодня он значился в списке пассажиров, прилетевших в Белокаменную из Сочи, ну а после происшествия у вас на даче и бритому ежику стало бы ясно, зачем да к кому он в столицу подался. Я группу захвата там и развернул.

Дальше Татьяна слушала разговор мужчин вполуха. Они толковали о том, как ловко да скрытно сумела занять позиции группа захвата... Из какого оружия, с каким прицелом в темноте стрелял снайпер... И почему метил Беркуту в руку, а не бил наверняка, в голову...

Девушка сидела на заднем сиденье и клевала носом. После всего случившегося (плюс пятьдесят граммов коньяку) наступила чудовищная слабость. И ее сейчас совершенно не интересовали детали прошедшей спецоперации – пусть даже они непосредственно касались ее собственной жизни. И Беркут сейчас Таню не интересовал, и его дальнейшая судьба тоже. Будут ли его судить или признают невменяемым? Ах, какая разница!

Совсем другие вопросы волновали сейчас Садовникову. Что у них будет дальше с Димой? И вообще – что между ними было? Случайная встреча – или, быть может, это навсегда? Вернется ли он к своей библиотекарше? Достанет ли у него сил от нее уйти?

Но на все ее вопросы сейчас, наверное, не мог ответить никто: ни сама Таня, ни Дима, ни кто-нибудь другой на всем белом свете...

Наконец Татьяна задремала.

Ей ничего не снилось, но сон почему-то был сладким.

Людмила Ситникова

Гламурные розовые кролики

Одни люди от природы молчаливы, другие любят поговорить, но есть еще и третья категория граждан, у которых рот не закрывается ни на секунду. Вот именно к такой категории и относилась соседка Катарини Копейкиной – Вика Потапова. Девушка обладала удивительной способностью трещать без умолку несколько часов подряд и при этом совсем не уставала от собственной болтовни.

Причем болтала Виктоша обо всем на свете, молниеносно перескакивая с темы на тему. Например, она могла завести разговор о понравившейся кофточке, увиденной в магазине, а уже через мгновение перескочить на пересказ нового фильма.

Аналогичная ситуация получилась и в этот раз. Примчавшись к Катке, Вика плюхнулась на мягкий диван, поджала под себя ноги и начала с упоением рассказывать о своем новом парне, с которым познакомилась на дискотеке.

Катарина слушала соседку вполуха, гадая, когда Потапова закончит свое бесконечное повествование.

И вдруг Вика выдала:

– Катка, ты себе не представляешь, какой он пупсик! Лапочка! Сюсечка! У него такие красивые глазки! Такой забавный носик! А от хвоста я вообще прибалдела.

Катарина замерла. Это что-то новенькое: парень с красивыми глазками и забавным носиком – куда ни шло, но вот чтобы у парней имелся хвост... Н-да, не иначе Вика познакомилась с мутантом.

– Ты сказала – хвост?

– Ага, – как ни в чем не бывало кивнула Потапова. – Он у него маленький, но зато очень пушистый.

Стараясь говорить как можно спокойней, Катка попыталась зайти с другой стороны.

– Хм... А где, если не секрет, у него растет хвост?

– Как у всех – сзади. Зачем глупые вопросы задавать? Можно подумать, ты никогда в жизни щенков не видела.

– Щенков? – у Копейкиной отлегло от сердца. – Ты мне про парня своего рассказывала, при чем здесь щенки?

– Здравсте, я про Серегу уже все сказала, а потом про песика начала. Ты вообще меня слушала или в облаках витала?

– Не злись. Просто ты очень много говоришь, я не успеваю вникнуть.

– А вот Сережа успевает. К твоему сведению, он назвал меня самой очаровательной говорушкой на свете.

Несколько секунд Вика хранила гробовое молчание – что уже само по себе казалось странным, – а затем, взяв Катку за руку, с мольбой в голосе произнесла:

– Мне кажется, у нас с Сережей любовь. Я жить без него не могу. Когда мы не вместе, я хожу как в воду опущенная. Пропала я, Катка, ой пропала.

– Когда вы познакомились?

– Месяц назад. Но это совсем не важно, необязательно знать человека долгие годы, чтобы понять, что он твоя половинка. Сережа из обеспеченной семьи, ему двадцать пять лет, он студент, имеет шикарную тачку, одевается как денди и ни капельки не жадный. Вот! – Вика шмыгнула носом. – Нам было так хорошо вместе!

– Почему было?

– Понимаешь, когда мы познакомились, то первую неделю посещали исключительно ночные клубы и дискотеки. А потом... Сергей предложил мне... сблизиться. Должна сказать, что это желание было обоюдным. Но возникла проблема: где, собственно, проводить бурные ночи? У Сергея нельзя, его мать очень строгая женщина, она считает, что девушка должна вступать в брак девственницей. Старомодное суждение, но ведь человека уже не переделать.

– Ты видела его родителей?

– Нет, но Сережка мне про них много рассказывал. – Вика тяжело вздохнула. – Ко мне, сама знаешь, парня привести нельзя. Мать, отец, бабка и три сестры. Мы и так по квартире передвигаемся, как муравьи.

– Если твой Ромео такой богатый, он мог бы снять квартиру для встреч.

– Я не сказала, что он богатый, я говорила – обеспеченный. Это разные вещи. Да, у него есть деньги, но, очевидно, не так много, чтобы можно было снять жилье. Иначе Сергей бы сразу предложил такой вариант.

– Значит, вы еще не сблизились?
– Ошибаешься. Я взяла ключи у Верки. Она как раз на пару недель в Египет упорхнула, и в ее двушке мы с Сережей... О! Какой же он классный, Катка!
– Если все так хорошо, в чем проблема?
– В том, что Верка из Египта вернулась, ключики назад забрала, и теперь мы остались без любовного гнездышка. Поэтому я к тебе и примчалась.
– С ума сошла?! Я не смогу пустить вас к себе. Ты забыла про Розалию?
– Твою гламурную свекровь я не забуду, даже когда впаду в старческий маразм. Но ведь речь не о квартире. У вас есть коттедж в Подмосковье, дай мне на один денек ключики. Обещаю, мы с Серым ничего не разобьем, ничего не повредим и вообще воспользуемся только одной спальenkой. Самой-самой маленькой.
– У нас в коттедже нет маленьких спален, – машинально ответила Копейкина, осмысливая слова соседки.
С одной стороны, ключи дать не жалко. Она давно знает Викторию, ей известно, что Потапова девушка аккуратная, исполнительная, и в принципе вручить ей связку ключей можно безбоязненно. Но, с другой стороны, Катка совсем не в курсе, кто такой Сергей. А пускать в дом посторонних, да к тому же тех, кого ты так и не увидишь, довольно-таки рискованное мероприятие.
– Ну, Кат, – ныла Вика, – вы же все равно в Москве, коттедж пустует. А нам с Серым он позарез нужен. Каточка! Миленькая! Войди в мое положение.
Десять секунд спустя Катка проговорила:
– Когда соберетесь возвращаться в город, обязательно закрути все вентили в стояке, выключи свет и не забудь выключить плиту.
– Да она нам не нужна! Мы не ужинать туда отправимся. Катка, ты прелесть, я знала, ты не подведешь. Ну, давай, давай скорее ключики.
Протянув связку, Копейкина покосилась на дверь.
– Смотри, не проболтайся Розалии! Если она узнает, нам обеим крышка.
– Катусик, я молчок! Я рыба! – Хохотнув, Вика чмокнула Катку в щеку и выбежала в коридор.
В это самое время из своей спальни вышла Розалия Станиславовна. Посмотрев на Вику сверху вниз, она прохрипела:
– Потапова, ты вся светишься, неужели выиграла в лотерею десять миллионов баксов?
– Лучше! Я влюбилась!
– В кого? В сына Рокфеллера?
– Расскажу в другой раз. Мне некогда. Кат, еще раз спасибо за ключики, завтра днем занесу.
– О каких ключиках речь? – встрепенулась свекровь.
– От вашего коттеджа. Мне их Катка дала, чтобы нам с Сергеем было где провести романтическое свидание. Ой, я, кажется, не то сказала, да?
Копейкина показала Вике кулак.
– Ну ладно, я испаряюсь, – распахнув входную дверь, Потапова понеслась к себе.
Розалия уперла руки в бока.
– Кошмар! Ты отдала ключи и даже не соизволила проконсультироваться со мной. А вдруг ее парень болеет сифилисом? Вдруг он заразный и его требуется поместить в специализированное медучреждение закрытого типа?
– Перестаньте. Никто ничем не болеет.
– Ты уверена? А где, позволь спросить, результаты его анализов? Чем ты думала, дурья башка? Мне плохо! Мое гламурное сердце не выдержит! А-а-а... О-о-о... Ну чего ты стоишь? Немедленно неси мне гламурные капли.
– А как они называются?
– Идиотка! Они называются «Бейлиз». Только смотри, не переборщи. Думаю, капелек триста будет вполне достаточно.
Пожав плечами, Катарина потопала к бару – за гламурными «каплями».

* * *

В одиннадцать утра раздался звонок.

– Кат! – кричала Потапова. – Это я.

– Ты уже дома?

– Нет... пока еще у тебя в коттедже. Слушай, ты бы не могла за мной приехать?

– То есть?

– Я не знаю, как обратно домой возвращаться. Приезжай.

– А где Сергей?

– Все расскажу при встрече. – Вика отсоединилась.

Почувствовав неладное, Катарина схватила сумочку и выбежала из квартиры.

В Подмоскowie она приехала в начале первого. На участке стоял черный джип, а на крыльце, заламывая пальцы, тряслась Виктория.

– Почему ты так долго? – набросилась она на Копейкину. – Я места себе не находила.

– Что у вас стряслось?

– Не знаю, Катка, я ничего не понимаю. Вчера мы приехали в коттедж, Серега меня сразу в спальню потащил, он такой пылкий. В два часа мы заснули, а утром... Я проснулась в девять, а Сергея нет. Сначала подумала – он внизу, позвала, но никто не ответил. Я весь дом обыскала – пусто. Самое ужасное, что он ушел из дому босиком. Прикинь? Его туфли и носки остались лежать у кровати. Абсурд! И машина на участке. Не мог же Серый пешкодралом уйти? Да и с какой стати ему удирать?

– Почему ты не позвонила мне сразу?

– Надеялась, что он вернется. Постоянно трезвонила ему на сотовый – бесполезно.

– Домой звонила?

– Я номера не знаю. – Внезапно Вика вздрогнула. – Ой, вру, мне же Сережка несколько дней назад с домашнего позвонил.

Схватив сотовый, Потапова начала тыкать пальчиком по кнопкам.

– Сейчас-сейчас. Вот!

Трубку не снимали. Вика заревела.

– С ним беда стряслась. Катка, что теперь делать?

– Во-первых, не паниковать. Все это, конечно, очень странно, но попытаемся разобраться. Напиши мне его домашний телефон.

Пока Вика царапала на клочке бумаги цифры, Катарина обошла дом, а спустившись в гостиную, проговорила:

– Собирайся, мы возвращаемся в город.

По дороге Вика то и дело набирала номер Сергея.

– Почему он меня не разбудил? – сокрушалась девушка.

Ката притормозила.

– А ключи? Вчера вечером вы закрыли входную дверь?

– Конечно. Я лично замок закрывала. Ключики на журнальный столик положила, – Вика зажала рот кулаком. – Мамочки, утром же дверь была открыта, а ключи вставлены в замочную скважину!

– По крайней мере, теперь мы знаем, что Сергей покинул коттедж добровольно.

– Ты о чем?

Катка решила отмолчаться. Ситуация наиглупейшая. Девушка с парнем приехали за город, дабы с пользой провести время, и вдруг утром выясняется, что паренек испарился, причем испарился без обуви. Более того, он наплевал на свое авто, оставив его на чужой территории. На данный момент у Катки не имелось совершенно никаких мыслей и предположений, способных объяснить таинственное исчезновение Сергея.

Высадив Вику у подъезда, Копейкина вооружилась сотовым и принялась терпеливо давить на клавиши. На протяжении получаса телефон отзывался длинными гудками, но вдруг удача решила улыбнуться, и после очередного набора цифр Катарина услышала усталый женский голос.

Минуту спустя выяснилось, что голос принадлежит матери Сергея Сватова. Сообщив, что им необходимо встретиться, Катарина попросила даму продиктовать свой домашний адрес.

Не задавая лишних вопросов, Сватова назвала координаты и все тем же усталым голоском проговорила:

– Буду вас ждать.

* * *

Увидев жилище Сватовых, Катарина решила, что ошиблась адресом. Нет, ну а как иначе, если малогабаритная двушка выглядела так, словно в ней лет двадцать не проводился ремонт? Серенькие обои, судя по всему, клеили еще в советские времена, обшарпанный линолеум вообще стелили при царе Горохе, а

двери выглядели настолько убого, что практически не оставалось сомнений – здесь обитают малоимущие люди.

Ката собственными глазами видела иномарку Сергея, и, думается, можно не сильно лукавить, сказав, что человек, который приобрел такое дорогое транспортное средство, ни за какие коврижки не станет жить в столь «скромных апартаментах».

– Наверное, я ошиблась дверью, – Копейкина глупо улыбнулась, ожидая, что стоявшая перед ней сутулая женщина предпенсионного возраста закивает и скажет, в какой квартире можно найти Сватовых.

Но этого не произошло.

– Я Ирина Сватова, – апатично молвила женщина. – Мать Сергея. Вы звонили именно мне.

Сглотнув, Катарина еле выдавила:

– А где ваш сын?

– Я его не видела со вчерашнего дня. Что-то случилось?

– Нет-нет, просто я... Понимаете, наверное, все-таки произошла ошибка. Тот Сергей, который мне нужен, живет в более... комфортабельных условиях. У него есть дорогой джип, а еще он...

– Так мой Сережа и ездит на дорогом джипе.

– Как?

В этот момент из комнатки вышла плотно сбитая девица и, равнодушно взглянув на Катку, буркнула:

– Ирина Леонидовна, я пойду. Спасибо за журнальчики.

– Не за что, Валюша. Как Сереженька приедет, я скажу, чтобы зашел к тебе.

Далее Ката завалила Сватову миллионом вопросов и теперь пребывала, мягко говоря, не в себе. Вкратце рассказ Ирины выглядел следующим образом.

Сергей Сватов в принципе был парнем неглупым, но его очень рано одолела лень-матушка. После окончания школы Сережка не захотел продолжать обучение – хотя вполне мог поступить в один из вузов, – а вознамерился стать рабочим человеком. За пять лет Сергей сменил восемь профессий, парня постоянно что-то не устраивало, и он, как говорится, находился в вечном поиске.

Ирина Леонидовна, вырастившая сына без мужа, трудится на двух работах. С сыном практически не общается – Сергей редко бывает дома. Где и с кем проводит время – неизвестно.

А недавно Сергей сообщил матери, что встретил своего школьного приятеля – Антона Рожкина. До девятого класса пацаны просидели за одной партой, а потом у отца Рожкина бизнес пошел в гору, и семейство перебралось жить за город. И вот спустя почти десять лет ребята случайно столкнулись в центре столицы. Антон вышел из машины купить пачку сигарет, а Серега стоял недалеко от палатки, пил пиво.

Как и полагается, встречу обмыли, поностальгировали по школьным временам, обменялись номерами мобильных и стали частенько созваниваться.

– А потом Антоша дал Сергею свою машину, – заключила Ирина. – Оформил на него доверенность, все как полагается. Мне Сергей рассказывал, что Рожкин-старший теперь миллионами ворочает. Успешный бизнесмен! И Антоша, видать, по его стопам пойдет, он сейчас на пятом курсе учится. Между прочим, Антон не только машину Сереже дал, но еще и денег по старой дружбе подкидывает, – Сватова смутилась. – Сереженька теперь хоть приоделся, стал таким модником.

– Он не работает?

– Ищет работу, – уклончиво ответила Ирина. – Сейчас не так легко на высокооплачиваемое место устроиться.

Катка переваривала услышанное. Ситуация немного прояснилась. Сергей Сватов, парень без гроша за душой, бездельник и лентяй, встретил друга, который начал спонсировать его деньгами. Сергей времени зря не терял. Приоделся, сел за руль шикарной тачки и познакомился с Викой Потаповой, представившись сыном обеспеченных родителей. Теперь понятно, почему у голубков не было постоянного места для свиданий. Сергей не имел денег, чтобы снять жилье. Но возникает еще парочка вопросов: во-первых, где сейчас Сватов, а во-вторых, с какой стати Антон Рожкин выступал в качестве доброй феи, снабдив бывшего одноклассника машиной и ассигнациями?

– Ирина Леонидовна, а кто та девушка, которая вышла из комнаты?

– Валюша. Наша соседка, она живет напротив. Моя несостоявшаяся невестка. Любит Валька моего Сережку с первого класса, бегаёт за ним хвостиком, а он, балбес, внимания на нее не обращает. А Валька невеста завидная, у нее и машина есть, и дача, и с работой повезло. Валюша у нас дипломированный психиатр. Это у них семейное. У Вали и отец, и дед тоже с медициной связаны были. А про деда вообще легенды ходили. Моя мать была с ним знакома и всегда называла его вторым Мессингом. Говорила, он мог загипнотизировать любого! Даже того, кто гипнозу не подвластен. Представляете?

– В какой квартире живет Валя?

– Я же сказала, ее дверь напротив.

* * *

Валентина оказалась менее разговорчивой, чем Сватова. Когда Катка предложила поговорить, девушка фыркнула и заявила:

– Я вас знать не знаю.

Пришлось выложить правду об исчезновении Сергея.

Валя побледнела.

– Ушел босиком? Но куда?

– Это я и пытаюсь выяснить.

– Маразм! Надо срочно заявить в милицию.

– Я хотела сначала переговорить с его родными.

– Что вы сказали Ирине?

– Ничего. Она ни о чем меня не спрашивала.

– Узнаю Ирину Леонидовну! Выболтает все на свете и даже вопроса не задаст. А вот вы поступили очень мерзко, когда дали своей соседке ключи от коттеджа. Устроили у себя публичный дом.

– Они любят друг друга, – возразила Катка.

– Ха! Любят! Не смешите меня. Сережка сам пока не знает, чего хочет. Путается с разными особами, а меня в упор не видит. Я его уже давно люблю, мне никто не нужен, кроме него. Сто раз предлагала Сергею жить вместе, сулила золотые горы, мол, и счастье у нас будет, и достаток, ты только согласишься взять меня в жены.

– А он?

– Смеялся. Говорил, что на роль соседки я подхожу идеально, но в качестве жены он видит другую девушку. Урод! Пришлось смириться с мыслью, что Серега никогда не будет моим, – Валя стиснула зубы. – Допрыгался. Где теперь его искать? Спутался с этой крысой – ни рожи ни кожи! Дядя Степа в мини-юбке!

– Напрасно ты обливаешь Вику грязью. Она не крыса, а насчет дяди Степы вообще перебор. Вика едва доросла до метра шестидесяти.

– Не знаю, о какой Вике речь, но я видела Серого в компании двухметровой вышки.

– Где и когда?

– Месяцев шесть назад, он тогда еще без колес был. Я частенько за ним по вечерам следила, – Валентина с вызовом посмотрела на Катку. – И не вижу в этом ничего зазорного! Ясно? Они все чаще по дешевым барам таскались. Пивом накачивались и к ней домой на автобусе хреначили.

– Для чего ты за ними следила?

– Не ваше дело, – Валя зло сверкнула глазами.

– Вика сказала, они знакомы месяц, значит...

– Значит, Серега запал на очередную потаскушку, а я опять в пролете.

Возразить Катарина не успела. В прихожей хлопнула дверь, и спустя несколько секунд в комнате Валентины нарисовалась низкорослая толстушка, от которой за версту несло перегаром.

– Доча, я дома, – заплетающимся языком проблеяла родительница.

– Снова накачалась? – взвизгнула Валя.

– Мы с Зинкой по рюмашке опрокинули. Че ты! У нее зять родил... То есть родился сегодня. Ну... не сегодня прям, а тогда еще... тридцать лет назад. Но в этот самый день. Вот! – высказалась толстушка.

Вскочив, Валентина подлетела к матери и, глядя ей в глаза, отчеканила:

– Немедленно разворачивайся и топай в большую комнату!

Секунд десять мамаша молча стояла, уставившись на дочь, а затем, выпрямившись, развернулась и как-то неестественно пошла по узкому коридорчику. Валя шествовала за ней.

Заинтригованная такой покорностью, Катка тоже посеменила по коридору.

В комнате мать остановилась у кровати.

– Садись, – гудела Валя.

Женщина села.

– Теперь ложись. Укрывайся одеялом. И спи!

Разинув рот, Катарина гадала, каким образом Валентине удалось так выдрессировать мамашу, что та по первому требованию дочери выполняет все ее приказы. Другая бы пьянчужка встала на дыбы, начала качать права, материться, а эта... Чудеса, да и только.

– Она всегда тебя слушается? – спросила Копейкина, когда они вновь оказались в комнатке девушки.
– Когда приказываю – всегда.
– И часто приказываешь?
– Случается. А ты разве не поняла? – она перешла на «ты». – Я ведь мамашку загипнотизировала.
– Как?!

– Очень просто. Я же не какая-нибудь Маня из деревни. Я человек ученый – далеко не глупый. Да у нас в семье все гипнозом владели: и папка, и дядька, но в особенности дедуля. Дед был первоклассным психиатром. Академик! Мечтаю пойти по его стопам.

Катке сделалось не по себе. Решив как можно быстрее ретироваться, она потопала к двери.
– Погодь. Что с Серегой-то делать? К ментам бежать надо.
– Непременно. Я отправлюсь к ним сразу, как только выясню одну важную деталь.

Прежде чем выйти на улицу, Копейкина нанесла повторный визит Ирине Сватовой. Ей требовался адрес или телефон Рожкиных. И снова Ирина не задала ни единого вопроса. Она провела Катку в комнату сына и достала с полки яркую визитку, на которой значилось: «А. В. Рожкин». Ниже прилагались номера двух мобильных телефонов.

* * *

Въезд в поселок преграждал шлагбаум. Лениво поинтересовавшись, к кому направляется Копейкина, тучный охранник кивнул:
– Нормалек, я предупрежден.

На участке Рожкиных также имелась своя охрана. Стоило Катке надавить на клаксон, как высоченные ворота начали медленно разъезжаться.

Выключив зажигание, Катарина открыла дверцу авто и увидела, как к ней со всех ног несется немецкая овчарка. Собака была настроена дружелюбно – об этом свидетельствовал непрестанно виляющий хвост.

И вдруг раздался пронзительный женский крик:
– Дверцу! Закрывайте быстрее дверцу!

Ката растерялась. Воспользовавшись ее замешательством, собака в мгновение ока запрыгнула на переднее сиденье, осмотрелась и, схватив в зубы коробку из-под диска, дала деру.

– Стоять! Стой, я тебе сказала! – негодовала показавшаяся на лужайке женщина.

Но псина неслась по сочному газону, а потом скрылась в кустах жимолости.

– Я же вас предупреждала, – с укором произнесла незнакомка, приблизившись к Катке. – Дверцу надо закрывать сразу, иначе Поганка обязательно запрыгнет в салон и чего-нибудь стащит. Что она на этот раз утащила?
– Диск. Вернее, только пустую коробочку.
– Паразитка! Совсем собака распоясалась, никого не слушает – разбаловалась до безобразия. И ведь самое интересное, что никто понятия не имеет, куда Поганка вещи таскает. Мы весь участок обыскали – ничего. Зарывает их, что ли? Черт ее знает. И ночью от нее покоя нет. Если в доме находится, начинает носиться по коридорам как оглашенная, на улице гавкает на всю ивановскую, а в домик охранника вообще наотрез заходить отказывается. Соседи уже на нас косо смотрят, считают, что мы Поганку лупим нещадно, вот она и воет.

– Странное имечко для собаки.
– Для нее самое подходящее. А вы к Антоше приехали? – мило заулыбалась женщина. – Он вас ждет. В библиотеке. Мальчик много занимается, он у нас очень ответственный. Диплом пишет. Пойдемте, я вас провожу.

Пока они шли по дорожке, дама успела представиться. Ее звали Ниной Васильевной, она была тещей Рожкина-старшего, следовательно, Антону приходилась бабушкой.

В просторной гостиной Нина кивнула на дубовую дверь:
– Там у нас библиотека. Проходите, не стесняйтесь.

Ответственный мальчик Антон занимался довольно своеобразно. Откинувшись на спинку кресла, парень задрал ноги на стол и, смоля сигаретку, двигал головой в такт льющейся из наушников музыке.

Заметив Катку, он усмехнулся и вытянул вперед руку, указывая на стул.
– Ты Катарина, – пробасил он, снимая наушники.
– Она самая.
– А я Антоха. Будем знакомы. Слушай, а чего ты там по мобиле про Серого говорила? Я ни черта не

понял: какой-то важный разговор, дело жизни и смерти.

Ката пересказала историю исчезновения Сватова.

– Во дает! – воскликнул Антон. – И куда этот дурень мог босиком отправиться? В ментовку уже заявили?

– Пока это делать бесполезно, заявление примут лишь спустя три дня после того, как человек пропал.

– А тачка где?

– Стоит на моем участке. Кстати, касательно тачки, от матери Сергея я узнала, что машиной друга снабдил ты. Это правда?

– Ну да. Серега сам машину попросил.

– И ты сразу написал ему доверенность?

– Доверенность на тачку и баксы были платой Серому за его усердие.

– Не поняла.

Антон затушил окурок.

– Я когда Серегу встретил, обрадовался до свинячьего визга. Он же у нас в классе был самым башковитым. С золотой медалью школу кончил. Ему бы в институт поступить, а он начал на образование. Занимался неизвестно чем.

– Куда ты клонишь?

– Я как-то обмолвился Серому о своем дипломе: мол, геморрой полный, не соображаю ничего, как писать, ума не приложу. А он темой поинтересовался. А потом так хитренько заулыбался и говорит, что может за меня диплом написать. Я сначала не поверил, но Серый не врал. Котелок у него варит – будь здоров. Мы с ним быстренько устное соглашение заключили. Я ему в месяц полторы штуки баксов плачу и забываю про диплом.

– А машина? – напомнила Катка.

– Машину Серега попросил около месяца назад. Он с девушкой познакомился, захотел произвести на нее впечатление, выдав себя за парнишку с деньгами. А мне не жалко, у нас в гараже девять тачек ржавеют. Ездить на них некому. У меня самого четыре авто, меняю их по настроению. Я даже обрадовался, что у Сереги девушка появилась. Ему необходимо было отвлечься, чтобы забыть Жанку.

– Кто такая Жанна?

– Бывшая девушка Серого. Любил он ее очень, даже жениться собирался. Они были знакомы около полугода, но, по словам Серого, ему казалось, что он знает Жанку всю жизнь. Хорошая девчонка, на фотомодель чем-то походила: высокая, красивая, неглупая.

– А почему они расстались?

– Четыре месяца назад Жанка покончила жизнь самоубийством. Представляешь, ни с того ни с сего сиганула с крыши. Ночью забрела на приостановленную стройку, забралась на шестой этаж и... вниз грохнулась. На Серого было страшно смотреть, да мы все в шоке были. За два дня до ее гибели мы втроем в ночном клубе зависали, Жанка говорила, что на работе ей повысили оклад, смеялась, шутила. И вдруг... Честное слово, ее будто кто заколдовал. Другого объяснения я не нахожу. Серого ее смерть подкосила, он даже мой диплом на время забросил. Слава богу, потом встретил Вику.

– А зачем он наврал ей про свое материальное положение?

– А кому приятно признаваться в том, что ты безработный парень, не имеющий ни сбережений, ни отдельного жилья, ни тачки? С Жанной он познакомился еще до встречи со мной, там не было смысла вешать лапшу на уши, а Вике он решил пустить пыль в глаза. Говорит, если полюбит, то ей будет безразлично, богат я или беден. С машиной я Серому помог, деньгами тоже не обижаю, все у них идет тип-топ.

«Не совсем тип-топ, – думала Катка. – Иначе Сергей не драпанул бы из коттеджа утром, забыв надеть носки и туфли».

А тут еще некая Жанна, покончившая жизнь самоубийством. Странно, очень странно. Ну с какой стати здоровая девушка, у которой есть любимый парень, хорошая работа и прочие прелести беззаботной жизни, отправилась на заброшенную стройку?

Катарина прикрыла глаза. Непонятно, но когда Антон произнес слово «заколдовали», Ката почему-то вздрогнула. В голове что-то щелкнуло и тут же забылось.

– Антон, что тебе еще известно про Жанну?

– Немного. Она работала продавцом-консультантом в магазине женской одежды на Ленинградском проспекте.

Копейкина быстро занесла название магазина в блокнот.

– А ее семья?

– Вроде жила с родителями и младшей сестрой. Это, пожалуй, все.

Когда, попрощавшись, Катарина вышла в гостиную, Антон крикнул:

– А как быть с моей тачкой? Я могу ее забрать?

– Наверное, да, – неуверенно ответила Копейкина. – Когда надумаешь, позвони мне на сотовый.

На улице Катарина помахала рукой Нине Васильевне. Бабушка Рожкина виновато крикнула:

– Вы уж извините, но нам вряд ли удастся найти коробку от вашего диска. Считайте, она пропала в Бермудском треугольнике.

– Ничего. Невелика потеря.

Нина Васильевна хотела спрятать выпавшую прядь волос в бейсболку, но в этот момент рядом с женщиной нарисовалась Поганка. Встав на задние лапы, овчарка ловко стянула головной убор и бросилась наутек.

– Верни! Верни бейсболку, дрянь такая! Поганка! Владимир! Володя!

Из-за угла показался встревоженный охранник.

– Володя, немедленно посади эту сволочь на цепь! Немедленно!

Кивнув, охранник нахмурил брови и двинулся на Катку. Схватив ее за руку, он прогудел:

– А ну топай!

– Эй-эй, вы с ума сошли?! Что вы себе позволяете?!

– Вас велено на цепь посадить. Слышали, что сказала Нина Васильевна? Шевели граблями!

– А-а-а! – заорала Катка.

– Володя! – Нина топнула ногой. – Что ты делаешь?

– Так на цепь сажаю!

– Кого?!

– Так сволочь. Вы же сами попросили.

– Ты дурак, Вова! Поганку на цепь посади. По-ган-ку!

Охранник покраснел.

– Ой, извините, – заблеял он. – Ошибочка вышла.

– Да уж, ошибочка, – шипела Катка, растирая ноющее плечо. – Принять меня за сволочь и приковать к цепи... Хороша ошибочка, ничего не скажешь!

Выслушав от Нины Васильевны океан извинений, Катарина побрела к «Фиату». Поганка уже сидела у передней дверцы.

– Отойди, – обиженно проговорила Копейкина. – Из-за твоих выкрутасов меня едва не покалечили.

Овчарка начала гавкать. Тут же раздался голос Нины:

– Вова, вон она! Держи гадину!

Поганка понеслась вдоль дома, Владимир побежал к «Фиату».

– Гадинка не я! – заголосила Катка. – Нина Васильевна имела в виду Поганку. По-ган-ку! Она за угол особняка забежала.

В себя Катарина пришла, лишь когда покинула территорию элитного поселка.

* * *

В понедельник утром к Катке прибежала зареванная Вика.

– Вчера вечером я позвонила домой Сергею, его мать согласилась встретиться со мной. Я поехала, и... выяснилось, что Сережа жил очень бедно... Он... Он обманывал меня.

– Сядь на диван, я тебе все объясню.

– Не надо ничего объяснять! – ревела Потапова. – Когда мы с Ириной Леонидовной разговаривали, позвонили из милиции. Труп Сергея Сватова был обнаружен на заброшенной стройке. Во внутреннем кармане джинсовки лежал паспорт. Ирину Леонидовну попросили приехать в морг на опознание. Я ездила с ней... Ката, это Сережа! Он покончил жизнь самоубийством!

Невероятно, но Сергей свел счеты с жизнью на той самой стройке, где совсем недавно умерла Жанна.

Катка впала в ступор. Начались суетные дни. Ее несколько раз вызывали к следователю, где она по пять раз пересказывала историю о том, как вручила Вике Потаповой ключи от собственного коттеджа.

Но больше всего ее выбило из колеи заявление следователя, что Сергей Сватов покончил жизнь самоубийством. Ведь на самом деле такого не могло произойти в принципе! И тому есть множество объяснений. Чтобы добраться от коттеджа до стройки, нужно потратить не менее часа, и то при условии, что вы сидите в салоне машины, а не трясетесь в общественном транспорте. Уже неувязка. У Сергея была

машина, и если он решил покончить жизнь самоубийством именно на том месте, где погибла его любимая девушка, то он бы обязательно воспользовался джипом. Идем дальше. Какой нормальный человек выйдет из дому босиком? Пусть даже для того, чтобы свести счеты с жизнью. Джинсы-то Сергей натянул, рубашку надел, более того, даже не позабыл нацепить джинсовку. А обувь проигнорировал. Странно. Ну не заколдовали же его, в конце концов!

И опять Катарина вздрогнула. В голове загудело и, казалось, вот-вот всплывет нечто важное, но... К большому сожалению, нужная мысль опять ускользнула.

* * *

Бывшие коллеги Жанны – миловидная Леночка и красавица Тамара – в один голос твердили, что Жанка была не из тех, кто добровольно расстается с жизнью.

– Кто угодно, только не она, – безапелляционно заявила Лена. – У Жанны был стальной характер, она никогда в депрессию не впадала.

– Подтверждаю, – вмешалась в разговор Тома. – Любые проблемы Жанка встречала с улыбкой на устах. Она попросту не обращала на них внимания.

– Девчонки, а вы знали, что у Жанны есть парень – Сергей?

– Конечно. Видели его несколько раз, он к нам в магазин приезжал.

– Красивый парень. Для полного счастья ему денег не хватает.

– Между ним и Жанной не возникало ссор?

Лена нахмурила лобик.

– Не могу точно ответить на ваш вопрос. Хотя... Не думаю. По словам Жанки, у них все было в шоколаде.

– А если даже и ругались когда, – шмыгнула носом Тома, – так ведь живые люди. С каждым может случиться.

Из магазина Катка уехала ни с чем. Что, собственно, она узнала? Что Жанна не впадала в депрессию и не устраивала по каждому поводу истерик? Что ни разу не поругалась с Сергеем? Информации ноль, а вот вопросов миллион.

И ответы на них Катарина начала получать два дня спустя, когда приехала домой к родителям покойной.

Дверь открыла сестра Жанны – Олеся. Сообщив, что родителей нет дома, девушка пригласила Катку на кухню и после десятиминутной исповеди гостьи выпалила:

– Ленка с Томкой не соврали, Жанна и Сережа никогда не ссорились. – Затем последовала длинная пауза, и Олеся едва слышно прошептала: – За исключением того рокового дня.

– О каком дне речь?

– Моя сестра полагала, что, встретив Сергея, наконец обрела свою долгожданную половинку. Почти каждую ночь Жанка надоедала мне рассказами о парне, непрестанно перечисляя все его достоинства. Но вскоре от сестры я узнала о встрече Сережи с бывшим одноклассником Антоном. И вот с этого момента Жанна стала другой. Она загрустила, захандрила, а когда говорила о Сережке, в ее глазах уже не было блеска. Прижав Жанку к стенке, я услышала правду – она влюбилась в Антона Рожкина. Теперь я была вынуждена каждый вечер слушать ее рассказы о богатстве и связях Антона, о его перспективности, и так далее... Разумеется, Сергею Жанна ничего подобного не говорила, да и Рожкину не спешила признаваться в любви. На отчаянный разговор она решилась чуть позже. В тот день она попросила меня не отходить от телефона и, в случае если позвонит Сергей, сказать парню, что она неважно себя чувствует и не может взять трубку. Жанна даже сотовый дома оставила.

– А сама отправилась на встречу с Рожкиным? – спросила Катка.

– Верно. Она позвонила Антону, попросив разрешения приехать к нему домой. По закону подлости, в шесть часов к нам пожаловал Сергей. Я жутко перепугалась, стояла в коридоре как идиотка и лепетала про Жанкин недуг. Слава богу, он не собирался врваться в нашу комнату и быстро ушел, – Олеся сглотнула. – В одиннадцать вернулась Жанна – зареванная, с воспаленными глазами. Оказывается, сразу от нас Сергей поехал к Рожкину. Услышав, что Жанна больна, он решил скоротать вечерок в компании друга. А в особняке Сергей застал Жанку. Представляете его реакцию?

– Могу только догадываться.

– Вспыхнула ссора. Серега наговорил Жанке кучу гадостей, Антону в челюсть заехал, а тот только твердил, что все совсем не так, каким кажется на первый взгляд. Жанна несколько дней с Сережкой не

встречалась, звонки по мобильнику игнорировала. Через неделю она сообщила мне, что вечером собирается встретиться с парнями и расставить все точки над *i*. Она планировала переговорить с Сергеем начистоту и признаться в чувствах к Антону.

– погоди, а для чего звать на встречу самого Антона? Ну, захотела расстаться со Сватовым, так встретишься бы с ним тет-а-тет. Или она намеревалась с одним порвать и сразу же броситься в объятия другого?

– Именно так.

– Это глупо. Антон мог не разделять ее позицию. Извини, но, возможно, твоя сестра и даром была ему не нужна.

– Нужна! – закричала Олеся. – Ведь идея собраться всем вместе и поговорить исходила от самого Антона. Он попросил Жанну позвонить Сережке.

– Час от часу не легче. Выходит, Антон имел виды на Жанну?

– Выходит, так.

– Что было дальше?

– Я не знаю, до чего они договорились, – после встречи Жанка не стала со мной откровенничать. А через два дня она покончила жизнь самоубийством.

* * *

Катка рулила в коттеджный поселок к Рожкиным, намереваясь без обиняков спросить у Антона, с какой стати он вешал ей на уши лапшу. Ведь ни словом не обмолвился, что незадолго до самоубийства Жанна рассталась с Сереем. Умолчал, что девушка собиралась переметнуться к нему, забыл упомянуть и про откровенный разговор с Жанной и Сватовым. Ну ничего, больше Катка не позволит обвести себя вокруг пальца. Она узнает правду, чего бы ей это ни стоило.

Когда Владимир открыл ворота, Катарина была настолько погружена в собственные мысли, что напрочь забыла про Поганку. А овчарка времени даром не теряла. Затаившись в кустах, псина ждала, когда гостя выйдет из машины.

Как на грех, у Копейкиной затрезвонил мобильник. Произнеся «Алло», Ката вскрикнула.

Поганка подлетела настолько внезапно, что сотовый, выпав из рук, благополучно шмякнулся в траву.

Схватив трубку в зубы, Поганка улетучилась.

– Володя! Володя, ты это видел?! Мой сотовый! Его немедленно нужно найти! Там все телефоны... Боже! Я без него как без рук. Володя, ну сделай что-нибудь!

Пока охранник соображал, какие шаги необходимо предпринять, из-за угла особняка выскочила довольная Поганка.

– Иди сюда! – проорал Владимир.

Овчарка громко тьякнула.

– Поступим следующим образом, – Катарина взяла мужика за руку. – Дай мне свой мобильник, и я буду ходить с ним по всему участку.

– Зачем?

– Искать собственный сотовый. Наберу номер и начну прислушиваться.

Закипая от злости, Катка взяла телефон охранника и потопала в ту сторону, куда моталась неугомонная Поганка.

Слабую трель она услышала, приблизившись к двухэтажному кирпичному строению, служившему Рожкиным то ли баней, то ли домиком для гостей. С трех сторон постройка была окружена густым колючим кустарником, пробраться сквозь который не представлялось возможным. Но желание вновь заполучить телефон было настолько жгучим, что Катка, наплевав на длинные иголки, начала пробираться вглубь. Обогнув одну сторону дома, она застыла в изумлении. Чего здесь только не было! На метровом пятачке валялись размокшие от дождя журналы и несколько книг в мягкой обложке. Рядом покоилась вязаная шапочка и бейсболка Нины Васильевны. А еще коробочка из-под диска, мочалка, курительная трубка, сдутый мячик, резиновая игрушка, серебристая рамка, упаковка йогурта, пульт от телевизора, наушники, половник, статуэтка и многое другое. Похоже, Поганка тащила сюда что ни попадя. Это, так сказать, был ее личный склад украденных вещей.

Наклонившись за надрывающимся сотовым, Катка заметила розового кролика. Перед глазами замелькали черные точки, сердце едва не вырвалось из груди. Осторожно отогнув кролику одно ушко, она тяжело задыхалась и, забыв про мобильник, начала выбираться из потайного местечка Поганки.

- А я вас уже обыскался, – произнес шагающий навстречу Владимир. – Сотовый нашли?
– Э... Нет... Да.
– Не понял.
Копейкина побежала к «Фиату».
– Эй, а вы разве не к Антону приехали?
– Да... К нему... Вернее... Я приеду позже.

* * *

На протяжении часа Катарина вела бурную дискуссию с сухощавым следователем. Сначала он отмахивался, потом начал прислушиваться и в конце концов вместе с поджарым лейтенантом согласился навеститься в особняк Рожкиных.

Ступив в гостиную и увидев развалившегося на диване Антона, Копейкина быстро проговорила:

– Я не знаю, как в действительности умерла Жанна, но в том, что ты причастен к убийству Сергея Сватова, не сомневаюсь.

Гневный ответ Антона прервал следователь.

– Катарина Бориславовна утверждает, что у нее имеются неопровержимые улики.

– У нее? Да кто она вообще такая? Какие улики? Вы знаете, в чей дом ворвались? Да мой отец вас в порошок сотрет!

– Не горячись, – Катка вышла на крыльцо. – Следуйте все за мной. Правда, прежде чем увидеть улику, вам придется пожертвовать своей одеждой, но это того стоит.

Остановившись у кирпичной постройки, Катка кивнула на кусты.

– Надо пробираться туда.

– Разве вы не видите, она ненормальная! – голосил Антон. – У нее крыша поехала!

Первым «в путь» отправился лейтенант, далее сквозь кусты пробирался следователь, затем Катка и, наконец, Антон.

Разместившись на пяточке, Копейкина ткнула ногой в розовую тапочку в виде кролика, посмотрела на Антона и спросила:

– Узнаешь?

Рожкин уставился на тапочку.

– Ч-что это?

– Обыкновенная тапочка, – ответил лейтенант.

– Нет, она не обыкновенная, вернее, не совсем обыкновенная. Я со всей ответственностью заявляю, что данная тапка принадлежит мне.

– А как она здесь оказалась?

– Собака Рожкиных – большая любительница тащить приглянувшиеся вещишки в свое потайное место.

– Намеряете, она принесла сюда тапку из вашего дома?

– Скорее всего, она утащила ее из машины Антона, когда тот вернулся домой. А вот как мои тапки попали в его авто – надеюсь, он нам сейчас объяснит.

– Не буду я ничего объяснять. Эта баба чокнутая! Неужели вы ей верите? Тапка может принадлежать кому угодно, такого дерьма сейчас на каждом шагу навалом.

Следователь сурово покосился на Катку.

– У меня есть свекровь, – начала Копейкина. – Она дама экстравагантная, да к тому же помешана на гламуре. Она и меня пытается превратить в гламурную особу, но, увы, у нее ничего не получается. Так вот, когда я приобрела симпатичные розовые тапочки в форме кроликов, Розалия заявила, что они выглядят как дешевка. А потом, недолго думая, она приказала нашей помощнице по хозяйству Наталье вышить на каждом кроличьем ушке монограмму. По ее словам, после этого тапки стали выглядеть намного гламурней. В шутку я их так и называла – гламурные розовые кролики. Если вы отогнете ухо кролику, то увидите вышитые инициалы – «КК». Что означает – Катарина Копейкина.

Лейтенант нагнулся.

– Она права. Есть монограмма.

– Из моего коттеджа в этих тапках мог уйти только Сергей Сватов. И раз один из кроликов оказался здесь – значит, Антону есть что нам рассказать.

– Это подстава! – завизжал Рожкин. – Она специально приволокла из своего дома тапку и подбросила ее мне. Меня оклеветали!

– Антон, за кого ты меня принимаешь? И потом, если бы я хотела тебя оклеветать, я бы подбросила тебе не собственную тапку, а ботинок Сергея. Я же говорила, что его обувка осталась у меня в коттедже. Мне кажется, у тебя нет выбора, придется сказать правду.

Антон сжал кулаки, закрыл глаза, а затем завопил:

– Хорошо! Я расскажу! Все расскажу! Но имейте в виду, это будет чистосердечное признание. Я сам... Сам решил во всем признаться.

Вздыхнув, Катарина провела рукой по взмокшему лбу.

* * *

После того как Жанна с Антоном сообщили Сергею о своих чувствах друг к другу, Сватов впал в прострацию. Он ожидал чего угодно, но только не подобного откровения. В глубине души Сергей ни минуты не сомневался – Жанна перешла в другой лагерь не по любви, она польстилась на деньги Рожкина.

Два дня Сергей промаялся дома, прокручивая в голове всевозможные планы мести, а затем решил встретиться с Антоном. Мобильники друга были отключены, и Сергей набрал номер особняка. Уже через минуту Нина Васильевна говорила, что Антон уехал в московскую квартиру и, судя по всему, останется там с ночевой. Адрес столичных апартаментов она продиктовала Сергею с превеликим удовольствием.

Выпив у метро банку пива, Сватов побрел в сторону высотки. Пока лифт поднимал его на двенадцатый этаж, парень судорожно гадал, как лучше поступить: дать Рожкину в морду сразу, как только тот откроет дверь, или сначала все-таки стоит зайти в квартиру?

И вот Сергей уже у обитой бежевой кожей двери. Открывать не спешили, хотя Сватов отчетливо слышал доносившийся из квартиры шум. Через минуту он начал тарабанить в дверь кулаком.

– Антоха, я знаю, что ты здесь! Твоя бабка мне все рассказала. Открывай! Я все равно не уйду.

Бледный Рожкин появился на пороге спустя пару минут.

– Че так долго не открывал? – Сергей оттолкнул друга в сторону и по-хозяйски прошествовал в холл. – Ну, чего уставился? Приглашай в гостиную, угощай коньячком.

Антон не двинулся с места. На секунду даже показалось, что Рожкин окаменел.

– Серег, понимаешь... Я тут... Не один. Я с Жанной.

– А! Жанка уже согласилась стать твоей навеки? Круто! Меня она к себе целый месяц не подпускала. Оно и понятно, у меня денег нет, это вам, богатеньким папенькиным сыночкам, все подается по первому требованию.

Сергей подмигнул Рожкину и направился в гостиную.

– Хочу поздороваться с Жанет. Эй, Жанка, не хочешь сказать бывшему парню привет? Жанка, чего молчишь, язык проглотила? Ой, а ее здесь нет. Неужели она в спальне?

– Не заходи туда, – выдохнул Антон, но было поздно.

Сватов распахнул дверь и вздрогнул.

– Что с ней? – заорал он. – Почему она лежит на полу?

Антон сел на корточки, обхватил голову руками и заплакал.

– Жанка умерла. Я не хотел, все вышло случайно. Она открыла шкатулку матери, начала рыться в драгоценностях, а я... Я оттолкнул ее. Жанна упала и... умерла. Смерть наступила мгновенно. Это ведь несчастный случай, правда? Серега, я не хочу в тюрьму! Помоги мне! Помоги! Я хорошо заплачу. Каждый месяц по полторы штуки баксов. Клянусь! Без обмана.

Через минуту Сватов пробасил:

– Три тысячи!

На протяжении двух часов они решали, как лучше поступить с трупом. Сначала планировали отвезти тело в лес, затем возникла идея скинуть покойницу в речку, и вдруг у Сергея загорелись глаза.

– Я знаю одну заброшенную стройку. Можем все обставить так, будто бы Жанна покончила жизнь самоубийством.

Поздней ночью они сбросили безжизненное тело девушки с высоты шестизэтажного дома.

Возвращаясь назад, Сергей задал себе вопрос, а любил ли он по-настоящему Жанну, если согласился помочь Рожкину за три тысячи долларов в месяц? Вопрос так и остался без ответа.

Антон слово сдержал. Сергей ежемесячно получал деньги, и обоим казалось, что самое страшное уже позади.

Но жизнь непредсказуема. Сергей познакомился с Викой. На следующий день он приехал к Рожкину и заявил, что ему нужна машина. Причем заявил он это в приказном тоне. Против машины Антон не возражал,

но у него появился первый страх. Сватов начинает чувствовать себя хозяином положения, а это опасно, очень опасно.

Не прошло и трех дней, как Сергей вновь дал о себе знать.

– Мне мало трех тысяч в месяц, накинь еще пятьсот зеленых. Плюс мне нужна квартира для встреч с Викой, не поделишься ключиками от своих хором?

– Квартира не моя, там часто среди недели появляется отец, да и мать не всегда в особняке ночует.

– О'кей! Ограничимся прибавкой.

Дальше – больше. Перед тем как Сергей с Викторией отправились в коттедж к Копейкиной, Сватов в очередной раз проявил непомерную жадность.

Услышав, что теперь с него требуют четыре тысячи, Антон вспыхнул:

– Тебя заносит!

– Ты мой должник. Не забывай, я ведь и в ментовку могу накапать.

– Ты сообщник. Если меня арестуют, ты пойдешь следом.

– Значит, будем сидеть в одной камере, – засмеялся Сватов.

Вечером, приехав в коттедж, Сергей скинул в гостиной джинсовку и, взяв Вику на руки, понес ее на второй этаж.

Все это время машина Рожкина следовала по пятам за джипом. А ночью Антон позвонил на сотовый Сергею и дрожащим голосом прошептал:

– Серый, беда! Срочно спускайся вниз. Я стою на крыльце.

Натянув брюки и рубашку, Сватов босиком побрел вниз. Вика продолжала спать сном ангелов.

Впустив Рожкина, Сергей нахмурился:

– Как ты меня нашел?

– Быстро иди в мою машину! У нас проблемы. Той ночью нас видели на стройке.

Сватова затрясло. Подняв валяющуюся на полу джинсовку, он хотел ступить на крыльцо, но вдруг вспомнил, что стоит босиком. Открыв шкаф, Сергей схватил первые попавшиеся тапки и, сунув в них ноги, пошел за Рожкиным.

А едва он сел в машину, как Антон нанес приятелю смертельный удар по затылку.

– Ты слишком многого хотел, – процедил Рожкин. – Мне легче расправиться с тобой, чем постоянно жить в страхе.

Антон отвез Сергея на ту же стройку. Только теперь он уже практически не нервничал. Если первое убийство было совершено не по злему умыслу, то второе было тщательно спланировано.

Перед тем как вытащить тело Сватова из машины, Антон заметил на ногах друга розовые тапочки. Выругавшись, он стянул обувку и швырнул их на пол авто.

А когда Антон прибыл в особняк и вышел из иномарки, держа в руках тапки, словно из ниоткуда возникла неугомонная Поганка. Выхватив одного кролика, собака помчалась по участку, унося новую игрушку в свою тайную кладовую.

Рожкин не особо расстроился. Раз Поганка стибрила тапку – значит, ее теперь днем с огнем не сыщешь. А если даже и отыщется крольчонок, Антону абсолютно нечего бояться. Подумаешь, какая-то там тапочка...

* * *

До последнего момента Антон пребывал в полной уверенности, что благодаря связям отца ему удастся отделаться малой кровью. Но Рожкин-старший заявил сыну, что он не намерен помогать убийце, даже если убийца является его родным отпрыском.

Антону вынесли приговор в виде двенадцати лет лишения свободы. Отбывать срок Рожкина отправили в колонию общего режима.

Наталья Солнцева

Вино из мандрагоры

Он шел за этой женщиной от самого метро. Чем она ему приглянулась, бросилась в глаза? Он мог бы сослаться на профессиональное чутье... но не в данном случае. А впрочем, почему нет? В ее одежде, прическе, духах с легким привкусом свежей зелени и амбры чувствовались стиль и неповторимый шарм. Несмотря на свой род занятий, он понимал в этом толк.

Весенняя Москва ослепила его, опьянила, пробудила в сердце томительную и восторженную грусть, тоску по несбыточному – по какой-то необыкновенной любви, всепоглощающей страсти, освященной вечностью... Устремление в горние выси сменялось приступами тяжелейшей депрессии, которую хотелось залить водкой, погрузиться в наркотический кайф. И все возвращалось на круги своя – отчаянная решимость, хладнокровная злость, охота за дорогими удовольствиями.

Между тем городская весна с ее мокрыми, блестящими на солнце тротуарами, прозрачными сосульками, свисающими с крыш и козырьков, звоном капли и ужами талой воды, радостно-возбужденной сутолокой, запахом крымских фиалок, лучками пушистой вербы, которые суют прохожим продавщицы в цветастых платках, первозданной голубишной небес и плывущими по реке льдинами, – брала свое. Она оживляла природу и тревожила людей. Она добиралась до глубины души, до священных, дремлющих до поры инстинктов...

Пару часов назад он стоял на мосту, любуясь ребристыми золочеными маковками и белоснежными стенами храма Христа Спасителя на фоне ясного неба. Потом решил и вошел внутрь. Высота и светящаяся громада главного купола поразили его. До того маленьким и ничтожным он ощутил себя перед скорбными ликами святых, до того виноватым, что сердце болезненно сжалось, захотелось пасть ниц и каяться, каяться, давать обеты и просить у Всевышнего милости для себя, для всех.

Выйдя из храма, он щедро подал нищим и зашагал прочь. Перед тем как спуститься в подземку – будто в преисподнюю! – он зачем-то оглянулся на купола, на венчающие их золотые кресты. Будто просил благословения! Но разве таким, как он, дается благодать?

В вагоне метро он стоял, наблюдая, как за окнами сменяются свет и тьма, как поезд ныряет в черную пасть туннеля, как затхло и тяжело дышит подземелье, с сожалением выпуская наружу электричку, наполненную людьми. На одной из станций автоматические двери открылись, и вошла она... женщина, источающая аромат луговых трав и амбры.

Она привела его на вокзал, к кассам поездов дальнего следования. Он встал в очередь, пропустив вперед двух человек, – чтобы не привлечь ее внимания. меховое розовое болеро ласково облегалo ее округлые плечи, ноги скрывала длинная юбка, но он готов был поклясться, что они великолепны, как у богини любви. Даже ее затылок с аккуратно подобранными волосами был эротичен и дразнил его. В воздухе за ее спиной парила стайка Амуров... или ему показалось?

Она заговорила, и он напрягся, весь превратившись в слух. Она берет билет до Пензы? Черт, уезжать из столицы не входило в его планы. Но разве теперь это имеет значение?

Подошла его очередь, наклонившись к окошку, он положил поверх рублевых купюр сто долларов и умоляюще произнес:

– Моя невеста только что взяла билет до Пензы! Мы поссорились, а я жить без нее не могу. В ваших руках моя судьба!

Кассирша покосилась на деньги и подняла глаза на просителя. Красивый, хорошо одетый мужчина. Чего он хочет?

– Дайте мне билет на тот же поезд, в тот же вагон, если есть.

Кассирша зацелкала по клавиатуре компьютера, уставилась, ожидая результата, на монитор.

– Я везучий! – усмехнулся мужчина.

– Дать то же купе? – уточнила она.

– Сколько там осталось свободных мест? – замирая от предвкушения невероятной удачи, спросил он.

– Три.

Он торопливо полез в карман за деньгами, на радостях добавив еще полсотни зеленых сговорчивой кассирше.

– Беру все! Когда отправляется поезд?

– Через полтора часа.

Заполучив вожделенные билеты, он поискал глазами женщину в розовом болеро, но та как в воду канула – ее не оказалось ни в вокзальном кафе, ни у многочисленных прилавков с разными мелочами, ни в залах ожидания...

* * *

Он боялся только одного – что она опоздает на поезд или передумает ехать. Всякое бывает! И тогда... Нет! Раз улыбнувшись, фортуна уже не может обмануть. Он был азартным игроком, фаталистом и знал, что сегодняшняя встреча не случайна.

Вряд ли он хотя бы раз за всю свою беспутную сумасшедшую жизнь волновался больше, чем сейчас, открывая дверь заветного купе, – скулы свело, в горле пересохло, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Он сразу узнал ее запах – травяной горечи и амбры с примесью еще какого-то аромата. Ладана? Свечного воска? Она едва подняла голову и сразу отвернулась к окну: то ли о чем-то думала, то ли с чем-то мысленно прощалась. А может быть, с кем-то?

Никто не пришел ее провожать, во всяком случае, на перроне перед окном было пусто. Рядом пожилая пара махала кому-то – явно не ей. Седая женщина вытирала слезы, а мужчина что-то беззвучно бормотал, давая напутствие невидимым отъезжающим. Мимо вагона сновали носильщики и продавцы мороженого, чипсов, пива. Набежала тучка, начал накрапывать дождь.

Поезд тронулся. Она тяжело, глубоко вздохнула, не отрывая взгляда от окна, и от этого вздоха по его телу пронеслась волна дрожи и желания. Так прошли два или три часа – в молчании, в борьбе с собой. Попутчица погрузилась в свои переживания – о ком? о чем она размышляла? – и словно не замечала попутчика.

– Давайте знакомиться? – наконец хрипло предложил мужчина.

Он видел только линию ее щеки и нежную мочку уха, в которой поблескивала серьга с синим камнем. Кстати, отнюдь не дешевая. Когда молодая женщина повернулась, он убедился, что не ошибся: камни в серьгах – сапфиры, и такие же сапфиры в изящном перстне и кулоне, который проглядывал сквозь прозрачный верх блузки. Надеть драгоценности в поезд – безумие! Но ее, казалось, ничуть не беспокоила подобная безделица.

Она ленивым, восхитительным и неуловимо-непристойным жестом блудницы повела плечами, распрямилась и удостоила наконец вниманием соседа по купе.

– Называйте меня, как вам будет угодно!

– То есть самому придумать имя?

– Ну да.

Он на миг растерялся, но вышел из положения, приняв ее условия игры.

– Тогда вы будете Незнакомкой, а я – Незнакомцем. Согласны?

Она кивнула, и ее губы тронула обольстительнейшая из всех улыбок, которые ему доводилось видеть. Ее глаза соперничали с сапфирами своей синевой.

– На самом деле так и есть! Люди только притворяются открытыми, – произнесла она низким грудным голосом. – Все, что они хотят, – остаться неузнанными.

Наверное, так пели сирены – морские нимфы, заманивающие мореплавателей в воды, где гибли их суда.

– Это надо отметить, – сказал он, стараясь сохранить беззаботный вид прожженного ловеласа. – Никогда еще не знакомился таким образом.

– Оставаясь неузнанным? Бросьте! – усмехнулась она. – Приберегите свои сказки для наивных девчушек из провинции. Вы не похожи на простофилю. Вон и часы у вас на руке «Harry Winston», а не фирмы «Заря».

– Вы проницательны.

– Папа научил меня не доверять слишком красивым мужчинам.

– А кто у вас папа?

– Олигарх!

В приоткрытую дверь купе заглянула проводница.

– Постели нести?

– Несите. – Он встал, отеснил ее в коридор и сунул в кармашек щедрые чаевые. – И поухаживайте за пассажирами, пожалуйста!

– Все сделаю в лучшем виде.

Пока проводница застилала постели, они вышли из купе и встали у окна. Мимо пронеслись голая березовая роща, хмурый полустанок, хвойный лес. Потянулись поля с редкими черными проталинами, над которыми низко плыли сизые облака.

– Такой печальной и чудной весны, как в России, нет нигде, – сказала попутчица. – Все эти унылые дороги, запах мокрой земли, разливы рек, сумрачная луна холодными ночами – ужасно будоражат! Что-то такое поднимается внутри грешное, затмевающее рассудок. Не правда ли?

Проводница вышла, игриво подмигнув ему жирно покрашенным глазом. Она уже была под хмельком. Не мешало бы и им выпить. Не сейчас, чуть позже.

– Я пойду в туалет, – вдруг очень по-свойски, без стеснения, как близкому человеку, сообщила Незнакомка. – Присмотрите за моими вещами.

Она вложила в последнюю фразу скрытый смысл или ему только показалось? Когда она удалилась, он быстро нырнул в купе и опытным жестом молниеносно раскрыл ее дорожную сумку из отличной кожи. То, что он там увидел, заставило его изумленно отпрянуть. Справившись с замешательством, он приподнял вещи, несколько книг – на самом дне притаился черный бархатный мешочек размером с ладошку ребенка. Мужчина сунул его в карман брюк и вернул все в прежнее положение. Сверху лежала плоская бутылочка в дорогой позолоченной оправе, с пробкой в виде человеческой головы. Фу-ты, ну и ну! Как это прикажете понимать?

Чутким ухом он уловил шаги, приглушенные ковровой дорожкой, быстро закрыл сумку, сел и сделал вид скучающего барина, которому не терпится опрокинуть пару рюмочек и развлечься.

– Я вас заждался! Пойдемте в вагон-ресторан?

Она закрыла за собой дверь купе, одарила его загадочной улыбкой и медленно покачала головой. Ее глаза смеялись, будто она знала, чем он тут занимался в ее отсутствие.

– Вы же не собираетесь никуда идти? – прошептала она, наклоняясь и обдавая его запахом духов. – А выпить можно и здесь. У меня есть вино.

Ему очень хотелось поглядеть, что в мешочке, но Незнакомка уже достала ту самую бутылочку, два крохотных позолоченных стаканчика и поставила на стол. Ему стало жарко.

– С вашего разрешения?

Она милостиво кивнула, словно повелительница жалкому подданному. Он сбросил пиджак, ослабил и без того свободный узел галстука, чувствуя, как стеснилось дыхание. О, черт!

– Наливайте же! – раздался ее шепот.

Густое вино пахло яблоками. Она выпила первая, наблюдая за ним потемневшими глазами. Такой мужчина, и... робеет?

Он сделал глоток. Вино ударило в голову: то ли потому, что он с утра ничего не ел, то ли оно оказалось слишком крепким, с пряным, жгучим вкусом. В груди разлилась слабость... Неужели она успела что-то добавить в его стаканчик? Не может быть. Он внимательно следил за ее руками – глаз не сводил.

– Простите, – стараясь держаться молодцом, сказал он. – Я на минуточку.

Когда он вышел, она заперла купе и, постояв минутку, последовала его примеру – сначала обшарила карманы пиджака, потом попыталась справиться с замочком портфеля из крокодиловой кожи. Не тут-то было! Оставил бы он портфель, если бы тот легко открывался!

Она села, приложила руку к груди, ощущая сильные удары сердца... и выпила еще вина.

* * *

Он не помнил, как добрался до туалета, ополоснул лицо холодной водой... Пришел в себя, только когда в дверь постучали. Он увидел себя в зеркале – стоит перед умывальником, держа в руке бархатный мешочек из ее сумки. Что за дьявольщина? Он торопливо раскрыл мешочек.

Вырвавшиеся у него ругательства совершенно не вязались с содержимым мешочка – овальным золотым футляром тонкой работы с изображением Девы Марии на крышке. Внутри обнаружился кусочек ароматической смолы.

«Ладан. Вот откуда шел этот странный церковный запах!» – догадался он. И тотчас в замутненном сознании всплыли вещи из ее сумки – черный балахон, простая рубаша, шапочка конической формы, деревянное распятие, книги – «Псалтирь», «Требник», «Деяния святых апостолов»... Он не обнаружил там ни одной женской принадлежности: ни косметички, ни кружевного белья, ни модной кофточки, ни яркого шарфика, ни запасных колготок – вообще ничего. И это никак не вязалось с образом его соседки по купе: с ее подчеркнута чувственной внешностью, стильной прической, меховым розовым болеро от Валентино,

умопомрачительными духами, с ее сапфирами, наконец! Дочь олигарха? Он скорее готов был поверить ее словам, чем собственным глазам. Как будто сумка принадлежала другой женщине – монахине или религиозной старухе... Но откуда в ней такая ценная старинная вещица? Какая-то храмовая реликвия?

Ручку двери подергали с другой стороны, и он вышел, едва не столкнувшись с негодующей дамой, которая хотела в туалет.

Поезд мчался на всех парах, вагон мотало, и добраться до купе оказалось непростой задачей. Каждый шаг давался ему с невероятным трудом – голова кружилась, ноги будто налились свинцом.

– Тебе плохо? – томно спросила Незнакомка, обвивая его руками и прикикая всем телом. Ее блузка расстегнулась, и сапфир синей звездой лежал в ложбинке между грудей, глаза стали огромными, на половину лица, а губы казались раскрытыми лепестками смертоносного цветка, сладкими и горячими. – Сделай еще глоток!

Золотистый край стаканчика коснулся его губ, и он, не в силах противиться, выпил обжигающую жидкость. Тяжкое оцепенение отпустило его, сменилось эйфорической легкостью, почти невесомостью. Руки женщины порхали над ним, шелковистые волосы приятно щекотали пылающую кожу, поцелуи длились целую вечность, – тысячу раз он умирал и воскресал, исступленно сжимая в объятиях сияющую вакханку, фурию, гарпию, девственницу, языческую царицу, ведьму, весталку, небесную апсару, то целомудренную и кроткую, то неистовую, то робкую, то бесстыдную, разнузданную жрицу любви, птицу в сказочных перьях с радужным хвостом и девичьим лицом – сатанинским, ангельским...

Истощенный любовной страстью, истомленный, измученный, он провалился в забытье, в зияющую бездну, откуда нет возврата...

Радужная птица поднялась с измятого жаркого ложа, почистила перышки и прислушалась к дыханию любовника. Крепко ли спит? Убедившись, что проснется он не скоро, жрица любви занялась портфелем. Теперь у нее было достаточно времени, чтобы справиться с хитрым замочком.

– Хм-м! – вырвалось у нее при виде нескольких карточных колод, увесистой пачки денег, двух паспортов на разные имена, набора отмычек, выкидного ножа...

Так вот кто оказался ее последним мужчиной в мире, который она покидает навсегда! Что ж, он подарил ей незабываемые мгновения и должен быть вознагражден.

Она подняла с пола его брюки, без всяких угрызений совести проверила карманы – золотой футляр с изображением Девы Марии! Ну разумеется!

Поколебавшись, она засунула футляр обратно, а брюки аккуратно повесила.

* * *

Он проснулся в темноте, в духоте, насыщенной запахом яблок и женских духов. Щелкнул выключателем – в изголовье загорелась тусклая лампочка. Кроме него, в купе никого не было. Ему приснился дивный сон, похожий на историю из «Тысячи и одной ночи», или все произошло наяву?

Он огляделся, плохо соображая, где находится и как сюда попал. Поезд? Разве он собирался куда-то ехать? Голова гудела, тело не слушалось, память отказывалась служить. Он со стоном сел, потом встал и приоткрыл окно, впуская сырой холодный ночной воздух. На соседней полке стоял его портфель, а на столике лежала церковная книга с закладкой.

– Требник, – прочитал он, беря ее в руки и открывая на заложенной странице. – «Молитвословия об отгнании злых духов»... Что за бред?

Он потянулся к портфелю, заглянул внутрь, – кажется, все на месте: карты, нож, деньги и какая-то бутылка: че-е-ерт! Откуда здесь бутылка? Он не помнил, покупал ли вино... Вообще-то он предпочитал крепкие напитки – водку, коньяк, виски.

Бутылка была не простая: в золоченой оправе из стеблей, цветков и листьев, с пробкой в виде человеческой головы. Он поднес бутылку к свету – внутри виднелась странная фигурка, похожая на человечка, на дне оставалось чуть-чуть вина. «Мандрагора! – осенило его. – Волшебный корень влюбленных! Согласно поверьям, он вырастает под виселицей из семени казненного, и те, кто попробует его, не смогут жить друг без друга».

Он все вспомнил: женщину, которую встретил в метро, запах духов, низкий бархатный голос, сладкий вкус ее губ, содрогания ее тела... и монашеское одеяние в дорожной сумке. Кто она – колдунья, святая? И где теперь ее искать?

Он не заблуждался на свой счет, никогда не верил в воровскую романтику и знал, что плохо кончит. Но азарт игры, где на кон ставят собственную жизнь, спасал его от скуки. Он открыл странную бутылку и

поднес горлышко к губам... Выпить, что ли, до дна? Где-то ему приходилось читать, будто мандрагору еще применяют против одержимости демонами...

Он вспомнил шепот Незнакомки в любовном угаре:

– Ты уверен, что мы существуем?

В самом деле, уверен ли он? Они оба притворялись. Она – монахиней, раскаявшейся блудницей, дочерью олигарха; он – игрок и вор – преуспевающим бизнесменом, светским львом. Сколько у них лиц? Сколько у них душ? И снисходит ли благодать на таких, как они?

«Что, если мне завязать? – подумал он. – Найду ее, если понадобится, украду, увезу силой! Мы поселимся в Вене или Страсбурге, снимем уютную квартирку, повесим в спальне бархатные шторы и будем жить, как добропорядочные буржуа...»

В окно подул ветер с дождем, охладил его горячий лоб, и такая на него навалилась тоска, что захотелось взвыть во весь голос: чтобы обрушились небеса или поезд сошел с рельсов, полетел под откос, вниз, в тартарары, в черную непроглядность весенней ночи.

Ольга Степнова

Бухта Дьявола

Шляпа была розовая, сарафан розовый, и босоножки тоже розовые.

С розовым случился перебор, но Марина Викторовна решила ничего не менять в своем облике. Она даже добавила розовые сережки и розовую помаду.

Лето так лето. Жара так жара.

Пусть все будет легкомысленным, непредсказуемым и немного безвкусным.

Она зашвырнула в чемодан еще один купальник, пластмассовую бижутерию, которую ни разу не надевала, и два парика – рыжий и... очень рыжий.

В рыжих париках ее лицо становилось неузнаваемым.

В рыжих париках, темных очках и широкополых шляпах.

Иногда, правда, Марина Викторовна думала, что неплохо было бы наклеить усы – уж для полной неузнаваемости! – но тогда пришлось бы идти до конца, надевать костюм, галстук, рубашку, прятать длинные волосы и отказываться от косметики. Марина Викторовна терпеть не могла мужские роли – слишком сильно бурлило в ней женское, прекрасное, молодое начало.

Лето било во все колокола!

Нужно успеть насладиться солнцем, наплескаться в море, належаться на горячем песке, послушаться шума ветра и шороха листвы, погонять на спортивной машине и, может быть, даже – может быть! – закрутить краткосрочный роман со смуглым юношей девятнадцати лет.

Словом, она спешила получить удовольствия, которые можно поймать только летом.

Жизнь коротка, считала Марина Викторовна. Жизнь коротка, и нужно, чтобы каждое лето становилось маленьким приключением.

В аэропорту и самолете все прошло без сучка без задоринки: никто не узнал ее под розовой безвкусной завесой.

Крым встретил Марину мелким дождем и порывистым ветром.

– И это юг? – засмеялась она, усаживаясь на заднее сиденье желтой «Волги», после того как таксист помог ей уложить чемодан в багажник. – И это мой любимый жаркий Крым?!

– Это мой любимый жаркий Крым, – хмыкнул таксист. – Всю зиму жарило так, что цветы на клумбах цвели, а как лето настало, так на тебе – дождь вторую неделю хлещет. Глобальное сумасшествие природы.

– Отвезите меня в какой-нибудь закуток у моря. Хочу снять на месяц маленькую конуру за разумные деньги, – улыбнулась Марина.

– Так у меня тетка как раз такую конуру сдает! – обрадовался таксист. – До моря – десять шагов. Туалет, правда, на улице, зато из окна берег видно.

– Отлично! – обрадовалась Марина. – Везите меня к своей тетке!

– Кого-то вы мне напоминаете! – обернувшись, таксист пристально посмотрел на Марину, пытаясь заглянуть ей в лицо, скрытое широкими полями шляпы.

– Рыжие все на одно лицо, – сухо ответила Марина Викторовна.

И подумала: «Началось!»

Тетка оказалась толстой и милой, а сарай, который она сдавала, вполне пригодным для жилья.

Кровать, тумбочка, шкаф для одежды и вид на море из крошечного окошка – что еще надо для маленького летнего счастья?.. На потолке, правда, набрякло и пульсировало влагой большое пятно от дождя, но тетя Галя успокоила:

– Дождь-то, небось, вот-вот кончится, пятно и просохнет.

Она сбегала в дом за тазом и поставила его в центр комнатушки, под протекающий потолок. Но даже таз не испортил Марине Викторовне крымского, летнего настроения. Дождь ведь все равно кончится, таз можно будет убрать, а если даже и не убрать – ничего страшного, она же не собирается сутками сидеть в этом сарае, так – сняла, чтобы была крыша над головой. Пусть и дырявая. Зато за смешные деньги.

– Живите и наслаждайтесь, – напутствовала ее толстая, милая тетя Галя, но, собравшись уйти, вдруг замерла в дверях, близоруко прищурилась и сказала:

– Похожи вы на кого-то...

– Рыжие все на одно лицо, – раздраженно ответила Марина Викторовна.

Она сняла шляпу и темные очки только после того, как хозяйка ушла, плотно прикрыв за собой дверь. Поменяла парик на другой – с более густой челкой, а неуместный в дождь сарафан сменила на серый костюм и серую шляпу.

Может быть, в сером она перестанет быть «на кого-то похожей»?

Марина выскользнула за дверь своего «люкса с тазом», вышла за калитку и на попутке добралась до города. Там она взяла напрокат желтую «спортивку» – питала она слабость к ярким спортивным машинам – и решила, что раз уж дождь, раз уж хмуро и пасмурно, она поднимет себе настроение в магазинах.

Но... едва Марина Викторовна села за руль, дождь прекратился, тучи рассеялись, и выглянуло наглое, жирное, как бабушкин блин, крымское солнце, под которым хотелось забыть обо всем, кроме того, что ты знаменита, красива и относительно молода...

Купив зачем-то в местном бутике еще один сарафан – опять розовый – и еще один купальник – крошечное бикини, Марина Викторовна рванула на пляж. Она знала тут множество маленьких диких пляжей, где природа брала верх над цивилизацией, но даже туда туристы напользали, как саранча, оккупируя каждый сантиметр узкого берега.

Песок был мокрый, но главное – народ еще не успел сориентироваться по поводу резкого прекращения дождя, и на пляже никого не оказалось.

Ни-ко-го. Хоть голой купайся...

Что Марина Викторовна и сделала.

Вода оказалась неожиданно теплой. Волны деликатно играли ее податливым телом, а мысли... мысли плавильлись от внезапно наступившей жары.

Как хорошо, что она не осталась на лето в душной столице, как хорошо, что рискнула – только через два года рискнула – выбраться в любимые и дорогие сердцу места.

Накупавшись до легкого шторма в сердце, Марина выбралась на скалистый берег, обсохла на солнце, надела купальник и закурила.

Жара, море и одиночество были ее любимыми спутниками, вот только состыковаться с ними одновременно получалось так редко!

– Правда, тут совершенно особенное место? – спросил за спиной бархатистый голос.

Марина вздрогнула и обернулась.

Юноша оказался точно таким, о котором мечталось, – смуглым, высоким и черноглазым. Лет ему было едва ли за двадцать...

– Если смотреть с этого места во-он на ту скалу, то она похожа на профиль древнего старика! – он присел возле нее, поблескивая на солнце мускулистой спиной и сцепив между коленями сильные руки.

– Вы следили за мной? – Марина глубоко затаилась, глядя в скалу, которая вовсе не напоминала ей древнего старика.

– Ни за кем я не следил, – смутился юноша и в упор посмотрел на нее черными глазами. – Это мое место. Моя тайная тихая гавань. Старика зовут Прокоп, он исполняет любые желания. Знаете, почему перестал идти дождь и выглянуло солнце?

– Вы попросили об этом Прокопа? – усмехнулась Марина.

– Откуда вы знаете?

Для романа юнец не годился. Он был слишком глуп и наивен. Затушив сигарету, Марина Викторовна пошла к машине.

– А хочешь, я попрошу Прокопа, чтобы вы влюбились в меня?

Марина замерла с занесенной для шага ногой.

– Твой Прокоп всего лишь кусок камня, – не оборачиваясь, сказала она. – И потом... – Марина обернулась и посмотрела юноше прямо в глаза. – Никто не давал тебе права мне «тыкать».

– Мое имя Гамлет, – сказал юноша.

Марина Викторовна расхохоталась. Его зовут Гамлет!

Гамлет, который просит у каменного Прокопа, чтобы дождь кончился и она, Марина, влюбилась в него! Хохоча, она побежала к машине, проклиная себя за неосторожность и безрассудство.

Только маньяки бродят по таким диким, безлюдным пляжам. Только маньяки и сумасшедшие.

Машина с пробуксовкой рванула с места, в считанные секунды развил скорость сто двадцать километров в час.

Он нагнал ее на своем стареньком «жигуле» через пять минут.

Нагнал, поравнялся и крикнул в открытое окно:

– Может, посидим в «Сакуре»? Тут недалеко есть отличное кафе!

Марина Викторовна засомневалась – а вдруг он не маньяк? Вдруг не сумасшедший? А классный парень со странным именем Гамлет, лелеющий детскую мечту о всемогущем старике, исполняющем любые желания?

Марина Викторовна немного притормозила.

– В принципе, я не против бокала вина! – перекричала она бьющий в лицо встречный ветер.

– Тогда за мной! – Он прибавил газу, уходя вперед.

Да, все это смахивало на пролог легкомысленного романчика, длина которого в лучшем случае – лето.

Марина Викторовна тоже прибавила скорость. Приключение начинало ей нравиться.

В «Сакуре» они нашли закуток, скрытый от чужих глаз. Впрочем, скрываться практически не от кого, здесь было немногочленно.

Они пили молча, она – мартини, он – пиво. Почти не закусывали – зачем? Алкоголь являлся ступенькой к сближению, и еда, даже самая легкая, была тут ни при чем.

Он, как водится, пожирал Марину глазами. Она не утруждала себя кокетством. После третьего бокала мартини Марина Викторовна призналась, что ее настоящее имя – Офелия... Гамлет расхохотался, дерзко схватил ее за руку и не менее дерзко впился поцелуем. Разумеется, в губы, помада с которых давно осталась на тонком стекле бокалов.

– Пойдем потанцуем, – предложил он.

– Пойдем, – согласилась она, и они, обнявшись, полчаса протоптались в середине зала под тягучий изысканный блюз.

Приключение нравилось Марине все больше и больше. Ее очаровали эти волосы, губы, глаза, плечи, запах и имя.

В особенности имя.

Будет потом что вспомнить.

Не рассказать, а именно вспомнить, потому что она никогда никому не рассказывала о своих коротких романчиках с юношами призывного возраста.

– Где ты остановилась? – шепотом спросил он ее.

– В сарае, – засмеялась она. – В милом сарае, где, когда идет дождь, протекает крыша. Вас познакомить?

– Конечно. Сарай с дырявой крышей – это экзотика, ради которой я готов пожертвовать номером люкс в лучшей гостинице!

Как будто у тебя есть деньги на люкс, усмехнулась про себя Марина, но вслух этого не сказала. Она схватила Гамлета за руку и потащила к своей машине.

– Ты сможешь рулить? – протянула она ему ключи от машины.

– Смогу. Кружка пива для меня ерунда.

– Тогда садись за руль, а свою машину брось здесь, заберешь ее завтра.

Она привыкла командовать юнцами, и они всегда подчинялись ей, как солдаты генералу. Вот и этот радостно прыгнул за руль, завел движок и, виртуозно выехав со стоянки, погнал кабриолет вперед, к теткинскому сараю.

Калитка скрипела, как проклятая, когда они, хохоча и отталкивая друг друга, неумело и пьяно открывали ее. Таз, проклятый жестяной таз загремел и перевернулся, потому что вспомнить о его существовании после пляжа, мартини и очень интимного танца оказалось немислимо, а в сарае было темно, как в погребу, – маленькое окошко совсем не пропускало скудного света крымской ночи.

Марина Викторовна, шаря по стене, поискала выключатель.

– Не надо, – остановил ее Гамлет, проводя рукой по рыжему парикю. – Зачем нам свет?

– Действительно, ни к чему, – засмеялась Марина, плюхаясь на продавленную кровать с жестким ковровым покрывалом.

Он не стал набрасываться на нее с мальчишеским рвением. Не стал сдирать с нее одежду и, играя бицепсами, валить на подушки, подтверждая статус крымского мачо.

Он сел напротив, включил мобильник и направил его голубой свет ей в лицо.

– А почему у тебя нет веснушек? – задал он вопрос, которого она ожидала меньше всего.

– Что?! Что ты имеешь в виду?

– У всех рыжих всегда есть веснушки, а у тебя нет!

– Я их вывела. Сейчас это не проблема.

– Неправда. Вывести веснушки – большая проблема. Даже если от них удастся избавиться на лице, они остаются на плечах, на руках, на груди...

Марина Викторовна выхватила у него телефон и захлопнула крышку, чтобы голубой свет рентгеном не просвечивал ее тайны и недомолвки.

– Мы пришли сюда, чтобы разбираться в проблемах рыжих? – томно спросила она, обхватив его руками за шею.

– А еще у рыжих почти всегда зеленые глаза, – не унимался юнец, даже не думая набрасываться на нее в страстном порыве. – И они предпочитают носить зеленое и коричневое, а не розовое и серое! Ни одна рыжая не наденет розовый сарафан, розовые сережки и не накрасит губы розовой помадой. Это убьет ее кожу и цвет волос.

Марина Викторовна оттолкнула его от себя. Дикое раздражение охватило ее. Роман с юнцом не клеился, юнец все же оказался с приветом, а может, и вовсе гомосексуалистом? А может, в свои тридцать пять она не такой уж лакомый кусочек для юного Гамлета? Эта мысль усилила раздражение, хмель как рукой сняло.

– Уходи, – сказала Марина Викторовна. – Мне не нравится, когда беспардонно лезут на мою личную женскую территорию, особенно такие сопляки, как ты...

Он забрал у нее свой телефон и встал.

– Сними парик, – попросил Гамлет. – Сними! Я все равно сразу узнал тебя.

– Пошел вон! – закричала Марина Викторовна и швырнула в него подушку.

Он без труда увернулся от мягкого снаряда, и подушка упала на перевернутый таз.

– Я уйду, – тихо сказал Гамлет. – Уйду, но утром дам интервью всем газетам, что переспал с самой Мариной Кравец, которая инкогнито находится в нашем городе и которую... убили два года назад в тихом безлюдном местечке под названием бухта Дьявола!

– Что?! – Марина Викторовна почувствовала тошноту. – Ты сумасшедший?! – она с ногами забралась на кровать и выставила перед собой другую подушку – щит ненадежный, но все-таки...

Вот тебе – лето.

Вот тебе – Крым.

Вот тебе – роман со смуглым юношей.

– Сними парик, – повторил Гамлет. – Неужели ты думаешь, что рыжие волосы, темные очки и шляпа изменят тебя до неузнаваемости?! Ты – Марина Кравец! Тебя убили два года назад! Я сам на катере вывозил из бухты твое изуродованное тело!

Он бросился к ней и сорвал рыжий парик.

Марина Викторовна завизжала. Она визжала не столько от страха перед юнцом, сколько от осознания, что под париком у нее безобразная сеточка, прижимающая ее собственные длинные пепельные волосы к голове.

– Что и требовалось доказать, – пробормотал юнец, напяливая парик на свою голову. – Что и требовалось доказать...

Марина Викторовна, прикрывая руками сеточку, сползла с кровати и потянулась к сумочке, где лежал мобильный. Может, она успеет вызвать милицию?.. Может...

Гамлет поймал ее руку, когда та почти дотянулась до сумки.

В дверь постучали, и раздался голос хозяйки:

– Что-то случилось? Я слышала крики...

– Помогите, – пропавшим голосом прошептала Марина. – Помогите, пожалуйста...

– Тебе нужно было нарисовать веснушки, – усмехнулся Гамлет. – Везде, по всему телу – жирные, красные веснушки. Тогда, может быть, я не узнал бы тебя. – Он подбежал к окну и открыл его с поразительной легкостью, словно бывал здесь сто раз и сто раз справлялся с неповоротливым шпингалетом. Не снимая парик, Гамлет выскочил во двор, в два шага преодолел расстояние до калитки и легким обезьяньим прыжком перескочил через нее. Взревел мотор арендованной Мариной Викторовной машины, колеса которой отчетливо забуксовали на старте.

Ключ конвульсивно забился в замке и наконец повернулся. В комнату вошла хозяйка, немедленно влетев в таз и наделав невообразимый грохот.

– Он угнал машину! – закричала Марина Викторовна, бросившись к окну. – Он...

Вспыхнула лампа под потолком, безжалостно осветив плохо беленные стены, влажное пятно на потолке и перевернутый таз.

– Батюшки! – всплеснула руками хозяйка. – Да вы же... это же... Ой! – заполошно прикрыла она рукой раскрывшийся рот.

Марина устало стянула с головы сетку и бросила ее на кровать.

– Ну да, я Марина Кравец, – усмехнулась она. – Кинозвезда. Хотелось отдохнуть инкогнито, не

раздавая автографов и не страдая от любопытных взглядов.

– Ой, я бы знала, крышу бы починила, – опять всплеснула руками тетя Галя. – Вас кто-то обидел?!

– А, ерунда, – отмахнулась Марина Викторовна, усаживаясь возле зеркала и ватным тампоном снимая косметику. – Сама виновата. Познакомилась на пляже с каким-то юнцом, а он оказался ненормальным. Шизиком! – постучала она себя по лбу.

– У нас вроде шизиков тут нет, – пролепетала тетя Галя. – Хотя, увидев вас вживую, любой дураком станет! Автограф дадите?

Марина Викторовна молча расписалась красной губной помадой на белой стене и отточенным движением нарисовала свой профиль.

– Господи, да я ж теперь этот сарай дороже гостиницы сдавать буду! – обрадовалась хозяйка и убежала, прихватив с собой таз.

Наутро она помчалась в аэропорт.

Решение вернуться в Москву было твердым и непоколебимым.

К чему ей скандальные новости о своей знаменитой персоне?! Хватит того, что она обязалась выплатить полную стоимость угнанной юнцом спортивной машины. Хватит того, что сумасшедший юнец видел ее сначала голый на диком пляже, а потом с сеткой на голове под протекающей крышей сарая. Оставалось только надеяться, что у парня не хватило смекалки сфотографировать эти незвездные эпизоды ее жизни и продать снимки желтой прессе.

Она не успела купить билет. У кассы кто-то крепко схватил ее за руку. Она дернулась, обернулась и увидела... Гамлета.

Свежевыбритый, в белой рубашке и без намека на безумие в черных, серьезных глазах.

– Я закричу, – предупредила Марина. – Сниму шляпу, парик, очки и буду вопить, что ублюдок по имени Гамлет надумал похитить актрису Марину Кравец! Вся милиция примчится сюда!

– Кричи, – кивнул Гамлет. – Милиции очень понравится вот это, – он протянул на ладони предмет, бережно упакованный в прозрачный пластиковый пакетик.

Увидев то, что лежало в пакетике, Марина Викторовна почувствовала злой, холодный озноб.

Вот тебе и лето.

Вот тебе и смуглый юноша.

Вот тебе и краткосрочный роман.

Она пошла за ним, как овца на заклание, как средневековая колдунья на казнь.

– Удрать хотела? – спросил Гамлет, открывая дверь желтой «спортивки», на которой умчался вчера.

– Не удрать, а уехать домой, – пролепетала Марина.

Они сели в машину, и он нажатием кнопки поднял крышу кабриолета.

Солнце мгновенно раскалило салон. А может, дикий страх, который испытала Марина Викторовна, прибавил к ощущениям с десятков плюсовых градусов...

– Что ты хочешь? – еле выдавила она. – Деньги? Скажи, сколько, я заплачу тебе.

– За что? – неискренне удивился Гамлет.

– За то, чтобы ты отстал от меня! – заорала Марина. – За то, чтобы забыл, что между нами происходило! За то, чтобы... чтобы...

– За то, чтобы я отдал тебе улику? – он потряс перед ее носом прозрачным пакетиком.

– Не улику, а безделушку, которая мне понравилась.

– Тебе понравилось дешевое золотое колечко с надписью «Прекрасной Римме Ромм от любящего ее Витольда»? Никогда не поверю.

– Да мне плевать, веришь ты или нет! Продай мне кольцо, слышишь?! Продай... – Марина судорожно начала рыться в сумке, прикидывая, что у нее на данный момент являлось самым ценным – бриллиантовые сережки, содержимое кошелька или кредитная карта. Получалось, что кредитная карта.

Она быстро написала на клочке бумаги пин-код и дрожащей рукой протянула Гамлету карту.

– Щедро, – захохотал он, отталкивая ее руку. – Боюсь только, что меня повяжут возле первого же банкомата.

– Но у меня мало наличных! Может, возьмешь бриллианты? – Марина вцепилась в золотой замочек сережки за ухом, но он снова остановил ее.

– Мне не нужны деньги. Мне нужны объяснения, – Гамлет взял с заднего сиденья папку и раскрыл ее. – Вот этому, – начал он складывать ей на колени вырезки газетных статей с черно-белыми фотографиями. – И вот этому. И вот этому.

– «В бухте Дьявола найден труп неизвестной женщины, – вслух прочитала Марина. – Тело

обезображено так, что установить личность погибшей не удалось. Предположительно, она упала с высокой скалы. Лицо женщины сильно разбито, череп раздроблен, руки и ноги сломаны, кожные покровы повреждены...» И что?! – отбросив газету, она в упор посмотрела на Гамлета. – Что я должна объяснить тебе в смерти двухлетней давности неизвестной девушки?! – Марина Викторовна достала из сумочки сигареты и закурила.

Она умела брать себя в руки, она ведь была актрисой.

– Это ты погибла тогда в бухте Дьявола! Ты! – выкрикнул ей в лицо Гамлет. – Ты, Марина Кравец, разбила два года назад, упав со скалы, но вдруг опять появилась во всей красе на экранах! Это кольцо я нашел на вершине скалы, с которой ты сорвалась! А ты вдруг суешь мне за него кредитную карту! Зачем?! Почему?! Только чтобы оно не оказалось в милиции? Чего ты боишься? Кто эта Римма Ромм, которая была вместе с тобой в бухте Дьявола?!

– Я не знаю, – отрешенно сказала Марина, пуская дым через нос. – Я ничего не знаю. Я не срывалась ни с какой скалы, а кольцо хочу купить у тебя, потому что ты сильно смахиваешь на шизофреника и неизвестно, какая сумасшедшая мысль придет в твою больную голову. Я просто хочу спасти бедную, неизвестную мне Римму Ромм!

– Спасти?! – устался он на нее. – Римму Ромм не надо спасать. Она погибла два года назад в автокатастрофе. У нее даже есть могилка, возле которой рыдает безутешный Витольд.

– Все умерли, – засмеялась Марина Викторовна. – Вот и отлично. Зачем ты меня преследуешь? Что тебе нужно?

– Я же сказал, что хочу знать, как ты воскресла из мертвых.

– Ты действительно идиот? В газете написано, что тело не смогли опознать! Не смогли! Никто не знает, кто разбился два года назад в бухте Дьявола!

– Я знаю. Я опознал тело. Я!

– Интересно, как. Я только что сама читала в старой заметке: «Тело обезображено так, что установить личность погибшей не удалось». Тело не смогли опознать! Или тебе старик Прокоп нашептал, что со скалы сорвалась Марина Кравец?

– Почему ты говоришь о себе в третьем лице?

– Я всего лишь повторяю твои слова! Как ты мог опознать тело, которое не опознали даже криминалисты?

– Я любил Марину. Не только как актрису, но и как женщину. Я обожал ее! Я... знал про нее все, абсолютно все. Каждую ее складочку, каждую родинку, каждый нюанс ее тела. Я знал ее лучше, чем она знала себя...

– Вот именно, – захохотала Марина. – Лучше, чем она сама себя знала! Фанатичная любовь – это не доказательство. Это серьезный диагноз, с которым нужно идти к врачу, бедный юноша. Так ты продашь мне кольцо? Я не хочу, чтобы в твоей больной голове роились дикие бредни, связанные с моим знаменитым именем. Продашь? – она опять схватилась за замочек сережки.

– Нет, – ухмыльнулся он и демонстративно спрятал пакетик с кольцом в нагрудный карман. – Пусть в моей голове роятся дикие бредни, связанные с твоим знаменитым именем. Ведь я люблю тебя, – Гамлет сделал движение, словно хотел поцеловать Марину.

Она отшатнулась.

Он засмеялся, открыл верх машины и бросил ключи зажигания ей на колени.

– Не уезжай в Москву, – попросил Гамлет, когда Марина Викторовна пересела за руль. – Зачем тебе бояться своего безобидного фаната? Не бойся и не уезжай.

Марина завела движок.

Он не спешил уходить, а она боялась выдать свое смятение поспешным стартом.

– Там, в бухте Дьявола, на камнях скалы остались следы крови, – задумчиво сказал Гамлет, не глядя на нее. – Что удивительно, ни дожди, ни ветер, ни солнце не уничтожили их за два года. А сухой кустарник хранит следы борьбы... Ты понимаешь, что это значит? – наклонился он к ней. – По-ни-маешь? Там до сих пор остались следы борьбы!

Марина Викторовна рванула с места так, что из-под колес полетели искры...

Вот тебе и лето.

Вот тебе и смуглый юноша.

Зачем она уехала из Москвы?!

Следы крови, которые не смыл дождь, и сломанный кустарник, хранивший следы борьбы...

Этого не может быть. Она спорит на свою кредитную карту, что такого быть не может!

Тетя Галя не удивилась ее возвращению. Она вскипятила чайник и накрыла в саду стол – с кренделями, вишневым вареньем и бутербродами с салом.

– Ну и хорошо, что осталась, – хлопотала хозяйка. – Ну и слава богу, что не уехала! Чего ты в своей Москве не видала? Духоту? Пробки? Сплетни? Лето в разгаре, отдохнешь еще, сколько твой график позволит. У нас хорошо! Воздух! Природа! И тебя в паричке мама родная не узнает. Очухаешься хоть от пристального внимания поклонников и нацеленных на тебя объективов!

Марина Викторовна не отказалась от чая в саду и даже съела три бутерброда с салом, чего не позволяла себе лет с двадцати пяти.

– Тетя Галя, – сказала она, без стеснения стягивая парик и оставаясь в безобразной сеточке, – скажите, а вот два года назад тут случилась такая история: девушка со скалы сорвалась.

– Ой, случилось! – оживилась тетя Галя. – Ой, сорвалась! Насмерть голову себе о камни разбила. А ты откуда знаешь?

– Да так, люди болтают, – уклонилась от ответа Марина. – Ты мне вот что скажи, тетя Галя, – что, в милиции тогда это дело... замяли?

– Конечно, – кивнула хозяйка. – Списали на несчастный случай и дело закрыли. А чего еще? У девки в крови алкоголь обнаружили. Выводы напрашивались простые: набухалась девчонка и пошла свежим воздухом подышать. А места тут опасные – не для пьяных ног и нетрезвой головы. Сорвалась девка и каждым ребрышком своим, каждой косточкой все каменные выступы пересчитала. От лица у нее ничего не осталось... А из личных вещей при ней были купальник да маникюр с педикюром. Никто ее так и не опознал. И родственников не нашлось. Похоронили вместе с бомжами, как неизвестную.

– Да-а, – протянула Марина Викторовна. – Грустная история. Наверняка та девушка приезжая была. Может быть, до сих пор ее кто-то любит, ищет и ждет.

– Если любит и ждет, то уже объявился бы, – возразила тетя Галя. – А вообще... Что-то с той девкой нечисто было. Бабы местные поговаривали, будто столкнул ее кто-то. Там ведь не то чтобы очень уж скользко или неудобно ходить, на скале-то той. И потом, лицо уж больно ей разворотило! При падении так не изуродуешься. Поговаривают, бил ее кто-то перед смертью, сильно бил, а уж потом столкнул. Но это только сплетни и никаких доказательств. В милиции же «глухарей» не любят, поэтому на несчастный случай все списали. А ты, дорогая, почему этой историей так заинтересовалась?

– Да так, – постаралась как можно беспечнее улыбнуться Марина. – Люблю жуткие истории.

– Ой, так у нас тут пять с половиной лет назад ну та-а-акой жуткий случай произошел... – обрадовалась тетя Галя возможности ублажить знаменитую клиентку. – Ну та-акой жуткий! Под экскаватор многодетная семья попала – папа, мама и восемь приемных детей. А экскаваторщиком их родной сын был...

– Извините, – встала Марина Викторовна. – У меня голова разболелась.

Она ушла в сарай и, сев у зеркала, с головой ушла в свои мрачные, тягостные мысли.

Значит, девушку не опознали... Значит, ее похоронили с бомжами... Значит, у Риммы Ромм есть могила, над которой рыдает Витольд... Значит, дело закрыли, признав произошедшее несчастным случаем...

Тогда о каких следах крови говорил Гамлет? О каких кустах, хранящих следы борьбы? Откуда у него кольцо с разоблачающей гравировкой? А главное... зачем он утверждает, будто любил Марину Кравец?

Сидеть перед зеркалом и бездействовать стало невыносимо.

Марина Викторовна бросилась к чемодану, чтобы опять создать себе новый, неузнаваемый образ.

Она должна побывать в бухте Дьявола. Она должна забраться на ту скалу и убедиться, что кустарник давно зарос новыми побегами, а дождь, солнце и ветер уничтожили следы крови на камнях.

Шляпа была зеленая, брючный костюм зеленый, и босоножки тоже зеленые.

Рыжий парик неприятно сдавливал голову, а нарисованные веснушки вызвали зуд на лице, на плечах и на груди.

Она просто сошла с ума, последовав советам Гамлета о том, как усовершенствовать свой образ рыжей. Она запаниковала, а этого нельзя было допустить.

Она не запаниковала тогда, два года назад, так почему сейчас, под прессингом какого-то сумасшедшего должна потерять голову?

Дорога вела прямо к подножию злополучной скалы. Марина Викторовна бросила машину у обочины и пошла вверх сначала по пологой, а потом по очень крутой и неудобной тропинке.

Как-то внезапно стемнело, и яркий день превратился в сумрачный, вязкий вечер. Когда Марина оказалась в нужном ей месте – на маленьком плоском плато, – сумерки сгустились настолько, что пришлось включить фонарик в мобильном.

Нет, у нее действительно сдали нервы. Что она надеется найти в такой темноте, на такой высоте, да еще спустя целых два года?!

Внизу, возле узкой полоски берега, плескалось миролюбивое, разогретое дневным солнцем море.

Марина Викторовна встала на четвереньки и, подсвечивая себе телефоном, поползла, обследуя каждый камешек, каждую расщелину, каждый колючий кустарник, попадавшийся ей на пути. Занятие было бессмысленным, но Марина твердо решила, что непременно должна найти и уничтожить следы того «несчастливого случая».

За спиной вдруг раздался хохот.

Марина вздрогнула и, отпрянув к краю скалы, чуть не свалилась в пропасть.

Конечно, это был Гамлет.

Он возник на плато, словно призрак в белой рубашке, и от хохота корчился, как пауч. Если бы у Марины Викторовны вместо мобильного оказался пистолет, она, не задумываясь, разрядила бы всю обойму.

В этот хохочущий рот.

В эти белые зубы.

В этот высокий лоб, тонкий нос и бездонные черные глаза.

– Сволочь, – выдохнула Марина, отползая от края пропасти. – Ты следил за мной?

– Нет. Я ждал тебя здесь, – он присел рядом с ней на корточки, заглянул в глаза и погладил по искусственным волосам. – Рыжая! В зеленом! И веснушки нарисовала. Молодец! Не могу понять, от тебя пахнет крымской свежестью и чистыми помыслами или душной столицей и преступлением? – Он, принохиваясь, потянул носом воздух. – Неужели ты и правда поверила, что кустарник до сих пор сломан, а на камнях остались следы крови?

Марина Викторовна вскочила и побежала вниз. Нет, она не бежала, она катилась с этой скалы, не разбирая дороги, не видя тропинки, сдирая в кровь руки, ноги и даже лицо.

Но когда она залетела в машину, он уже сидел там.

Сидел на пассажирском сиденье и курил ее сигареты.

– Что тебе надо?! – Марина обессиленно упала за руль. – Я же предлагала тебе деньги... А хочешь... хочешь, я куплю тебе квартиру в Москве? Я хорошо зарабатываю и могу купить тебе трехкомнатную квартиру в центре!

– Мне не нужна квартира. Я хочу знать правду. Признайся, что ты не Марина Кравец, а Римма Ромм. Признайся, что два года назад ты убила Марину и заняла ее место на киноэкране и в жизни. Посмотри сюда, – он достал из кармана маленькую цветную фотографию.

Марина зажмурилась.

– Посмотри, эта девушка очень похожа на знаменитую актрису. Только у нее чересчур светлые волосы, а у Марины они были пепельными. И глаза... Глаза у девушки карие, а у Марины они были синие. Вся страна знала, какие у нее были синие, прекрасные глаза! Вся страна любила эти глаза! А теперь покажи свои! – Гамлет жестко схватил Марину за подбородок и развернул ее лицо к себе. Она открыла глаза. – Понятно, – сказал он. – Ты носишь синие линзы. Теперь это не проблема – изменить цвет глаз.

– Это мои глаза, – заплакала Марина Викторовна. – Это мои глаза, мое лицо, мое тело и мой актерский талант! Никакая Римма Ромм не сыграла бы Анну Каренину так, как я сыграла ее! Разве мои последние роли не доказательство, что я – это я?

– Римма очень талантлива. Очень! Она играла в школьных спектаклях, потом окончила театральное училище и некоторое время работала в местном драмтеатре. Она мечтала о большом кино, но это стало несбыточной мечтой. Ее родители пили и нуждались в постоянном внимании, а жених – тот самый Витольд – любил и не хотел отпускать ее от себя. Ни денег, ни возможности уехать в Москву у Риммы не было. И тогда она решила занять чужое место. Не пробиваться, не начинать все сначала, с первых шагов, а просто сразу стать знаменитой и всеми любимой Мариной Кравец. Она пронюхала, что Марина каждое лето инкогнито приезжает в свой любимый Крым отдыхать. Узнала, что Кравец снимает недорогую лачужку на берегу моря и наслаждается морем, солнцем и одиночеством. Никто никогда не догадался бы, что звезда такого масштаба, как Марина Кравец, отдыхает таким образом. Даже журналисты об этом не знали. Но у Риммы было много талантов, в том числе и талант детектива. Да, у нее имелся бо-ольшой талант детектива, нюх ищeyки и способности великой авантюристки!

Для начала она решила похоронить себя. Актриска местного театра подстроила так, что ее ближайшая подруга попала в автокатастрофу с документами Риммы Ромм и в ее одежде. Авария получилась страшная, машина сгорела, тело хоронили в закрытом гробу. У Риммы появилась могила.

Теперь ей предстояло убить Марину Кравец так, чтобы никто не опознал ее, и занять место великой актрисы.

– Это сказки, – перебила его Марина. – Кто ты такой, чтобы рассказывать мне небылицы?! – Она закурила. Руки дрожали, и пламя с трудом приладилось к сигарете.

– Я очень любил Марину, – мрачно ответил Гамлет. – Так любил, что вся моя жизнь имела смысл только потому, что она живет, дышит и бесподобно играет в кино... Я любил ее улыбку, ее мимику, ее жесты... Она была моим кумиром, моим идеалом. Я коллекционировал все ее фильмы, все статьи о ней, все фотографии. Я знал о ней больше, чем она сама! Когда стало известно, что со скалы сорвалась неизвестная женщина, я первым приехал на место происшествия! И догадался, что это она... Я понял, что ее кто-то убил. Начал раскапывать эту историю, вышел через свидетелей на Римму, но главное – нашел на скале кольцо с разоблачающей гравировкой. Наверное, оно сорвалось с пальца в пылу борьбы.

– Копать он начал, копатель, – усмехнулась Марина. – Кольцо он нашел! Слушай, я хочу выпить. Я, Марина Кравец, которую ты так беззаветно любишь, хочу выпить три бокала мартини.

– У Марины на щиколотке левой ноги была родинка в виде звездочки, – тяжело вздохнул Гамлет.

Марина Викторовна вскинула левую ногу ему на колено и, задрвав брючину, продемонстрировала на щиколотке маленькую темную звездочку.

– В каком салоне делала татуировку? – усмехнулся он.

Марина сдернула ногу и завела машину.

– А знаешь, какие есть два главных доказательства, что ты не Марина, а Римма?

– Какие? – рассеянно спросила Марина, нажимая на газ.

– Первое доказательство – то, что ты хочешь выкупить у меня кольцо. Второе – то, что ты прибежала в бухту Дьявола и не поленилась залезть на скалу, чтобы отыскать следы преступления двухлетней давности!

– Об этих доказательствах известно только тебе, – усмехнулась Марина. – Ты же не побежишь с ними в милицию? И потом, кто там тебе поверит, мальчишка!

– Поверят, – засмеялся Гамлет. – Ты даже не представляешь, как мне там поверят! Куда ты меня везешь?

– Убивать, – Марина Викторовна глубоко затянулась и прибавила газу.

Стрелка на спидометре скакнула со ста на сто двадцать.

Гамлет громко захохотал, широко открыв молодую, белозубую пасть.

– Тогда гони в «Сакуру»! – крикнул он. – Это самое лучшее место, чтобы прикончить меня!

В «Сакуре» опять оказалось немногочленно.

Они заняли свой прежний столик в закутке, скрытый от посторонних глаз широкой колонной.

Принесли мартини, пиво и четыре бисквита, посыпанных кокосовой стружкой.

– Я не заказывала бисквиты, – поморщилась Марина Викторовна.

– Зато я заказывал! – улыбнувшись, Гамлет, взял с блюда одно пирожное и поднес к ее губам. – Ешь!

– Я ненавижу кокос! – Марина отшатнулась и выбила бисквит из его рук.

– Конечно, ненавидишь, – прошептал, наклонившись к ней, Гамлет. – Я видел медицинскую карту Риммы Ромм, у нее аллергия на все кокосовое! Даже на заменители вкуса.

Марина Викторовна залпом выпила мартини.

Один бокал, второй, третий...

Тепло от желудка пошло к голове и ногам. Стало хорошо. Страх ушел. От паники не осталось и следа. Она засмеялась своим серебряным смехом, который так любили ее поклонники.

– Он видел медицинскую карту Риммы Ромм! Ха-ха-ха! Да кто ты такой, чтобы тебе ее показывали?! Кто! Ты! Такой?!

Она выплеснула кружку пива ему в лицо.

Как бы она хотела, чтобы это было не пиво, а соляная кислота!

Его рубашка намочилась, волосы слиплись, а лицо стало жалким.

Этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя победительницей.

Марина схватила с блюда пирожное и тоже швырнула ему в лицо.

– У меня ни на что нет аллергии! Нет! Я просто ненавижу кокос! Ненавижу! Он напоминает мне древесные, безвкусные опилки! Меня от него тошнит! – она выплюнула эти слова ему в лицо и ушла с гордо поднятой головой.

– У тебя веснушки размазались, – пробормотал Гамлет ей в спину, но она не услышала.

Тетя Галя спала мертвым сном.

Марина Викторовна долго стучала в дверь ее дома, а потом взяла да и залезла в окно.

– Тетя Галя, проснитесь! – потрясла она за плечо хозяйку.

Тетка завопила от страха, но, открыв глаза, быстро очухалась и начала тараторить, как она рада, что сама Мариночка залезла в окно и до смерти ее напугала.

Марина слушала болтовню, чувствуя себя пьяной, опустошенной и... рыжей.

– Теть Галь, я спросить хотела... – с трудом начала она разговор.

– Спрашивай! – обрадовалась хозяйка. – Что знаю, все расскажу! Чаю с салом хочешь? – метнулась она на кухню.

– Нет, – остановила ее Марина. – Давайте так посидим, в темноте.

Теть Галя послушно села на кровать, сцепив на коленях пухлые ручки.

– Теть Галь, у вас сумасшедшие в округе есть?

– Чокнутые, что ль? – уточнила хозяйка.

– Ну да... Не в себе как бы. С виду вроде нормальные, но со странностями.

– Да у нас тут все со странностями, – растерялась хозяйка. – Как плюс сорок вжарит, так у всех крыша едет, и у местных, и у приезжих...

– Значит, нет сумасшедших. – Марина разочарованно вздохнула и встала.

– Нет, ну, чтобы совсем дураков – с медицинской точки зрения – таких нет. Может, все же чаю с салом?

Марина Викторовна легко катапультировалась через окно во двор.

– А вы не знаете никого по имени Гамлет? – крикнула она с улицы.

– У нас в округе только один Гамлет, – вывесилась в окно тетя Галя. – Опер из убойного отдела.

– Опер из убойного отдела, – пробормотала Марина. – Опер из убой... Господи!

Она побрела к сараю, содрал с головы парик.

– Опер из убойного отдела! – захохотала Марина. – Опер! Ну и дура же я... Ну и дура!

Ночью опять пошел дождь.

Неправильный, неожиданный крымский дождь, который делал жару невыносимо душной и влажной.

Крыша протекла в новом месте – прямо над кроватью Марины Викторовны. Она лежала под водопадом, и плакала, и рыдала, и тряслась в ознобе, и тайно радовалась, что пошел дождь, что крыша течет и что ее истерика имеет вполне объяснимые климатические причины.

Она еле дожидая до утра.

– Опер, – рыдала она в подушку. – Он просто опер! Вот почему он оказался первым на месте происшествия! Вот почему у него кольцо с гравировкой! Вот почему он видел медицинскую карту Риммы Ромм и знает о ее аллергии! Вот почему! Моей карьере конец. Я погибла! Погибла я!

Местное РОВД оказалось маленьким зданием, похожим на детский сад.

Гамлет сидел в крошечном кабинете, сосредоточенно набивая что-то на компьютере.

Марина Викторовна ворвалась в душное прокуренное помещение и схватила Гамлета за руку.

– Пойдем, – задыхаясь, сказала она. – Пойдем, я все тебе расскажу, только без протокола и всех этих официальных штучек.

Гамлет встал и послушно пошел за ней.

Слава богу, на нем была не белая рубашка, а черная майка.

Черная майка, черные джинсы и кобура на поясе.

«Я погибла! – стучало в висках у Марины. – Я погибла, потому что он мне никогда не поверит!»

– Почему ты не арестовал меня в аэропорту? – спросила она, когда он сел рядом с ней в машину.

– У меня нет никаких доказательств, – покачал он головой.

– Кольцо! – напомнила она.

– Это не доказательство. Кольцо могло быть потеряно в бухте когда угодно. Это не доказательство. Единственным доказательством может быть твое чистосердечное признание.

– Признание... – эхом повторила Марина Викторовна. – Скажи, ты действительно любил Марину Кравец?

– Безумно. Любил издали, как недостижимую на небе звезду. Это чистая правда. Я даже вызнал номер ее мобильного, но ни разу не посмел позвонить, потому что понимал – таких поклонников, как я, полстраны, а то и полмира... Я терпеть не могу быть одним из многих, поэтому любил ее тайно, издали.

– Тогда ты должен верить мне! Поехали! – она нажала на газ. Движок откликнулся ревом, а колеса – душераздирающим визгом.

– Куда мы едем? – без особого интереса спросил оперуполномоченный.

– В бухту Дьявола! Мы пойдем с тобой на ту самую скалу, с которой...

Гамлет равнодушно пожал плечами и отчего-то проверил на поясе кобуру.

Плато было раскалено полуденным солнцем, как сковородка.

Марина Викторовна достала из сумочки сигареты, села на камень и закурила.

– Ты сегодня без маскарада, – сказал Гамлет, усаживаясь напротив и сканируя взглядом ее лицо, прическу, фигуру. – Ты очень, очень похожа на Марину. Даже жесты, даже мимика, даже голос и интонации... Ты действительно талантливая актриса, Римма, но до Кравец тебе далеко.

– Слушай меня и не перебивай, – оборвала его Марина Викторовна. – Все, что я скажу, – правда! Мне очень трудно рассказывать это, ведь как ни крути, а я совершила убийство. Жестокое, ужасное убийство. Никому теперь не докажешь, что я защищалась, что просто спасала свою жизнь, но я попытаюсь... – Она затушила сигарету о камень, встала и подошла к краю обрыва. Ей вдруг показалось, что если она встанет на краю пропасти, ее слова окажутся более правдивыми и весомыми. Ей показалось, что именно так нужно выстроить кадр, чтобы он держал внимание и будоражил душу.

Внизу ласково бились о берег волны. Природа помогала ей как могла – светом, солнцем, ветром, бескрайней гладью воды и даже тучками на горизонте, которые, непонятно было, закроют солнце или растворятся в небе, превратившись в безобидную дымку.

– Я в тот вечер немного выпила, – начала она рассказ, глядя на линию горизонта. – Не в баре, не в ресторане – так, купила в супермаркете бутылочку розового мартини и потягивала себе за рулем. Это был один из тех редких дней отдыха, когда я не стала надевать парик и гримироваться. Отчего-то никто не узнавал меня, и мне стало даже обидно. Гаишники не останавливали, чтобы взять автограф, прохожие не оборачивались и не кричали вслед: «Смотрите, да это же сама Марина Кравец за рулем!» Никто не пытался меня сфотографировать, хотя я ехала намеренно медленно и демонстративно пила за рулем спиртное.

Скука была смертная.

Жара и скука.

Наверное, поэтому я остановилась, увидев на шоссе одинокую голосующую девушку.

– Я вас узнала, – улыбнулась она, садясь в машину. – Вы...

– Я такая же отдыхающая, как вы, – перебила я девушку. – Кстати, вам не кажется, что мы очень похожи?

Девчонка оказалась блондинкой, с выжженными перекисью волосами. Мне неприятно сравнивать себя с ней, но мы действительно были очень похожи – черты лица, рост, телосложение, даже голос. Единственное отличие – возраст. Она казалась намного моложе меня.

Жара и скука сделали свое дело. Я разговорилась с попутчицей, которой, кстати, не понадобились ни мой автограф, ни определенное направление, куда бы следовало ее отвезти.

– Хотите, покажу вам бухту Дьявола, там очень красиво, – предложила девица.

Мне было все равно, куда ехать и что смотреть, поэтому я согласилась.

Она показала дорогу к высокой скале. Мы бросили машину вниз и полезли вверх по тропинке, по очереди отхлебывая из бутылки мартини.

Мне стало весело, скуку как рукой сняло, и жара уже не так докучала.

Девушка показывала дорогу и все время рассказывала какие-то глупые анекдоты. Я шла за ней – как последняя дура, забыв, кто я, не зная, кто она.

На скале и правда оказалось очень красиво. Вот как сейчас. Внизу море, впереди горизонт, а под ногами – горячие камни. Мы разделись и остались в купальниках. Мартини к тому времени уже закончился. Анекдоты у девчонки тоже. Она вдруг стала угрюмой и неразговорчивой.

Я начала травить какие-то байки про смешные случаи на съемках, во время рассказа повернулась к девчонке спиной и... получила сильный удар по голове. Удар был страшный оттого, что он оказался неожиданным. Я устояла на ногах, у меня крепкая голова – сколько раз я, отказываясь от дублерш, ударялась этой головой на съемках во время исполнения трюков, сколько раз меня били по темени, если того требовал сюжет...

Я обернулась. Девчонка стояла с перекошенным от злости лицом и с камнем в руке.

Я закричала и отпрыгнула от нее. А что еще было делать в такой ситуации? Расшаркиваться и узнавать причину агрессии?

Я тоже схватила камень. Небольшой, но очень острый.

Девчонка набросилась на меня. Она с остервенением била меня и бормотала что-то о том, что я непременно должна умереть. Я защищалась! Как? Да как тигрица! Умереть под градом ударов какой-то завистливой дрянью я не хотела! Девчонка оказалась гораздо слабее меня, хоть мы были одного роста. Но я отстаивала свою жизнь! Свою славу! Свою карьеру! Поэтому силы мои утроились, нет, удесятерились... Кажется, это называется иступление. Или состояние аффекта? Не знаю, не скажу чтобы я себя не помнила, но очнулась я только тогда, когда острым камнем искромсала ей лицо до неузнаваемости.

У меня было ощущение, что режиссер вот-вот крикнет «Снято!» и можно будет идти смывать грим – после того, как я блестяще отыграла какой-то эпизод. Но режиссер ничего не кричал, софиты не гасли, а вместо грима лицо разъедал пот. Девчонка не дышала. Пульс не прощупывался. Я поняла, что совершила убийство, и никому, никому теперь не докажешь, что я защищала свою жизнь! Это означало конец работе, конец ролям, конец деньгам, конец славе, конец свободе, конец всему...

Я осмотрела труп. На пальце у девчонки блестело золотое колечко. Я сняла его, и правильно сделала, потому что внутри оказалось выгравировано ее имя – Римма Ромм.

В том, что делать с телом, я ни минуты не сомневалась. Я подтащила его к обрыву и... Она летела, как кукла, ударяясь о каждый выступ, о каждый камень. При таком раскладе я имела все шансы выйти сухой из воды. Вряд ли тело в таком виде опознают, а если его не опознают, кто свяжет убийство с моим именем?

Я взяла пустую бутылку из-под мартини с отпечатками наших пальцев и бросила со скалы в море. Туда же полетели камни, которыми мы наносили друг другу удары. Оставались ее шмотки – джинсы и кофточка. Я сожгла их на обочине, отъехав от бухты Дьявола километров на двадцать... Развела костер и сожгла. Все было сделано чисто, вот только кольцо я где-то потеряла. Где-то потеряла... Искать его в наступающих сумерках не имело смысла. Ну, что ты молчишь? Это я, я убила Римму Ромм! Я убила ее, а не она меня, слышишь?! Я – Марина Кравец! Та, которую ты тайно и безнадежно любишь! Неужели твое сердце не подсказывает тебе? У меня синий цвет глаз, а родинка на щиколотке – самая настоящая!

– Ты врешь, – Гамлет встал и сделал к ней шаг. – Ты правдоподобно, искусно врешь! Марина не могла стать убийцей! Даже защищая свою жизнь! Она не способна хладнокровно и размеренно разбивать жертве лицо острым камнем! Не способна! Она не могла сбросить со скалы тело, а потом с преступным спокойствием уничтожить улики! Она умерла бы сама, но не стала бы этого делать! – Гамлет сделал еще один шаг и выхватил пистолет. – Ты врешь! Врешь! – Он поднял руку и прицелился ей в лоб. – Врешь! Ты не Марина! У тебя в глазах синие линзы, а на щиколотке татуировка! У тебя аллергия на кокос! Римма Ромм еще в школе умела сочинять душеспасительные истории, в которых правду трудно было отличить от вымысла! Трудно, слышишь? Я же говорил, что у тебя много талантов! Ты – Римма! Это говорят мои мозги, мое сердце, моя интуиция и мой здравый смысл! – Его палец дрогнул на курке, всего лишь дрогнул, выстрела не последовало, но нервы у Марины не выдержали.

Она сделала шаг назад, забыв, что позади пропасть.

...Небо кувыркалось то вверх, то вниз, солнце яркими бликами сверкало в глазах, синее море плескалось то сверху, то снизу. Было не больно и вовсе не страшно от того, что впереди смерть. Было смешно, что она всего-навсего оступилась...

– Я уже не знаю, кто я! – из последних сил закричала она. – Не знаю! Ты почти убедил меня, что я Римма-а-а-а-а...

Жизнь заканчивалась тогда, когда лето находилось в разгаре, а солнце в зените. Это было обидно.

Последнее, что почувствовала то ли Римма, то ли Марина, – это жар в своих ранах.

Лето, Крым, год спустя...

Больше всего тетя Галя любила сплетни и семечки.

Сильней, чем она, сплетни и семечки любила только соседка Нюрка, но она могла выходить на лавочку только по четвергам, потому что в четверг у Нюрки забирали внуков.

Сегодня как раз настал четверг, и Нюрка во всеоружии – с карманами, забитыми семечками, – вышла на лавочку.

Сначала обсудили семью американского президента, потом перемыли кости эстрадным звездам, потом добрались до местного населения. Население было не то чтобы многочисленным, поэтому новости быстро закончились, но тут на горизонте появилась любимая тема для обсуждения.

В конце улицы показалась инвалидная коляска, которую катил молодой смуглый красавец. В коляске сидела бледная женщина с отрешенным лицом. Ее ноги прикрывал клетчатый плед, а руки, несмотря на жару, скрывали длинные черные перчатки.

У женщины были густые пепельные волосы, собранные в узел на затылке, и пронзительно-синие глаза.

Парень бережно катил коляску по улице, объезжая неровности и стараясь не выходить из тени.

– Вот бедняжка, – в тысячный раз принялась обсуждать любимую тему тетя Галя. – Такая актриса была! Такая красавица! Видно, не зря бухту Дьявольской кличут. Сколько народу там поубивалось! А живой только она осталась.

– Чем так жить, лучше насмерть разбиться, – вздохнула Нюрка. – Ее же по кусочкам сшивали, по косточкам собирали! Ни одного живого места не осталось!

– Да-а... А все равно, как красавицей была, так и осталась. Лицо-то не пострадало совсем!

– Берегла, видно, когда летела.

– Берегла. А Гамлет-то наш, кто бы мог подумать! Работу в милиции бросил, устроился начальником службы безопасности в банке, чтобы побольше зарабатывать, и женился на ней! Ну кто бы мог подумать! Ведь все девки в городе по нему сохли!

– А знаешь, что бабы говорят? – Нюрка нагнулась к уху тети Гали, потому что коляска как раз проезжала мимо них.

– Что? – прильнула к Нюрке тетя Галя.

– Да будто Гамлет наш специально актрису в пропасть спихнул, чтобы она, кроме него, никому не нужна была. Он уж такой влюбленный в Марину ходил! У него вся комната в общежитии была ее портретами увешана!

– Да ты что?! – поразилась тетя Галя, хотя слышала эту новость не первый раз. – Наш Гамлет?! Спихнул?! Чтобы никому не досталась?! Ох ты, господи, а я-то думаю, чего он вокруг коляски так увивается!

– А еще болтают, будто не Марина Кравец это вовсе, а Римма Ромм из местного драмтеатра. Уж больно похожа она на Кравец была. А Кравец будто карьеру бросила и с любовником-миллиардером на острова укатила. Вот.

– Да нет, я ж Маринку знаю, она у меня сарай снимала! Кравец это! Стопроцентная знаменитая актриса Кравец! Только вот не помнит она ничего после падения, и меня не помнит.

– И слава богу, что не помнит. Разве ж такой ужас можно помнить?

– Я, что ли, ужас?!

– Да не ты, а скала эта!

– А может, и помнит она все, да делает вид, что забыла... Зачем ей теперь прошлая жизнь?

– Может, и так. А к Гамлету она хорошо относится. Вроде бы даже любит.

– А кого ей еще любить-то в коляске? Врачей из клиники? Некого ей любить, кроме него.

Он катил ее бережно – объезжая неровности на дороге и стараясь не выходить из тени.

– Дорогая, тебе купить что-нибудь вкусное?

– Да.

– Мороженое?

– Лучше пирожное.

– Хорошо.

Он побежал к киоску, пристроив коляску в тени.

Она закричала ему в спину капризно и повелительно:

– Только чтобы без кокосовой стружки!

– Я помню, любимая!

Он вернулся обратно через минуту с двумя огромными шоколадными бисквитами со сливочным кремом.

Она взяла оба и начала есть, поочередно откусывая от каждого.

– Господи, как хорошо, когда не надо заботиться о фигуре! – ее глаза засветились счастьем.

– Куда сегодня поедem гулять? – он склонился над ней, заботливо поправляя плед.

– Как всегда, – улыбнулась она. – На дикий пляж!

– Что будем просить у Прокопа?! – засмеялся он.

– Как обычно, самого главного – здоровья и долгих лет жизни! Вперед, мой Гамлет! Вперед, мой любимый!

Толкая коляску перед собой, он помчался к морю, объезжая неровности и стараясь не выбегать из тени.

Лето продолжалось, и жизнь, как ни странно, тоже.

Виолетта Якунина Роковой мужчина

За ним следили тысячи чертей. По одному за каждую погубленную жизнь. Да, он душегуб. Но разве у него был выбор? Был, наверное. Пошел бы лучше учиться на зубного техника, как мама хотела, а не в армию. Но сейчас уже ничего не переиграешь. Так чего же они его преследуют каждое полнолуние, эти прислужники преисподней?

Обведя тяжелым взглядом темное помещение, он решительно опрокинул содержимое стакана себе в глотку. До забвения осталось полшага.

– Хорош тарашиться на меня! – прошипел он.

– Это вы мне?

– И тебе тоже, – не слишком уверенно подтвердил он.

Звук шел из того самого темного угла, который тревожил его последние полчаса. Ему уже давно казалось, что за ним наблюдают, но он старался держать себя в руках.

– Какого хрена?! – вспыхнул он внезапно. – Пошли вы все, мать ва-ашу...

Хотел уронить голову на сцепленные в единый кулак ладони, но промахнулся и приложился лбом к столешнице. Звук получился звучный, но боли он не почувствовал. Пришло великое Забвение и накрыло его с головой.

– Что, ваш дружок достиг кондиции? – жизнерадостным тоном осведомился у нее официант.

– Мой дружок?

– Ну да, вы же вместе пришли.

– Я с ним пришла?!

– А разве нет? Вы же все время болтали и заказывали, – официант неопределенно повел рукой над бокалами.

– О господи, конечно, нет!

– Так, девушка, я не понял? Вы что, не хотите платить?

Она ему сразу разонравилась. Он достаточно давно работает в общепите, чтобы уловить настроение клиента. Эта явно пыталась под шумок слинять. Она смоемся, а у него на руках останется неплатежеспособный клиент – будет тогда морока.

– Почему это я должна за него платить? За себя заплачу, конечно. А он пусть сам... потому что мы не вместе... Я его вообще первый раз вижу!

Она так нервничала, что дернула замок сумки слишком сильно, и его заклинило. Пальцы не слушались, замок выскальзывал и не желал двигаться с места. Официант, почуяв неладное, тут же принял боевую стойку, как гончая со стажем.

– Так, минуточку, девушка! Ваш дружок выпил в десять раз больше вас. А вдруг у него денег нет?

Она попыталась протиснуться мимо официанта к выходу:

– Я заплачу только за себя!

Официант решительно преградил ей дорогу.

– То есть как это – вы заплатите за себя? А за него кто будет платить, я?

– Да кто угодно! Поймите, это – не мой дружок, как вы изволили выразиться, я его знать не знаю! В общем, все, я ухожу.

Дама, наконец, справилась со своей сумкой, добыла из ее нутра кошелек и достала довольно крупную купюру.

– Вот, возьмите, сколько я там вам должна?

– Не надо спешить, – вкрадчиво предложил официант. – Я сейчас позову администратора, пусть он с вами разбирается.

– Послушайте, чего вам от меня надо? Я пришла сюда одна. Выпила, – она покосилась на бокал и кофейную чашку, которые все еще не были убраны со стола. – Я не буду за него платить!

– Какие-то проблемы?

Администратор материализовался словно из воздуха.

– Приятель дамочки отключился, а она не желает оплачивать счет, говорит, что заплатит только за себя, – наябедничал официант.

– Он не мой приятель.

– Ее, ее, – закивал официант, – они весь вечер тут шушукались. И заказывали одновременно.

– Наглая ложь, – возмутилась девушка. – Он все время с кем-то говорил по телефону. У него хендс-фри. Вот со стороны и казалось... то есть могло казаться...

Она снова смешалась. Ей никогда не удавалось достойно отбивать обвинения, особенно огульные. Это было огульное.

– Вы не имеете права меня задерживать! – пискнула дама.

– Они вместе пришли и все время болтали. Теперь он отрубился, а она сваливает. То есть уходит, – поправился официант под жестким взглядом начальства.

– Счета разные? – сурово спросил администратор.

– Один, я у них сразу уточнил.

Они победили, а она проиграла.

– Ну, знаете, чтобы я еще раз зашла в ваше отвратительное заведение! Нате, держите, я заплачу за вашу подсадную утку! – она одну за другой вытащила из кошелька купюры. – Видно, дела ваши идут совсем плохо, раз вам приходится зарабатывать на беззащитных одиноких женщинах!

– Так, стоп, давайте без истерик, – ухватил ее за локоток администратор, – раз мы разрешили наш конфликт мирным путем, то все пойдет по правилам. Федя!

Официант сорвался с места в галоп и через минуту притащил от стойки бара книжицу с деньгами.

– Вот ваша сдача, – сказал администратор, не отпуская ее руки.

– Оставьте ее себе на чай, – презрительно процедила она.

– Спасибо, не в этот раз, – отрезал администратор.

Ей насильно сунули в руки деньги и чек.

– А мы поможем вам довести вашего друга до автомобиля.

– Что?! Ну уж нет! Мало того что вы заставили меня за него платить, так еще хотите, чтобы я его домой транспортировала?

– Послушайте, ну давайте не будем начинать все заново, – поморщился администратор. – Кому же, как не вам, доставлять вашего подвыпившего приятеля восвояси.

И они с официантом очень ловко подхватили под руки бездыханное тело упившегося клиента. В тот вечер обслуживающий персонал «Зеленого дракона» проявил невиданную бдительность и расторопность и мог собой гордиться. Дамочка безропотно позволила загрузить в свой пижонский «Dodge Nitro» отрубившегося товарища. Села за руль и покинула парковку.

Сначала был свет. Ослепительный свет бил по глазам, и это было очень больно. Потом включили звук. Кто-то резко повернул рычажок, и уши заложило от грохота. Грохот отдаленно напоминал музыку.

– Какого черта, – прохрипел Граф, и его перекосило от боли.

Болело все разом: спина и ноги, глаза и горло, голова – так та просто разламывалась. Вот это он надрался! Лучше бы он вчера сдох!

– Сделайте тише, мать ва-ашу!

Ему показалось, что он кричит, но он сипел, и его никто не слышал. Или не желал слышать. А он не мог пошевелиться, потому что тело затекло и мышцы не слушались команд его мозга. Радио орало как сумасшедшее.

Где он, черт возьми, находится? Может, в аду? Это так, скорее всего. Он чувствовал, что ему очень жарко. Настолько жарко, что одежда буквально промокла от пота. Но при этом его бил озноб. Ну конечно, так всегда бывает с похмелья. Хотя если он уже в аду, то какое может быть похмелье?

Граф усилием воли разлепил веки и попытался определить себя в пространстве и времени. Сфокусировавшись, он вздохнул с облегчением. И никакой это не ад. Просто его кто-то засунул в машину. Точно. Он лежал на заднем сиденье в салоне какого-то автомобиля, скрюченный, как эмбрион в утробе матери. Шофера за рулем не было. Воняло бензином.

«Мы на заправке», – подумал он.

Произошло какое-то быстрое движение, в таком состоянии ему сложно было улавливать причины и следствия. Хлопнула дверца. Кто-то сел за руль и завел машину. Радио на секунду смолкло.

– Вы кто? – спросил Граф.

– Фу, как вы меня напугали!

Он проморгался, чтобы ее разглядеть. Сзади засигналили, требуя освободить место у колонки.

– Я должна ехать, – извиняющимся тоном сказала дама.

Граф точно знал, что никогда в жизни не встречал этой женщины. Она была молода и породиста, как ахалтекинец. Граф не стал думать, как оказался в ее машине. Определенно, он вчера перепил, если не

помнит, где подцепил эту красотку. Или она его подцепила?

– Вы кто? – предпринял он еще одну попытку.

И снова безрезультатно.

– Вы пришли в себя? Хорошо. Скажите, вы сможете добраться домой самостоятельно?

Он был не уверен, что способен хотя бы просто сесть, но решил не нагнетать атмосферу.

– А где мы?

– В районе горпарка. Мне надо было заехать домой, переодеться.

Ее голос показался ему смутно знакомым. Он поморщился. Гул мощного мотора, запах кожи сидений... нет, ничего... абсолютно ни о чем это ему не говорило...

– Вы спали как убитый даже после того, как я приняла душ и переделась. Спустилась, и вы даже не пошевелились.

Ему показалось, что она нервничает. Так, так, она ездилась домой, мылась-брилась или что она там делала, а он валялся в ее тачке.

– Сейчас мне надо в центр. Я могу вас высадить у метро или где пожелаете.

Он пожелал бы место на тихом кладбище. Все плыло в глазах и в сознании.

– А что было вчера?

– Вчера был четверг. Так где мне вас высадить?

Ага, похоже, он ее совсем не удовлетворил, раз она старается от него избавиться. Неудивительно. Кто способен на сексуальные подвиги в таком состоянии? Что она от него хотела? Заманила к себе в машину... Зачем вообще было что-то начинать, чтобы сегодня недовольно фыркать в его сторону!

Красная пелена полностью закрыла белый свет.

– Эй, вам что, плохо?

Какое там плохо! Ему так хреново, что непонятно, как он до сих пор копыта не откинул. Кажется, она припарковалась. Иначе как бы она смогла оказаться так близко? Она протиснулась между двух передних сидений и держала его обеими руками за голову. Зрачки ее были расширены от ужаса.

– Будете воду? – твердила она. – Воду? Это вас освежит.

Но даже не делала попыток дать ему попить. В ее огромных глазах плескался ужас. Он уже однажды видел такое выражение. Тогда он и вправду умирал на руках Андрона и видел ужас в его глазах столь же отчетливо, как и теперь.

– Что с вами? – спросила она, заикаясь.

– Хреново, – признался он.

И испытал давно забытое чувство смущения.

– Я отвезу вас в больницу, – строго сказала она.

– К черту больницу!

– К черту вас! – с неожиданным пылом воскликнула она.

Дальше он помнил не очень хорошо. Было жарко и холодно. Тошнило сильно. Кажется, его вырвало. Похоже, не один раз. Потом снова было темно. Потом... потом пахло госпиталем. Блин, как же он ненавидел этот мерзкий запах!

Как она ненавидела этот запах! «Пуазоном» пахло от врачихи, которая сказала, чтобы она забыла о балете. «Пуазоном» пахло от мамы, которая хотела, чтобы Мелисса стала балериной. Десять лет жизни ухлопали на нее лучшие балетмейстеры. И что толку? Нелепое падение с лыж, и все – прощай, сцена, прощай, светлое будущее, а ведь в ней кое-кто из педагогов отмечал талант! «Как глупо!» – сказала мама, придя навестить дочь в больницу.

«Ничего, дочка, не плачь, что хорошего в этом балете? – утешал ее папа. – Я всегда говорил, что с твоим талантом к живописи лучше идти в художники. На крайний случай, станешь архитектором, как дед. Представь, по твоим проектам будут строить дворцы и замки! Здорово?» «Здорово», – соглашалась она и ревела пуще прежнего. «Зато теперь никаких диет! – не отставал отец. – Кости срастутся, и жизнь начнется заново». Но кости срастались плохо, сказалось ее постоянное недоедание.

Мелисса провела большую часть реабилитационного периода в деревне у деда с бабкой. Дед обучал внуку азам изобразительного искусства, но она, обладая способностями, не желала прилагать должных усилий. «Да она просто боится, – однажды сказала бабушка, когда думала, что Мелисса не слышит их разговора с дедом, – неужели вы не видите, что она боится снова стать предметом больших семейных надежд? Ее мамаша могла бы стать чуточку менее эгоистичной и любить ее просто за то, что она есть. Но как это объяснить ребенку?» Мелисса поняла, что хотя бы одна союзница у нее в запасе имеется. Но глубоко ошиблась.

Бабушка была профессором математики. Однажды она в шутку предложила Мелиссе решить какую-то логическую задачу. Мелисса очень не хотела идти на пленэр с дедом, поэтому сделала вид, что ее страшно заинтересовала бабушкина задача. Она удалилась в свою комнату и пару часов читала Пикуля, потом за пять минут решила задачу и спустилась в столовую. Бабушка пришла в восторг от предложенного внучкой решения. Оказалось, что Мелисса пошла по самому интересному пути с точки зрения логики. И чтобы убедиться, что это получилось не случайно, бабушка выдала внучке еще пару заданий.

Через неделю большие семейные надежды ожили в отношении Мелиссы. Бабушка провозгласила внучку гением математики и проявила недожиданную настойчивость по развитию ее будущего именно в этом направлении. Маме и деду нечего было даже и пытаться воспрепятствовать! Мелиссу перевели в математический лицей, и муштра началась заново. Олимпиады, конкурсы всяя Руси, выигранные гранты.

Но и в этот раз она подвела семью. Вопреки всеобщему неодобрению, Мелисса влюбилась, выскочила замуж сразу после школы. Поступила в тот же вуз, что и ее муж, и с красным дипломом окончила экономический факультет. Они с мужем организовали консалтинговую компанию и целых три года успешно вели совместный бизнес. А потом им взбрела в голову идея отметить Новый год вместе с родителями в Австралии. Собрались поздно, билетов не было, пришлось всем лететь порознь. Мелисса и свекровь вылетели на три дня раньше. А самолет, в котором летели ее муж и родители, пропал над океаном. В том же году умерли дед с бабушкой, ушли друг за другом.

И Мелисса превратилась в богатую и сумасшедшую вдову.

На ум пришла вчерашняя ночь. Ни одна нормальная женщина не потащилась бы в тот бар одна. И уж тем более не согласилась бы, чтобы ей навязали общество упившегося до чертиков забулдыги. Ни одна нормальная женщина не стала бы оплачивать его счет за выпивку и уже тем более не позволила бы загрузить к себе в машину этот полутруп. Вполне можно было дожидаться милиции или даже самой ее вызвать, ведь она ничего противозаконного не совершала. Но она струсила.

На самом деле Мелисса боялась, что официант Федя окажется прав и она действительно притащилась в тот бар с мужиком-пропойцей, но благодаря своему сумасшествию об этом забыла. Она стала многое забывать в последнее время, поэтому и заплатила по счету, и позволила загрузить пьяницу к себе в машину. Она боялась, что приедет милиция и выяснится, что этот человек вполне ей знаком, и даже приходится братом или сватом. А что, часто страдает амнезией, о чем угодно может забыть!

Мелисса зябко поежилась. Ах, господи боже мой, если бы она была более решительной! Она пошла бы и сдалась в психиатрическую больницу, пусть бы ее там вылечили. Но нет! Она боится огласки. Она боится всего на свете.

Она сошла с ума от одиночества и горя. Слишком долго жила, как устрица в раковине, нигде кроме работы не появлялась, с людьми общалась только в связи со своими профессиональными обязанностями. И вот недавно она стала слышать потусторонние голоса, впадать в коматозное состояние, совершать множество необъяснимых поступков...

Слава богу, что ее кухни взяли над ней опеку! Они, конечно, быстро поняли, что с ней не все в порядке, но это хотя бы свои, родные, а если ее странности начнут замечать окружающие?

– А ну, перестань разводить сопли-слезы! Или иди сдавайся врачам, или возьми себя в руки! – сказала себе Мелисса.

Она не могла больше позволить себе углубляться в собственные переживания. Она решительно встала из-за стола, взяла свою сумку, подхватила со стола мобильник и вышла из кабинета.

Как же омерзительно пахло «Пуазоном» от ее секретарши!

– Вы еще вернетесь, Мелисса Вячеславовна? – секретарша смотрела немного озабоченно.

– Нет, пожалуй, я не вернусь, – призналась Мелисса.

– Значит, встречу с рекламщиками отменяем? – секретарша уткнулась в ежедневник.

Мелисса едва не шмякнула себя по лбу. Ну конечно же, она *опять* забыла о заранее запланированной встрече! Как быстро идет разрушение памяти! Какое это по счету упущение за неделю? Нет, лучше не думать!

– Перенесите встречу на завтра, – распорядилась Мелисса, – но предварительно сверьтесь с графиком, чтобы не было накладок, и уведомите меня по телефону.

Все правильно, когда на лицо «ляпсус» со стороны начальства, надо сделать морду кирпичом и завалить подчиненных указаниями. Хоть этого она не забыла!

– Всенепременно, Мелисса Вячеславовна, – кивнула Верочка.

– До свидания, – буркнула Мелисса.

И с тяжелым сердцем покинула офис. Если так пойдет и дальше, то она начнет забывать к вечеру, что

было утром. Надо принимать меры. «Но не сейчас», – поспешно добавила она про себя. Еще есть возможность держать все под контролем, надо просто мобилизовать волю, и... все будет хорошо.

Мелисса вышла на улицу и направилась на стоянку. Но тут кое-что заставило ее замереть на месте. Ее любимец «Додж» красовался неподалеку от входа в здание. Мелисса сглотнула и часто заморгала, она готова была голову дать на отсечение, что поставила «Додж», как обычно, на стоянку!

– Это не моя машина, – попыталась хитрить с собой Мелисса.

Добыла из сумки ключи и пиликнула сигнализацией. Увы, увы, увы! Машина послушно открылась. Это, безусловно, ее родимый «Додж», совершенно самостоятельно подъехавший со стоянки за своей хозяйкой.

Мелисса села за руль, не совсем уверенная, что имеет моральное право в таком состоянии управлять автомобилем. Но выбора не было. Неизвестно, куда двинет распоясавшийся «Додж», если она возьмет такси, а его оставит здесь до лучших времен. Уж если твой автомобиль пошел вразнос, то лучше держать его под рукой!

Мелисса решительно повернула ключ зажигания. Зазвонивший мобильник заставил ее вздрогнуть всем телом.

– Алло, – отозвалась она.

– Привет, куда ты запропастилась? Почему не отвечаешь на телефонные звонки? У тебя все в порядке?

Это была ее старшая кузина Кира.

– У меня все нормально, – сцедила зубы Мелисса.

– Мы со Славкой за тебя волнуемся. Почему ты не перезванивала? Ты же знаешь, что у нас есть повод для волнений. Где ты была этой ночью?

И тут Мелисса разозлилась. Может, она, конечно, и чокнутая. Может, ее без намордника нельзя выпускать на улицу, и без круглосуточного наблюдения ей уже и шагу не ступить, однако тотальная слежка выводит ее из себя! Она не позволит им превратить себя в овощ! Она будет сопротивляться!

– Мелисса, ты вообще где? Когда вернешься? – продолжала сыпать вопросами Кира.

– Извини, я жду важного звонка, я перезвоню, когда освобожусь. И не надо так за меня переживать. Я еще, слава богу, вполне вменяема! Все, до вечера.

Мелисса отключилась. Ее трясло мелкой противной дрожью. Ну нет, она не поедет домой, туда могут прилететь кузины, будут кудахтать с озабоченными лицами и тревожно переглядываться. Она должна побыть в одиночестве и хоть как-то развеяться. На работе это невозможно, дома тоже. И она придумала, куда отправится.

Он пришел в себя в палате. Это была какая-то особенная палата, чистая, светлая, оснащенная телевизором и холодильником. Граф осмотрел помещение, потом свою руку, в которую была воткнута капельница. Ни то, ни другое ему не понравилось. Одно дело, когда к койке тебя приковывает пуля, а другое – чуть не подохнуть от пьянки. Попахивало малодушием и слабачеством. И то, и другое вообще-то не про него.

В палату заглянула медсестричка, ловко вынула иглу из вены. Он тут же привязался к ней с вопросом, кто оплатил эти хоромы.

– Ваша спасительница пожаловала, все вопросы к ней.

Граф едва успел натянуть на себя одеяло, как дверь распахнулась. За ней «спасительница» – та самая красотка из джипа. Граф обрадовался. Приятно, когда девица из глюка оказывается вполне реальной, да еще геройски спасает тебя от смерти.

– Здравствуйте, – неуверенно сказала она. – Как вы себя чувствуете?

– Теперь – как малосольный огурец. Спасибо, что не бросили на дороге.

– Это было бы очень трудно сделать, – серьезно заявила она, – вы тяжелый.

Даже если бы он был легкий, как пушинка, она все равно не выбросила бы его из своей роскошной тачки. Это было ясно как день. Он разглядывал ее в упор, она елозила глазами по стенам. Волосы темные, брови и ресницы тоже, а глаза ясно-серые. Фигурка точеная, как статуэтка. Красивая девочка, породистая.

Не по Сеньке шапка, говаривал его дед, когда маленький Граф жаловался, что Маша из соседнего подъезда не хочет с ним играть в мяч. Какое-то время Граф не понимал, о чем это дед, и думал, что тот не улавливает сути проблемы. Оказалось, это он сам не улавливал, в чем суть социального неравенства. Маша была из богатой семьи, а его мать подъезды мыла. Так какие игры могут быть?

И эта краля, видать, была тоже не графского размерчика. Но, тем не менее, она приволокла его в больницу и прибежала проведать. Значит, он вчера ей приглянулся?

А что, иногда он может произвести впечатление на дамский пол.

– Я справилась у врача, вы вполне здоровы и можете покинуть больницу, – сказала барышня, – но если не уверены в себе, можете оставаться здесь до завтра, я все оплатила.

– А-пла-тила? – по слогам произнес он и мерзко ухмыльнулся. – Спасибо, конечно.

– Пожалуйста.

Она старательно не смотрела на него и гнала из головы нелепый шаблон: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Она не хотела быть ни за кого в ответе, и уж тем более приручать этого горького пьяницу. К тому же он выглядел так, что было понятно – этот экземпляр дрессуре не подлежит.

«Ты из дремучего леса, дикая тварь?»

Граф, кряхтя, приподнялся, ему не хотелось валяться в ее присутствии. Что ж это она его деньгами попрекает? Может, думает, что он бомж подзаборный? Нет, надо разобраться, поставить, так сказать, все точки на i.

– Спасибо вам за доброту и ласку, – сказал он, – только что-то я совсем не помню, когда мы схлестнулись. Как я в машине-то очутился? Я вчера надрался, как скотина, и если что не так, извиняйте, виноват, исправлюсь...

Мелисса изо всех сил старалась сохранить лицо, топталась возле кровати и не знала, куда деваться под его взглядом. Кажется, этот гигант навоображал себе кучу глупостей. И чтобы развеять всякие домыслы, она подробно рассказала, как ей навязали его в баре и заставили оплатить счет.

– Ты оплатила чужой счет и позволила незнакомому, пьяного мужика засунуть к себе в машину? – нахмурился Граф. – С чего бы это?

Он не поверил ни единому ее слову. И разозлился. А когда он злился, то вежливость испарялась, поэтому он перешел на «ты». Они, скорее всего, действительно вместе пили в том баре. Потом отчалили в сторону ее дома или его берлоги, и он отрубился в ее машине, не выполнив своей мужской функции. По причине абсолютного опьянения, ясный пень! Теперь она пытается внушить ему комплекс вины: мол, ни на что не годен оказался, ни как мужик, ни как спонсор.

А это для него как красная тряпка для быка.

– Ну ладно тебе, малыш, – улынулся он акульей улыбкой, – за бабки не переживай. Все отдам сполна. И остальное, за мной не заржавеет, – подмигнул он. – Это я вчера ни на что не годился, перепил потому что. А сегодня очень даже готов...

И в одно мгновение он сграбастал ее, повалил на кровать и принялся целовать. От запаха ее кожи, от шелка волос, от упругости груди закружилась голова. Ах, девочка, суперкласс! Он даже не сразу понял, что вырывается она по-настоящему.

Мелисса боролась молча, сжав зубы. Не хватало еще скандала в больнице! Но это животное может ее разорвать, раздавить, придушить... И тогда она укусила его за губу. Он на секунду ослабил хватку, обиженно взревев.

И она рванула что есть мочи из палаты. Промчалась по коридору, не обращая внимания на изумленные взгляды окружающих, и пулей вылетела наружу. И только возле своего «Доджа» сообразила, что ее сумка с ключами и документами осталась в палате.

И тут она заревела. Вернуться к чудовищу, которое накинuloсь на нее, было невозможно. И сил для объяснения с обслуживающим персоналом клиники у нее тоже не было. Но долго плакать она не могла. Кое-как утерев слезы кулаками, она стала убеждать себя, что малодушничать нельзя, без ключей ей не уехать. В конце концов, можно прийти в палату с врачом или охранником.

– Э-э-э, вы забыли это...

Она резко развернулась и обнаружила у себя за спиной «рокового» мужчину. Мелисса в ужасе прилипла задом к своему автомобилю, прикидывая, уже начинать орать «помогите!» или еще можно разойтись без милиции.

– Прошу вас, не бойтесь меня! Я погорячился, простите. Клянусь, я вас не трону!

Он был одет в джинсы и футболку, свитера не наблюдалось. Хотя вчера свитер на нем был, она это помнила отчетливо. В руках верзила держал ее сумку.

– Если вы прикоснетесь ко мне, я закричу, – предупредила она.

Осталось только забрать у него сумку. Какое счастье, что можно умчаться подальше от этого кошмарного мужика! Она протянула руку. И он вернул ей ее собственность. Мелисса лихорадочно шарила внутри сумки, пытаясь выудить ключи от машины.

– Слушай, не уезжай вот так, а? – он ухватился за дверцу. – Я вел себя как дурак! Просто решил, что ты меня дразнишь... Ну, прости! Я виноват, ты меня спасла, а я... Сколько я тебе должен, скажи?

– Да при чем тут деньги! – ахнула Мелисса.

Наконец она смогла отпереть свой «Додж» и быстро нырнула внутрь. Захлопнула дверцу у него перед

носом. Заведя мотор, дала по газам и рванула с места. Он едва успел отскочить. Хватит с нее этого цирка!

Она завернула за угол. И тут зазвонил телефон.

Мелисса в шоке дала по тормозам – как такое возможно?! Заиграла мелодия, которая когда-то стояла на номере ее мужа. Но она стерла ее собственноручно!

Номер на дисплее не высвечивался.

– Да! – ее голос предательски дрогнул.

– Киска, ты что так долго? Ты выехала из офиса сто лет назад. Попала в пробку? Я не могу тебя дождаться. Я в запале. Я хочу тебя!

Мелисса в ужасе отбросила телефон. Этого не может быть! Стас мертв! Стас мертв! Мертв!

Ее била дрожь. Господи, сколько она еще выдержит вот так? Где реальность, а где ее собственный бред?

Боковым зрением она засекала в зеркале какое-то движение. Из-за поворота вынырнула знакомая фигура. Мелисса перестала хватать ртом воздух.

«Вот идет вполне реальный мужик. Он не имеет никакого отношения к моему прошлому. Вчера я увидела его впервые в жизни. Надо с ним поговорить. Просто поговорить».

Она сидела и наблюдала в зеркальце, как он медленно приближается к ее машине. Мелисса выжидала. Ей просто необходимо побыть рядом с человеком, с которым ее ничего ровным счетом не связывает. Ей хотелось забыть о своем сумасшествии. Хотя бы совсем ненадолго.

– Меня ждешь? – спросил он, подходя к машине.

Мелисса, не глуша двигателя, выбралась наружу и протянула руку для рукопожатия.

– Мелисса Водопьянова-Вагнер, – представилась она.

– Графовский Олег, – ответил он на ее рукопожатие.

– Приятно познакомиться.

– Вообще-то я тебя сто лет знаю, – улыбнулся он.

– Что? – жалко вякнула Мелисса.

Все поплыло перед глазами, зазвенело тоненько в ушах, и земля ушла у нее из-под ног. И если бы он не подхватил ее, она хлопнулась бы прямо на землю.

– Эй, ты чего? – спросил верзила и встряхнул ее легонько.

Она с тоской посмотрела на него. Олег Графовский. Ей его имя ровным счетом ни о чем не говорило. А он ее знал. Оказывается, они сто лет знакомы! Вот и побеседовали!

Очнулась она уже в машине. Он сидел за рулем ее «Доджа». По-свойски, надо сказать.

– А мы давно знакомы? – спросила она.

– Без малого сутки, – ухмыльнулся он. – А чего ты так испугалась? Ты решила, что мы вчера все-таки переспали?

– Ты что, издеваешься надо мной? – спросила она.

– Нет, просто однажды я прочитал твою статью об архитектуре будущего. Ты так смачно рассказывала о том, в каких домах будут жить наши правнуки, что я подумал – вот ради чего стоит жить. Вот за что надо бороться. И там оказалась твоя фотография. Но у меня была лишь половина журнала, и фотку твою я видел только вот так, – он провел ребром себе под носом. – И я понял, откуда тебя знаю, только тогда, когда ты представилась. Очень фамилия у тебя прикольная.

Мелисса слушала как зачарованная. О, этот человек ниспослан ей свыше! Рядом с ним ей кажется, что сама она не так уж безумна. О чем он бормочет? Какие полжурнала? Какая статья?

Оказалось, она произнесла это вслух.

– Я воевал, был ранен, – объяснил он. – Меня заштопали в полевом госпитале. Я там валялся какое-то время. А почитать было нечего, кроме того журнала об архитектуре.

Мелисса наконец вспомнила, о какой статье он говорит. В прошлом году она давала интервью о своем деде одному продвинутому журналисту.

– Отвезите меня домой, – попросила она и назвала адрес.

Она и не думала приглашать его к себе. Но когда они приехали к дому, где когда-то жили ее родители, Мелисса увидела свет в окне гостиной. И позвала его на чашку чая. Она прекрасно помнила, что не включала свет в гостиной и, соответственно, не могла забыть его выключить. Кроме нее ключей от квартиры никто не имел, посему свет зажечь там никто не мог. Таким образом, выходило, что кто-то или что-то ожидало ее в стенах родного жилища.

В конце концов этот Графовский огромный и сильный, и даже воевал, если верить его рассказам. И потом, он был кое-чем ей обязан. Так пусть проявит свои мужские качества – выступит в роли ее телохранителя. Мелисса оценивающе покосилась на его бицепсы: силушкой бог товарища не обидел, и есть

надежда, что он сможет ее при случае защитить.

– Ну так как? Вы не слишком спешите? – поинтересовалась она.

– Я вообще никуда не тороплюсь, – протянул он.

И его тон ей страшно не понравился. Неизвестно, о чем он там подумал, но явно о чем-то, не относящемся к делу. Мелисса поморщилась, но выбор защитников у нее был скудный.

– Хорошо, пойдёмте, – сказала она и вылезла из машины.

Барышня Водопьянова-Вагнер оказалась очень странной, нервной и, пожалуй, запуганной какой-то. Когда Олег читал ту статью, думал, что она из другого мира, чистого и недоступного. Он прекрасно запомнил и ее глазницы, и странную фамилию. Ему сейчас очень чудно было осознавать, что бизнесменша из модного журнала оказалась вполне живой женщиной. И он ее даже целовал, а она цапнула его за губу.

Всю дорогу до дома Мелисса вела себя как мышь в подполе: ни слова, ни жеста. А как приехали, вдруг на чай позвала. А он готов был сто баксов поставить, что она его отошьет и телефона не даст.

Граф, парень не робкого десятка, приглашение принял. Позвала к себе, и отлично. Он очень даже готов. И пусть покойный дед нашептывает на ухо про Сеньку и шапку, ему плевать. Мелисса Графу нравилась страшно. Пришлось признать этот факт.

Они вошли в парадное. Лестница широченная, ступени ковровой дорожкой покрыты. На входе консьержка сидит, с окулярами – куда там снайперу. На них так посмотрела, что чуть насквозь не прожгла!

Они поднялись в лифте на третий этаж.

– Проходите, проходите. Нет-нет, разуваться не надо, – сказала Мелисса.

Они прошли сначала в просторную прихожую, затем в освещенную комнату. И тут Мелисса побелела аж до синевы. Она тарасилась на стол и дышала тяжело, а там, кроме посуды, ничего не было.

– Олег, – прошептала она, – можно попросить вас об одолжении? Вы не осмотрите квартиру? Мне кажется, что в мое отсутствие здесь кто-то побывал.

Он видел, что она не кокетничает и не в спальню его таким образом заманивает. Она действительно чего-то сильно боялась.

– Без проблем, малы... – начал он и осекся, – посиди пока тут.

Он быстро и осторожно обошел квартиру. Здоровая хата, пятикомнатная. Правда, обставлена как-то не очень. Мебель вся старая, сразу видно. Ковры на полу тусклые, стены без обоев, просто побеленные. Ну, картин, конечно, много. Но в них Граф ничего не понимал.

– Все чисто, – сказал он.

– Видишь ли, кто-то тут чаевничал, – объяснила она, складывая на поднос чашки. – Это бабушкин сервиз, она привезла его из Англии, я никогда не беру эту посуду...

И вновь прозвенел телефон, на этот раз стационарный. Она резко побледнела и уставилась на него. Граф машинально протянул руку к журнальному столику, на котором стоял аппарат, и поднял трубку. Мелисса даже не пошевелилась.

– Алло, – сказал Граф.

– Э-э, простите, а где Мелисса?

– А кто ее спрашивает?

– Это ее сестра. А я с кем разговариваю?

– С ее другом.

– Каким еще другом? Как вас зовут?

Тут Мелисса всполошилась.

– Дайте мне, – протянула она руку.

Он молча отдал ей трубку.

– Алло, – сказала она с вызовом.

Видимо, сестра говорила ей что-то не слишком приятное, потому что на щеках Мелиссы зажглись два алых пятна. Она бросила на Графа косой взгляд и отвернулась.

Он ухмыльнулся: как же сложно жить этим голубокровным сверхчеловекам! Внешне они вежливы и сдержанны, не проявляют лишних эмоций, при любых обстоятельствах держат марку. А внутри у них все горит и корчится. Одни сгорают от непобедимых болезней, другие заканчивают жизнь в психушке. Вот взяла бы она сейчас и послала сестрицу куда подальше – сразу легче стало бы.

Но Мелисса никого никуда не послала.

– Я еще раз повторяю, у меня все в порядке, – спокойным тоном сказала она, – я прекрасно себя чувствую. Нет, останусь в городе, у меня завтра дела. Все, Кира, пока. Спокойной ночи.

Она положила трубку и с вымученной улыбкой посмотрела на Графа.

– Я обещала вам чай. Какой вы пьете?

Граф обычно пил крепкий чай с сахаром, шесть ложек на кружку. Он ей так и сказал. А она посмотрела на него с жалостью и кивнула, похоже, каким-то своим мыслям.

– Подождите минуточку, – сказала она и ушла куда-то по коридору.

Он пошел за ней, ему не хотелось сидеть в одиночестве. И глядя, как она колдует над заварником, он стал приставать к ней с вопросами:

– Слушай, а давай ты мне все расскажешь, а? Я же вижу, у тебя какие-то проблемы. Я могу помочь, правда.

– Спасибо, но на самом деле я могу справиться сама, – покачала она головой.

И тут опять зазвонил телефон. Мелисса его опередила. И Граф уставился ей в лицо.

– Лиса, детка, мне не нравится твой новый знакомый, – сказал отец. – Ты так расстроила маму, что она даже разговаривать с тобой не хочет! Мы считаем, что он тебе не пара, пусть он немедленно уйдет из нашего дома...

Мелисса закусила губу и аккуратно повесила трубку. За спиной засвистел чайник, она вздрогнула всем телом и заплакала. Графу приходилось видеть плачущих женщин. Его мать выла и причитала, сморкаясь в передник, его сожительница, на которой он так и не женился, рыдала, размазывая по щекам тушь. Эта плакала беззвучно, из широко распахнутых глаз просто одна за другой бежали слезы, и она их даже не вытирала.

– Олег, я передумала. Мне действительно нужна помощь. Выслушайте меня для начала. И если вы скажете, что это бред, я просто поеду к психиатру.

Интересное начало, подумал Граф.

– Три года назад мои родители и муж погибли в автокатастрофе. В тот же год ушли и бабушка с дедушкой. Я осталась одна. У нас с мужем был бизнес, который требовал очень много сил и времени. И я вся ушла с головой в работу. Я не общалась ни с кем, кроме родственников, и жила очень замкнуто. И, видимо, это сказалось на моей психике. У меня начались галлюцинации...

При этих словах она тревожно посмотрела ему в лицо. У Графа свело челюсть. Она была такой красивой, что он едва сдерживался, чтобы снова не полезть к ней с поцелуями. Ее губы, такие мягкие, сочные, чуть припухшие от слез...

– Какие галлюцинации? – хрипло спросил он.

– После смерти родных я часто видела их во сне, разговаривала с ними, а потом они как будто снова вернулись домой. Сначала вещи стали исчезать и появляться в других местах, потом пришло письмо от папы, которое он мне прислал, когда ездил в Польшу. А еще, мне приснилось, что бабушка испекла свой фирменный «Рыжик». Приезжаю домой с работы, а торт на столе стоит, я его спрятала в холодильник, проснулась утром, а никакого торта нет. Дальше хуже, они стали мне звонить и что-то требовать. И если я не выполняю их просьб, они начинают пакостничать, то вещи разбросают, то картины со стен посрывают. Я уже и в церквях службы за упокой их душ заказывала, и квартиру освятила. Даже к экстрасенсу съездила. Я переехала за город, неделю прожила спокойно. А потом и там началось...

Она судорожно вздохнула. И наконец посмотрела ему в лицо.

– Ты веришь в мистику? – спросил он.

– Я стала верить во все это, иначе надо признать, что я свихнулась.

– Они звонят только на домашний или на сотовый тоже?

– И туда, и туда.

– И чего хотят?

– Сейчас, например, чтобы я выпроводила тебя из квартиры.

– Ну, это-то понятно, – ухмыльнулся он.

Он покопался в ее мобильнике. Последний звонок с того света шел с закрытого номера. Граф позвонил кому-то и просил пробить этот номер.

– И заодно пробей того, на кого зарегистрирована симка, – велел он.

С письмом все было просто, его вторично заклеили и бросили в почтовый ящик, на штампах стояла давнишняя дата отправки. Затем он осмотрел дверь: следов взлома не наблюдалось. Значит, тот, кто приходил сюда с тортиками, а потом безобразничал в отсутствие хозяйки, имеет собственный ключ.

– Нет, ключей от квартиры ни у кого нет, – покачала головой Мелисса. – Все комплекты вон в шкафу лежат. Увы, Олег, это не чьи-то там шуточки. Это действительно необъяснимые и страшные вещи. Это длится полгода! Меня на самом деле преследуют призраки! Иногда мне кажется, что я не выдержу и сойду с ума. Я не готовлю в квартире, потому что в мое рагу однажды высыпали пачку соли, а в суп бросили тапки.

И она рассказала, что ее умершие родственники совершенно распоясались в последнее время. Они

стали будить ее по ночам звонками, и у каждого было свое мнение на тот счет, как ей следует жить. Мама не хотела, чтобы она носила ее украшения, отец требовал, чтобы она поддерживала отношения с его братом и кузинами. Муж желал, чтобы она уволила старшего менеджера, который оказывает ей внимание. Дедушка с бабушкой настаивали, чтобы она продала квартиру и переехала жить за город.

– Понимаешь, я уже не знаю, что делать. Я ни с кем не могу этим поделиться! Любой решит, что я чокнутая, – в отчаянии жаловалась Мелисса Графу. – Примерно через пару недель, когда это все только началось, ко мне приехали кузины, и я им все выложила. Представляешь, я пошла в ванную и обнаружила надпись на зеркале: «Передай от меня привет племянницам». Проще было им все рассказать. И я рассказала, и надпись показала. Только девчонки не поверили.

– Высмеяли тебя? – спросил Граф.

– Да нет, что ты. Они мне до сих пор в лицо ничего не говорят, но уверены, что я сама все это проделываю. С того дня они стали ко мне заезжать сначала почти каждый день. А потом и вовсе поселились за городом, мы практически одновременно туда переехали. Потому что я одна не справлялась.

– С чем?

– С ситуацией. Понимаешь, сестры очень за меня переживают. Они звонят, беспокоятся, еду готовят, убирают, носят со мной как с писаной торбой. Но я же вижу эти взгляды, и перешептывания, и переглядывания. Однажды я случайно услышала, как Кира говорила сестре, что их долг – не оставлять меня в беде. Я, конечно, понимаю, что они так поступают из лучших побуждений, но они разговаривают со мной, как с душевнобольной. Это ужасно!

Граф смотрел на нее. И думал, что ужасно будет, если он прямо с ходу потащит ее в койку. А так хотелось! Так хотелось! Как школяру при виде смазливой учительницы. И тогда он решил, что пойдет более длинным путем, не будет сразу ее хватать и тащить, а проявит хитрость и изворотливость.

Сначала он повез ее в ресторан и буквально заставил выпить граммов двести коньячку. Она к тому моменту совершенно расслабилась, видя, что он не падает в обморок от ее рассказов и не вызывает ребят со смиренными рубашками. Коньяк пила неохотно, но все же пила. Потом они прошли немного «по свежему воздуху», буквально до ближайшего бара, где и продолжили разогрев организма.

Граф однозначно понял, что это его женщина – и что он ее в обиду никому не даст. Потому что таких женщин в природе не существует. То, что она говорила, и, главное, как это делала, сводило его с ума. Он сидел и прикидывал, что лучше – заманить ее к себе или напроситься к ней. Пришел к выводу, что к нему она не поедет даже под страхом смертной казни. А как к ней прорваться, не знал.

Помогли призраки. У самого подъезда ей на сотовой позвонил покойный муж и попытался предъявить претензии: мол, где ее носит и с кем. Она опять разволновалась, тут-то Граф ее и утешил. Алкоголь сделал свое дело, она ответила на поцелуй, завелась, и у Графа окончательно сорвало башню. Как они оказались в квартире, он помнил плохо. Но вот как цепочку на дверь накинул, запомнил отчетливо. В эту ночь он не жаждал появления лишних свидетелей.

Наутро Мелисса проснулась другим человеком. Она смотрела на огромного чужого мужика в своей кровати и думала, что, наверное, сошла с ума. Но тут груда татуированных мышц пошевелилась и хозяйским жестом притянула ее к себе. Мелисса каждой клеточкой тела чувствовала свою наготу, но раскаяния не испытала. Она слишком долго страдала от одиночества и страха. Впервые за несколько лет она ощущала полную защищенность. Чужой мужик перестал быть абсолютно чужим. За эту ночь она узнала о нем много такого, что делало его почти родным.

И она не стала возражать, когда он после порции утренней любви велел позвонить в офис и сказать, что она на работу не выйдет. По его звонку в квартиру явилась куча народу. В ее квартире нашли жучки, в чае, в кофе и в специях – психотропные средства, были также сняты отпечатки пальцев. После чего вся бригада загрузилась в машины и отправилась за город.

Ее кузины отпирались недолго. История оказалась банальной до упомощения. Огромное наследство, которое досталось Мелиссе после гибели родных, стало предметом зависти двоюродных сестер по папиной линии. Им казалось, что будь они на месте кузины, то нашли бы лучшее применение и деньгам, и ценностям, и недвижимости.

– Чокнутая! Она и так была чокнутая! – горячилась младшая кузина. – Получила столько бабла в наследство и сидела в четырех стенах, только на работу ходила, все ей мало было денег!

А тут еще у старшей завелся очень предприимчивый дружок, который убедил подружку, что будет прикольно «пощипать» одинокую богатую родственницу. Сначала все затевалось как одноразовая акция по вытрясанию денег. Девушка живет одна, после гибели родных совсем замкнулась в себе, втереться к ней в доверие и выманить немного денег труда не составит. Но тут, на свою беду, Мелисса рассказала кузине, что

ей снятся странные сны о погибших.

– Она сказала, что как будто чувствует их рядом, – сообщила Кира, – а потом добавила, что все время поступает с оглядкой: одобрит ли это папа, понравится ли это маме...

– Вот мы и решили, – подхватила Мирослава, – что ей будет только лучше, если она обратится к специалистам. А раз ей не нужны материальные блага, то пусть отдаст их тому, кому они нужнее!

В общем, у них возникла идея довести Мелиссу до полного умопомешательства и добиться, чтобы она переписала на них все свое добро, повинувшись якобы воле умерших. Они устроили настоящую мистификацию. Уединенное существование сестры позволяло им полностью контролировать ситуацию. Это был беспроблемный вариант. Главное, никого к ней не подпускать.

Они придумывали все новые и новые «шуточки». На деньги самой же Мелиссы установили в квартире прослушку и стали подсыпать ей в еду психотропные препараты. Кузины съехали с квартиры в дом Мелиссы, ездили на машинах тетки и дядьки, которые сестра не успела продать.

– И все равно прочухали мое появление, – хохотнул Граф, подводя итог невеселой истории.

Сестер увезли в следственный изолятор. Разъехались представители правоохранительных органов. Друзья Графовского из прокуратуры уезжали последними.

– За мной поляна, – пожимая им руки, обещал Олег.

– Да ладно, ты нам готовенькое дело на блюдечке преподнес, чего там! – засмеялся один из них.

– Лучше на свадьбу не забудь позвать, – подмигнул второй.

И они все дружно посмотрели на Мелиссу.

– У девчонки нервная система железная, раз такой прессинг выдержала. Может, и тебя вынесет? – заржал третий.

И они, похохатывая, полезли в машину.

– Не слушай их, полные придурки, – заявил Граф, сияя, как начищенный пятак.

– Олег, может, ты теперь объяснишь, как тебе удалось за один день развить такую бурную деятельность в милицейской среде?

– Мой самый лучший друг, который три дня волок меня по горам с развороченным пузом, брат того парня, что на свадьбу напрашивался. А брат Андрона ходит в должности заместителя прокурора нашей области. Его жена – судья. Дядька у нее – большой чин в МВД. Короче, круговая порука!

– Ну, а ты сам кто?

– Я начальник военно-спортивной подготовительной базы, без пяти минут офицер запаса. Холост. Сейчас нахожусь в творческом поиске подходящей боевой подруги.

– Понятно, – устало улыбнулась Мелисса. – Все ясно. Никакой мистики.

– Ну, как сказать. Есть один момент, который никак не укладывается в схему. Как я в том баре оказался? Мы ж пили с ребятами в другом районе, отмечали очередную звезду Андрона. И никто из них не заметил, когда я оттуда слинял. И я ни хрена не помню. Очнулся у тебя в машине, и то ненадолго. Так вот, я думаю: может, это судьба?

Примечания

1

Имеется в виду граф Валевский – сын Наполеона от Марии Валевской, так называемой «польской жены» императора.

Подробнее об этом можно прочитать в романе Валерии Вербиной «Отравленная маска».

3

Название придумано автором, любое совпадение случайно.

Более подробно история знакомства Тани и Михаила Беркута рассказана в романе Анны и Сергея Литвиновых «Биография смерти», издательство «Эксмо».